

КАЗАХСТАН

В КАНУН

ОКТЯБРЯ

АЛМА-АТА • 1968

П. Г. ГАЛУЗО

**КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА
РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
В КАНУН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹**

Одной из коренных исторических проблем, обсуждаемых советскими историками, является проблема о характере российского империализма и его колониальной системы. В задачу настоящей статьи не входит изложение историографии, как и хода обсуждений. Тема ограничивается характеристикой колониальной системы российского империализма прежде всего по работам В. И. Ленина, а также по результатам исследований советских историков последних лет. При этом рассматриваются только основные, узловые вопросы.

**1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА**

В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал: «Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма»². Это относилось и к России. Крепостническая Россия осуществляла колониальную политику с того периода, когда объединение русских земель в единое централизованное государство начало перерастать в расширение территории Московского царства за счет присоединения соседних, более слабых народов. Завоевание Поволжья

---

¹ Статья опубликована в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1967, Heft 6. Здесь воспроизводится ее русский текст.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379.

и Сибири во второй половине XVI в., присоединение большей части Казахстана и Кавказа в XVII—XVIII вв. были исходным этапом российской военно-феодальной колониальной политики, возникновения российского военно-феодального империализма. Но это был помещичий «империализм», помещичья военно-феодальная агрессия по отношению к малым народам, отличная и по своим движущим силам, и по экономической значимости от колониальных захватов капиталистических стран эпохи капитализма и империализма. Это были захваты эпохи первоначального накопления. Социальной базой такого «империализма» был крепостнический строй Московского царства, Российской империи. Движущей силой военно-феодальной колониальной политики русского царизма являлись крепостники-помещики и «герои первоначального накопления» — купцы.

Поскольку в России могучие остатки крепостничества в сельском хозяйстве и феодально-крепостническая власть помещиков — царизм сохранились до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., сохранился и военно-феодальный империализм. Национальный гнет осуществлялся на основе «империализма... средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического»³ — того же, военно-феодального, империализма. В то же время сочетались интересы империализма военно-феодального и капиталистического. «В России капиталистический империализм новейшего типа, — писал В. И. Ленин в 1915 г., — вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм»⁴. Здесь В. И. Ленин говорит не только о характере российского империализма, но и о сочетании захватнической политики военно-феодального империализма с агрессивными устремлениями империализма капиталистического.

Именно потому, что помещичье стремление к захватам новых территорий, к распространению своей крепостнической власти на все новые и новые народы — то, что называлось военно-феодальным империализмом, — сохранилось в России и в эпоху капитализма и империализма, царские колониальные захваты и в XIX, и в XX вв. вплоть до захватов, во имя которых велась война 1914—1918 гг., прежде всего осуществлялись ради интересов крепостников-помещиков, социальной опоры царизма.

Но со вступлением России в период капитализма и переращением российского капитализма в империализм захва-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 58.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 318.

ты осуществлялись также и в интересах империализма новейшего типа. Если в крепостнической России XVI—XVIII вв. движущей силой российской агрессивной внешней политики были только купцы и помещики, то теперь помещики вступают в союз с империалистической буржуазией. Процесс перерастания российского капитализма в империализм (конец XIX — начало XX в.) был также процессом возрастания роли империалистической буржуазии в определении внешней политики царизма. В 1914—1917 гг. (до Октябрьской социалистической революции) империалистической Германии противостояла империалистическая Россия — военно-феодалная и капиталистическая, но со всех сторон — империалистическая.

Нельзя себе представить российский капиталистический империализм без этой его роли в определении направлений внешней политики царизма. Но в еще большей степени нельзя представить перерастание российского капитализма в империализм без такой составляющей, как установление колониальных отношений между империалистической Россией и подчиненными ей отсталыми народами. Одновременно с образованием в России монополий, с возрастанием роли банковского капитала, словом, со вступлением капиталистической России в стадию империализма, складывалась и его колониальная система, совершался экономический процесс подчинения царских колоний капиталистическому империализму. В конце XIX — начале XX в. наряду с царизмом (военно-феодалным империализмом) в колониях Российской империи господствующей экономической силой стал и капиталистический империализм.

Между центральной, экономически передовой Россией и ее культурно и экономически отсталыми окраинами складывались такие экономические взаимоотношения, которые типичны для отношений империалистических метрополий и отсталых колоний — «между «цивилизованными» и нецивилизованными народами»⁵.

Говоря о преобладании в России военно-феодалного империализма, В. И. Ленин учитывает и этот процесс. Характеризуя мировой империализм, ставя Россию в ряд с другими империалистическими странами, В. И. Ленин включает экономически отсталые окраины российской империи в число колоний России, характеризует их как российскую колониальную систему, входящую составной частью в колониальную систему мирового империализма. Вот ленинский подсчет мировой колониальной системы.

---

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 356.

В 1876 г. колониальная система великих империалистических держав (Англия, Россия, Франция) простиралась на 40,4 млн. кв. км, с 273,8 млн. жителей, в том числе колонии России имели 17 млн. кв. км, 15,9 млн. жителей. К 1914 г. в результате «расхвата» колоний конца XIX — начала XX в. пространство колоний шести держав (Англия, Россия, Франция, Германия, Япония, США) достигло 65 млн. кв. км, население — 523,4 млн. человек, в том числе колонии российского империализма простирались на 17,4 млн. кв. км, с 33,2 млн. жителей, при метрополии в 5,4 млн. кв. км, с 136,2 млн. жителей⁶. К числу российских колоний капиталистического империализма В. И. Ленин причислил Сибирь, куда входил и Казахстан, Среднюю Азию, Хиву, Бухару и Кавказ⁷. Они занимали 76,3 проц. территории и имели 19,6 проц. населения Российской империи.

В орбиту колониальной эксплуатации российского капиталистического империализма не вошли более передовые угнетенные национальности Европейской России. Колониальную систему империализма составили экономически и культурно отсталые страны Азии, одни (Сибирь, большая часть Казахстана и Кавказа) — со времен крепостничества, другие (Средняя Азия, Хива, Бухара, остальная часть Казахстана и Кавказа) — со времени капитализма, в порядке капиталистического «расхвата» колоний. Именно эти районы царской России в результате развития российского капитализма «вширь» превратились в объект колониальной эксплуатации со стороны капиталистического империализма, подчинились его экономической власти, стали колониями «в экономическом смысле» (В. И. Ленин). Остальные, экономически более развитые национальные районы империи устояли против натиска империализма. Экономическая зависимость от Центральной России проявлялась и в этих районах — в неодинаковой степени для разных областей и краев, но в колонии они не превратились.

II. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ РОССИИ-МЕТРОПОЛИИ

Колониальное состояние названных районов в период империализма характеризовалось следующими основными экономическими факторами: колонизация свободных и насильственно отнятых у местного населения земель крестьян-

---

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 314; т. 27, стр. 377.

⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 518.

нами-переселенцами из Европейской России, специализация на производстве продуктов сельского хозяйства и сырья для промышленности метрополии, разработка горных богатств, проникновение банковского капитала. В системе эксплуатации переплетались / получение царизмом и царским чиновно-бюрократическим аппаратом власти огромной феодальной ренты в виде налогов и поборов с местного и переселенческого крестьянства и капиталистическая эксплуатация крестьянства через торгово-ростовщические операции и неэквивалентный обмен сельскохозяйственных продуктов на изделия промышленности Европейской России. Одновременное господство в колониях военно-феодального (помещичьего) и новейшего — капиталистического империализма накладывало свой отпечаток на характер колониальной эксплуатации: методы феодальной эксплуатации сочетались с капиталистическими. Это имело большое значение и для экономики России, и для взаимоотношений двух господствовавших в России эксплуататорских классов — крепостников-помещиков и империалистической буржуазии.

Еще в начале 90-х годов В. И. Ленин определил характер развития российского капитализма «вширь» — на колонии. Это было расширение деятельности российского торгово-ростовщического капитала на новые территории, распространение его эксплуататорской деятельности на территории, «где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось»⁸.

По оценке В. И. Ленина, российский капитализм, проникший в колонии, был капитализмом эпохи первоначального накопления, устремлявшимся в колонии во имя огромных прибылей за счет экспроприации колониального крестьянства.

Но В. И. Ленин не ставит знака равенства между торгово-ростовщическим капиталом XVII—XVIII вв., осуществлявшим первоначальное капиталистическое накопление в России, и таким же капиталом периода империализма. После революции 1905—1907 гг. этот тип капитала он назвал октябристским (по имени партии октябристов, отражавшей интересы наиболее реакционного крыла российского империализма). Октябристский капитал конца XIX — начала XX в. также оценивается В. И. Лениным как капитал эпохи первоначального накопления. Но это уже не тот торгово-ростовщический капитал, который в XVII—XVIII вв. функ-

---

⁸ В. И. Ленин. Полн. соб. соч., т. 1, стр. 324.

ционировал в порах феодализма. Это капитал, пожирающий мелкое крестьянское хозяйство в период и в интересах империализма. Это экономические щупальцы империализма, проникавшие в деревню Европейской России, но особенно жадно и разрушительно — в национально-угнетенную, экономически отсталую, еще не вышедшую из-под власти феодалов, деревню азиатских колоний России.

Октябристский капитал имел тенденцию перерастания в передовой, индустриальный. Но возможности его расширения на новые территории (колонии) задерживали этот процесс. «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «инородцев»⁹. Для России это означало, что прогрессивный процесс перерастания торгового и ростовщического капитала в индустриальный задерживался. Расширялась сфера первоначального накопления за счет вовлечения колоний в товарные отношения. Но в условиях царской России это совершалось в такой форме, через которую тормозилось экономическое развитие и колоний, и метрополии.

В результате развития российского капитализма «вширь» социальные противоречия в России ослаблялись. О второй половине XIX в. В. И. Ленин писал: «Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории *задерживается вследствие колонизации окраин*. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий *временно отсрочивается* вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь». В то же время «возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) *ослабляет остроту... противоречия* между капитализмом и крепостничеством и *замедляет его разрешение*»¹⁰. (Курсив наш. — П. Г.).

Колониальная система империалистической России стала такой составной частью Российской империи, которая задерживала общественное развитие всей страны. Национально-колониальный гнет и грабеж колоний задерживал их экономическое развитие. В свою очередь возможность грабить колонии задерживала экономическое развитие метрополии. «Передовой» капиталистический империализм вследствие наличия под его экономической властью колониальной системы смыкался с архаическими формами капитала,

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 318.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 596.

а через него и с феодализмом колоний, становился реакционной экономической силой. Усиливалось его наиболее реакционное, октябристское крыло.

Через эксплуатацию колоний противоречие между феодализмом и капитализмом в России смягчалось, отсрочивалась буржуазная революция. Две реакционные силы — военно-феодальный и капиталистический империализм, несмотря на свою принадлежность к диаметрально противоположным социально-экономическим формациям, на почве эксплуатации колоний сближались между собой, становились союзниками как в политическом, так и экономическом угнетении колоний. Союз крепостников-помещиков и империалистической буржуазии, прослеживаемый через весь период империализма в России, находит свое объяснение не только во внутреннем положении страны, но и в колониальном вопросе.

Смягчение противоречий между феодализмом и империализмом имело, однако, и другую сторону. В конечном итоге оно приводило к крайнему обострению противоречий как внутри феодализма, так и внутри капитализма. И не только бедственным положением трудящихся масс внутри страны, но и усилением их политического и экономического угнетения, вытекавшим из эксплуатации колоний, объясняется то, что процессу сближения таких реакционных сил, как крепостники-помещики и империалисты, противостоял процесс объединения вокруг пролетариата демократических, антицаристских и антиимпериалистических сил всех национальностей России.

Наличие в России колониальной системы в XIX в., в период промышленного капитализма, несомненно отсрочивало буржуазную революцию и привело к тому, что буржуазная революция «европейского» типа здесь так и не совершилась. Но столь же несомненно и то, что оно же в конечном итоге обостряло противоречия, приведшие к революции 1905—1907 гг. и Февральской буржуазно-демократической революции, ускоряло их наступление, изменяя при этом саму форму, тип революции. Способствуя ослаблению противоречий между буржуазией и крепостниками-помещиками, колониальная система в то же время расширяла фронт борьбы трудящихся масс, превращала его во всеобщий. Февральская буржуазно-демократическая революция стала революцией нового типа, перерастающей в социалистическую, включающей в себя и колониальные революции в царских колониях.

Обратимся к конкретному историко-экономическому анализу состояния колоний России в XX в.

III. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС. ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КОЛОНИЙ

Феодально-крепостнический строй сельского хозяйства Европейской России вызывал массовое бегство крестьян на земельные просторы колоний. Крестьянство бежало в колонии от малоземелья и феодальной эксплуатации в Европейской России и тогда, когда этому сопротивлялось царское правительство (XIX в.), и тем более в XX в., когда и земельная теснота в Европейской России возросла до крайности и царское правительство перешло к поощрению переселения в целях отвлечения крестьянства от борьбы за раздел помещичьих земель. По официальным данным, с 1896 по 1916 г. (включительно) проследовало переселенцев: в Сибирь — 2 742 852, в среднеазиатские владения — 1 214 206, всего 3 957 058 человек¹¹. Эти цифры исследователи считают преуменьшенными. Можно смело сказать, что за период империализма от 4 до 4,5 млн. крестьян покинули свою родину — Европейскую Россию, ушли от своих непосредственных эксплуататоров — помещиков и направились за Урал, на зауральские земельные просторы. Шли переселенцы и на Кавказ. «К началу 1914 г. во всем Закавказье насчитывалось 12 194 семьи переселенцев (100 тыс. человек)»¹².

В печатных статистических источниках не находим сводных данных, сколько было отведено земли переселенцам или получено ими другими способами до 1906 г. Но вот данные об отводах земель за период с 1906 по 1915 г. За эти десять лет переселенцы получили в Сибири, Казахстане и Средней Азии 28,9 млн. десятин. В то же время царизм изъям у местного населения «на другие надобности» 7,5 млн. десятин. Всего изъято за десять лет 36,4 млн. десятин¹³. В эти цифры не входит площадь земель, изъятых на Дальнем Востоке и Алтае, перешедших во владение царского двора. Дворцовое землевладение за последние годы XIX и первые годы XX в. в Сибири выросло более чем на 30 млн. десятин.

Казалось бы, и земельные просторы колоний, и стремление крестьянства, бежавшего от крепостнической кабалы, обосновывать и развивать на этих землях свободное фермерское капиталистическое хозяйство, и сложившееся в период капитализма и империализма в России экономиче-

¹¹ «Статистический ежегодник России, 1916 г.» М., 1918, стр. 108—109.

¹² Г. А. Арутюнов. Рабочее движение в Закавказье в период нового революционного подъема (1910—1914 гг.). М., 1963, стр. 30.

¹³ В. Тресвятский. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. «Вопросы колонизации», 1917, № 20, стр. 74.

ское разделение труда между колониями и метрополией, открывавшее рынок для продуктов сельского хозяйства, — все способствовало тому, чтобы сельское хозяйство колоний пошло по капиталистическому пути развития американского типа. Однако этого не случилось. В. И. Ленин в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» сравнивает сельское хозяйство «некоторых окраин России или частей Сибири», заселенных русскими переселенцами, не с районами передового, истинно «американского», капиталистического сельского хозяйства США, а с районами «примитивно-экстенсивного земледелия и скотоводства» . . . ¹⁴ Словом, хозяйство переселенцев в колониях пошло не по американскому пути развития, а по типично «русскому», весьма схожему с известным прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве. В чем дело? Что препятствовало превращению крестьянских хозяйств переселенцев в фермерские капиталистические хозяйства?

Российский военно-феодальный империализм, его феодальные методы эксплуатации колоний — вот первое основное препятствие на этом пути. Важнейшим проявлением феодального характера царского господства в колониях было установление верховной собственности царизма на землю. В Сибири, Средней Азии, Казахстане по царским законам все земли были объявлены государственными. Значительная часть земель Закавказья также принадлежала казне. В Грузии в конце XIX в. казне принадлежало 57,6 проц. земельной площади. Это давало царизму возможность распоряжаться землями по своему усмотрению. После реформы 1864—1870 гг. крестьянство Закавказья платило царизму огромную феодальную ренту в виде выкупных платежей. Правом верховного собственника на земли Зауралья царизм прежде всего широко пользовался для водворения переселенцев во имя спасения помещичьего землевладения в России. Изъятия земель распространялись не только на земли местного населения, но и на землепользование русских крестьян — старожилов Сибири. Ко всему крестьянству колоний, и местному, и пришлому из России, царизм относился как к феодально-зависимому «сословию», земли которого служили как бы продолжением помещичьего крепостнического землевладения европейской части империи. Ту же роль играли и казенные земли Закавказья.

Но приведенные цифры свидетельствуют также и о том, что верховная собственность царизма на земли Зауралья реализовалась не только для водворения переселенцев. Колониальная политика царизма была сложнее, объявление

---

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 225.

земель колоний собственностью российского военно-феодалного государства имело за собой гораздо более широкие классовые интересы. Ведущей идеей этих законов было стремление царизма обеспечить возможности для получения феодальной земельной ренты колоний в свою пользу. За реализацию этих возможностей царизм боролся столетиями. Эта борьба продолжалась и в период империализма, и тем более в этот период, ибо в результате развития товарных отношений земли колоний получили свою «цену», рента возрастала.

Среди земель, изъятых «на другие надобности», ведущее место занимали лесные заросли Казахстана и Киргизии, объявленные казенными «оброчными статьями» и сдававшиеся казакам и киргизам для пастбы скота за особую плату, а также так называемые «скотоводческие участки», сдаваемые в аренду скотоводам-предпринимателям по установившимся «рыночным» арендным ценам. Это прямые усилия царизма реализовать в свою пользу возраставшую земельную ренту в ущерб не только местному крестьянству, но и феодалам. В погоне за феодальной рентой и царский двор расширял свое землевладение в Сибири, и казна укрепляла свое землевладение в Закавказье. В этом же фарватере находилась и переселенческая политика царизма.

Передавая земли «бесплатно» в руки крестьян-переселенцев, царизм не приносил «жертвы» крестьянам. Помещики всех национальностей Европейской России через выселение крестьян в колонии охраняли свое помещичье землевладение. Но для русского царизма крестьянские переселения являлись также борьбой за феодальную ренту с колоний в интересах царского правительства, в конечном счете русского помещика. И в этом деле царизм изрядно преуспевал.

Прежде всего, крестьянская колонизация увеличивала ренту с местного крестьянства. В результате земельных изъятий податное обложение местного населения не уменьшалось. Особенно это относилось к кочевникам киргизам, казакам, бурятам и прочим, которые платили свою «подать» (феодальную ренту) не с площади земли, а с кибитки (хозяйства). Сама по себе кибиточная подать в XIX в. возрастала. Изъятия же земель на ее абсолютные размеры не оказывали влияния. Но теперь та же подать падала на меньшие площади земли, ее уровень относительно единицы землепользования возрастал.

Земли же, переданные переселенцам, давали дополнительно ко всему огромную феодальную ренту в виде налогов с переселенцев. Эти налоги достигали 13—15 и более рублей с хозяйства, были не меньше, чем кибиточная подать

с местного крестьянства, и не ниже платежей крестьянства в России, в которые входили и выкупные платежи. При низких ценах на хлеб они были посильны только для кулацких, эксплуататорских хозяйств, а для остальных переселенцев — разорительны. С течением времени платежи возрастали как в силу увеличения количества хозяйств, так и в силу повышения уровня налогов. Поощряя и организуя переселение крестьянства, царизм не только выигрывал на том, что смягчал противоречия в сельском хозяйстве Европейской России, но и интенсифицировал военно-феодалную эксплуатацию колоний. Доходы царской казны с колоний возрастали.

Интенсификация военно-феодалной эксплуатации колоний не ограничивалась только явлениями, связанными с крестьянской колонизацией. Интенсифицировались также и другие формы выжимания из крестьянства феодальной ренты: земская и дорожная повинности, содержание конвойных команд и арестантов при конвоировании их в Сибирь, сборы на содержание волостной и сельской администрации, наконец, взятки и поборы чиновничьего аппарата власти. В одном из документов по Сибири говорилось: «Низшие власти в округах изображают из себя неограниченных монархов»¹⁵. Известно, что в Туркестане и Казахстане даже представители царизма говорили о местных чиновниках, что ими «осуществляется в натуре как бы крепостное право администраторов над всем без изъятия населением»¹⁶. То же повторялось и на Кавказе. Все это было хозяйничаньем «чиновничьей своры», которая стремилась «грабить и брать взятки, как делали всегда Романовы и их шайка»¹⁷. Еще хуже было положение в Хиве и Бухаре, где управлял феодальный аппарат хана и эмира, где не действовали даже царские законы. Там, где земельные угодья местного населения были как бы продолжением крепостнического помещичьего землевладения России, государственный аппарат власти не мог не являться продолжением государственной надстройки над этим землевладением. Осуществляя царскую волю в части грабежа земель местного населения во имя пополнения царской казны, чиновничество не упускало возможности для интенсификации и собственной эксплуататорской «деятельности». В условиях вопиющего бесправия населения феодальная грабительская сущность царской ад-

---

¹⁵ В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. В. И. Ленин о Сибири в эпоху капитализма. В сб.: «Предпосылки Октябрьской революции в Сибири». Новосибирск, 1964, стр. 20.

¹⁶ П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 65.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 387.

министрации в колониях проявлялась с особой силой. Но с развитием товарных отношений жадность чиновничьей своры возрастала. Взятничество и насилия над населением колоний достигли небывалых размеров, принимали особенно острые формы.

Описанное свидетельствует, как осуществлял свое господство в колониях военно-феодальный империализм в период проникновения в них капиталистического империализма. Это было широкое наступление царизма на интересы трудящихся масс колоний. Частично оно задевало и местные эксплуататорские классы. Но условия для этого наступления создавались капиталистическим империализмом. Только на базе широкого вовлечения крестьянства в товарные отношения стала возможна описанная интенсификация военно-феодальной эксплуатации колоний. В свою очередь интенсификация военно-феодальной эксплуатации ускоряла вовлечение местного колониального и переселенческого крестьянства в товарные отношения: чтобы заплатить налоги и поборы, крестьянин должен был выносить на рынок продукты своего хозяйства. Голодал, а продавал...

Как местное, так и пришлое переселенческое крестьянство противостояло российскому военно-феодальному империализму как класс феодального общества — объект феодальной эксплуатации. В самом характере военно-феодального господства царизма в колониях была заложена одна из основных предпосылок того, что в колониях процветал не капитализм, а феодальная эксплуатация. Царизм поворачивал крестьянское хозяйство на мучительный «русский» путь развития капитализма.

IV. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ КОЛОНИЙ

Другой экономической силой, поворачивавшей крестьянское хозяйство на путь медленного, мучительного развития капитализма, был капиталистический империализм с его методами эксплуатации.

Экономические связи колоний и метрополии в период империализма интенсивно возрастали. Это можно видеть хотя бы из следующей справки о железнодорожных перевозках. С 1902 по 1910 г. железнодорожные перевозки возросли по 53 губерниям Европейской России (без Финляндии) на 42,4 проц., в Азиатской России, включая и Закавказье, — на 81,7 проц. и достигли в абсолютных цифрах 1148,9 млн. пудов¹⁸. Это свидетельствует, что обмен продуктов сельско-

¹⁸ «Ежегодник России, 1904 г.». СПб., 1906, стр. 355; «Статистический ежегодник России, 1913 г.». СПб., 1914, стр. 7—12.

го хозяйства колоний на изделия промышленности Европейской России возрастал с необычной для капитализма быстротой. Возрастала и эксплуатация колоний со стороны метрополии. Но в чем были суть, характер этой эксплуатации?

Товарообмен между колониальной, экономически отсталой деревней и передовыми индустриальными городами Европейской России был не эквивалентным. В колониях по пониженным ценам скупались на вывоз хлеб, скот, мясо, кожи, шерсть, масло, хлопок, фрукты и прочие продукты сельского хозяйства. По повышенным ценам продавались ввозимые в колонии мануфактура, галантерея, металлоизделия, машины, нефтепродукты, даже уголь. На таком неэквивалентном обмене наживалась не только русская, но и украинская, белорусская, польская буржуазия, поскольку она принимала участие в вывозе товаров в колонии и потреблении колониального сельскохозяйственного сырья. В вопросах товарообмена не в меньшей мере, чем в переселенческом вопросе, именно вся Европейская Россия со всем ее сложным межнациональным переплетением играла роль метрополии по отношению ко всей Азиатской России. Не обходилось и без конкурентной борьбы. Русская буржуазия в эксплуатации колоний занимала ведущее место. Не без борьбы принимала участие в торговле с азиатскими колониями национальная буржуазия угнетенных национальностей. Особенно ярким примером может служить потребление хлопка. Туркестанский и кавказский хлопок шел главным образом на московские и иваново-вознесенские фабрики и в меньшей мере — в Лодзинский район. Большая часть скота и мяса из Казахстана и Сибири шла в Петербург и Москву, кожами и шерстью торговала главным образом русская буржуазия. Некоторая часть сельскохозяйственной продукции колоний — масло, шерсть, хлеб и т. д. — шла через Россию за границу, причем эти обороты по преимуществу находились в руках русских торговых фирм.

В колониях сложилась разветвленная сеть торгово-ростовщического капитала. По данным переписи 1897 г., в составе буржуазии городов и уездов Сибири живущих доходами с капиталов, банковской деятельностью и доходами с недвижимого имущества насчитывалось 30,9 проц., торговцев и торговых посредников — 69,1 проц. В Средней Азии и Казахстане картина еще более разительная: соответственно 10,9 и 89,1 проц. То же повторяется и на Кавказе. Состав кавказской буржуазии по тем же двум группам распределился так: первая — 33,6 и вторая — 66,4 проц.¹⁹ По Кав-

¹⁹ Подсчет по данным «Общего свода по империи результатов переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.» II. СПб., 1905. Учтено только самодеятельное население.

казу в подсчет вошли и северо-кавказские губернии, что несколько повысило процент первой группы. Вообще же о первой группе надо сказать, что это была по преимуществу мелкая буржуазия (владельцы мелких промышленных предприятий местного значения). Торговая буржуазия в колониях преобладала не только численно, но и экономически. Что это значило для колоний?

Если принять, что первая группа буржуазии имела какое-то, хотя и небольшое, отношение к организации производства, то вторая — это организатор хищнической торгово-ростовщической эксплуатации колоний. Это капитал, который, «не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы...»²⁰. Именно такие формы капитала развивались в Сибири, Казахстане, Средней Азии, на Кавказе. Это — торгово-ростовщический капитал эпохи первоначального накопления, опутывавший сетью своих прижимок — обчетов, обмеров, спекуляций, ростовщических ссуд — крестьянство колоний российского империализма. Не было принципиальной разницы в формах эксплуатации крестьянства местных национальностей и переселенческого, разве только по отношению к местному крестьянству, как политически более угнетенному, операции были более наглыми, бесцеремонными, безнаказанными.

В распоряжении исследователя нет таких данных, по которым можно было бы представить подсчет за последние предреволюционные годы, сравнимый с приведенными данными переписи 1897 г. Но вот сведения об обрабатывающей промышленности за 1913 г. На одно заведение с известным количеством рабочих приходилось в 51 губернии Европейской России 181 рабочий, в Сибири — 48, в Средней Азии и Казахстане — 32²¹. По колониям в учет вошли только самые крупные предприятия — 683 заведения Сибири и 281 заведение Казахстана и Средней Азии. И все же по сравнению с предприятиями России-метрополии это были мелкие заводы. В Закавказье имелась лишь одна сравнительно крупная текстильная фабрика. Остальные предприятия также принадлежали к числу мелких. Часть этих предприятий обслуживала местные нужды, в основном же они производили первичную обработку сельскохозяйственного сырья на вывоз, всецело подчинялись торговому капиталу.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 221.

²¹ «Статистический ежегодник Российской империи, 1915 г.», отд. IX, стр. 14—17.

Все это свидетельствует, что и к началу войны 1914 г. соотношение между промышленным и торговым капиталом здесь мало в чем изменилось. Кадры пролетариата складывались главным образом за счет развития железных дорог и горнодобывающей промышленности (добыча нефти на Кавказе и в Средней Азии, цветных и редких металлов в Сибири и Казахстане, небольшого количества угля в Средней Азии и Казахстане). Но количество пролетариата было невелико.

Изменения форм эксплуатации колоний сводились главным образом к расширению и закреплению связей торговоростовщического капитала с финансовым. Если принять среднегодовой итог операций всех банковских учреждений Зауралья по учету векселей за 1898—1900 гг. за 100, то в 1907—1908 гг. он составит в Сибири 211,5, в Средней Азии — 354,6²². Нетрудно заметить, что рост банковских операций как бы идет в соответствии с показанным выше ростом товарооборота, но значительно его опережает. Это весьма существенно. Несмотря на появление некоторого количества горной и обрабатывающей промышленности, капитализм колоний по своему экономическому типу оставался архаическим торговоростовщическим. Его главная, ведущая экономическая функция — эксплуатация разрозненного (еще не собранного под одной крышей) мелкого производителя — крестьянина. Но его связь с финансовым капиталом (империализмом), его экономическое подчинение последнему становится все более и более полным. Это и был капитал, названный В. И. Лениным октябристским. Это уже не тот торговый капитал, который функционирует в порах феодализма и в период перехода от феодализма к капитализму совершает первоначальное капиталистическое накопление. Но это еще и не купеческий капитал, функционирующий в развитом капиталистическом обществе в сфере товарооборота между промышленными фирмами и довольствующийся средней прибылью промышленного капитала. Это переходная ступень от первого ко второму.

Империализм через торговые обороты и банковские операции сращивается с архаическими формами капитала. Экономический прогресс в колониях затормаживается во имя колониальных прибылей за счет неэквивалентного обмена. Буржуазии было выгоднее развивать в колониях не промышленность, а торговоростовщические операции для расширения эксплуатации колониального крестьянства. И

---

²² П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг., стр. 120.

они развивались в ущерб экономическому прогрессу. Растущие кулачество и байство превращались в низовое звено октябристского капитала. Деревня обрекалась на медленный, мучительный путь развития капитализма, связанный с консервацией феодальных отношений, с процветанием ростовщической и феодальной кабалы.

Империализм, став союзником царизма в эксплуатации колоний, наряду с царизмом активно содействовал тому, что капитализм в сельском хозяйстве колоний пошел не по американскому, демократическому, а по типично «русскому», «октябристскому» пути.

Совершалось первоначальное накопление, сущность которого составлял «исторический процесс отделения производителя от средств производства»²³. Но результаты этого процесса не приводили к индустриализации колоний, вывозились в Россию, шли на пользу российского империализма, составляли его сверхприбыли.

Капиталистическая эксплуатация колоний Российской империи мало чем отличалась от такой же эксплуатации других империалистических стран. Но были и свои особенности. В 1911 г. В. И. Ленин писал А. М. Горькому:

«Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что из октябристского превращает его в демократический, и тем, что выгоняя от себя капитал октябристский, переносит его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию. Русская революция и революция в Азии = борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал = последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут»²⁴.

Колонии обычно эксплуатируются империализмом через капитал октябристского типа, пожирающий мелкое крестьянское производство. Но отличие России от стран Западной Европы заключалось в том, что здесь октябристский капитал в период империализма господствовал не только в колониях, но и в метрополии, обращая свои эксплуататорские щупальца и к крестьянству Европейской России в такой же форме, как и к крестьянству царских колоний. Это обстоятельство имеет важнейшее значение. Из него вытекает и то, что переселенческое крестьянство в колониях попадало в такое же положение эксплуатируемого колониального

---

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 727.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 13.

крестьянства, в каком находилось и крестьянство местных национальностей, и то, что и положение крестьянства метрополии в социальном отношении было близким с крестьянством колоний. Практика революционных лет показала, какое огромное значение имел этот факт в деле объединения демократических сил всех национальностей Российской империи вокруг пролетариата в борьбе против царизма и империализма. Близость и единство классовых интересов стали выше национальной розни. Революция победила как народная революция всех национальностей России.

V. ОБНИЩАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА. КРИЗИС СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛОНИЙ

Военно-феодалная и капиталистическая эксплуатация колониального крестьянства в конечном счете сливалась в единую систему колониальной эксплуатации. Крестьянство разорялось, основа его существования — мелкая собственность — экспроприировалась, кадры крестьянской бедноты и в местной деревне, и в переселенческих поселках возрастали. В четырех губерниях Сибири (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) среди крестьян русских поселков по военно-конской переписи 1908 г. было учтено бедняков (безлошадных и имеющих до двух лошадей) 49,1 проц., по переписи 1912 г. — 56,5 проц.²⁵

В шести уездах степных областей Казахстана в 1912 г. насчитывалось только безлошадных 42,2 проц., кроме того, имеющих от 1 до 5 лошадей (по условиям скотоводческого хозяйства — тоже беднота) — 42,9 проц.²⁶ В Наманганском уезде Ферганской области, по обследованию Переселенческого управления, в 1912 г. насчитывалось безлошадных 24,3 проц. хозяйств²⁷. В. И. Ленин в 1912 г. сообщал о русских переселенцах на Кавказе, что «в четырех закавказских губерниях» насчитывалось «около 46 проц...»²⁸ селений, которые, не имели казенной земли или были мало ею обеспечены, «а в Кутаисской губернии необеспеченных дворов считалось около 33 проц.»²⁹ Таким образом, по всем колониям наблюдалась исключительно выразительная картина обни-

²⁵ «Военно-конская перепись за 1908 г.». СПб., 1910; «Военно-конская перепись за 1912 г.». Пг., 1914.

²⁶ «Военно-конская перепись за 1912 г.».

²⁷ П. Г. Галузо. Туркестан — колония. М. — Ташкент, 1935, стр. 144.

²⁸ Г. А. Арутюнов. Рабочее движение в Закавказье..., стр. 38.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 329.

щания крестьянства, как местного, так и русского переселенческого.

При этом капиталистический наем и в деревне, и в городах развивался крайне слабо: переселенческое кулачество и местное байство, превращаясь в низовое звено октябристского капитала, больше занимались торгово-ростовщическими операциями и эксплуатировали крестьянство феодальными методами, чем организовывали капиталистическое производство на основе эксплуатации вольнонаемных рабочих. Сложных машин в сельском хозяйстве колоний применялось во много раз меньше, чем в России. В земледелии Сибири и Казахстана господствовала залежно-переложная система хозяйства, в Средней Азии и на Кавказе — ручная обработка хлопковых полей. Действительно, сельское хозяйство колоний было экстенсивным.

Ввиду слабого развития промышленности ничтожно мал был спрос на рабочую силу и в городах. Скрытое перенаселение стало бичом и для местной, и для переселенческой деревни. При крайне ограниченной возможности найти заработок по вольному найму крестьянство пауперизировалось и попадало в кабалу к кулачеству, байству, на Кавказе — к местным помещикам. Процветала полуфеодалная издольщина, в скотоводческом хозяйстве — отработки за ссуду скотом.

Феодалные отношения в колониях в какой-то степени подтачивались, разрушались вследствие развития товарных отношений, но в то же время консервировались, расширялись путем закабаления пауперизируемого крестьянства в земледельческом и скотоводческом хозяйстве.

Важно отметить, что скрытое перенаселение колониальной деревни в условиях России давило на заработную плату сельскохозяйственных и городских рабочих не только колоний, но и метрополии. Если в XIX в., по свидетельству ряда источников, в Зауралье еще ощущался иногда недостаток рабочих, особенно квалифицированных, то теперь, в XX в., и это изменилось. Значительное количество крестьян-переселенцев, не получив земли, в поисках работы переполняло местные города. В то же время, по определению историков, за время с 1896 по 1916 г. около миллиона переселенцев, вконец разорившихся, не получив возможности приложить свой труд в колониях, возвратились в Россию и переполняли собою рынок труда и в деревне, и в городе. Вследствие того, что колонии России территориально примыкали к метрополии, здесь складывалось не два рынка труда — в колониях и метрополии, а единый всероссийский рынок труда. Создание рабочей аристократии за счет колониальных сверхприбылей не получило такой резко выраженной формы,

как в Англии, Америке и т. д. Российские колонии не только задерживали экономический прогресс в метрополии, но и обостряли социальные противоречия как в деревне, так и в городе.

Сельское хозяйство колоний в XX в. вступило в полосу глубокого кризиса. По данным Л. Ф. Склярова, в конце первого десятилетия XX в. по сравнению с его началом в переселенческих хозяйствах Сибири производилось хлеба на душу населения на 1,4 пуда меньше; с 1904 по 1914 г. в четырех губерниях Сибири количество скота на душу населения уменьшилось на 6,2 проц.³⁰ В семи уездах Семипалатинской и Акмолинской областей Казахстана по переписи 1916 г. у казахов зарегистрировано скота на 16,6 проц. меньше, чем по обследованию 1907—1911 гг.³¹ Непосредственными наблюдателями и историками отмечено также кризисное состояние хлопководства и всего сельского хозяйства Средней Азии и Кавказа. В особенно тяжелом положении оказалось сельское хозяйство колоний в военные годы, когда правительство установило нормированные цены на хлопок, широко практиковало реквизицию скота и дополнительно к налогам проводило разного рода денежные и вещевые сборы на нужды войны. Вследствие падения курса рубля возросли цены на промышленные товары, по причине разрухи на транспорте создались затруднения с вывозом хлеба. Цены на хлеб относительно цен на промышленные товары упали. Местное и переселенческое крестьянство с каждым месяцем ощущало ухудшение своего положения.

В 1916 г. в Средней Азии и Казахстане возникло известное восстание против набора рабочих на тыловые работы. Являясь ярким протестом местного крестьянства против всей системы колониальной эксплуатации (особенно царской репрессии против повстанцев), само восстание повлекло дальнейшее углубление кризиса сельского хозяйства до последних пределов.

В описанных условиях экономическим содержанием национально-освободительного движения местного крестьянства и антицаристского, антиколониального движения — переселенческого была борьба за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве. «Русская революция и революция в Азии», повторяем слова В. И. Ленина, на своем демократическом этапе была борьбой «за вытеснение

---

³⁰ Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири. Л., 1962, стр. 480.

³¹ Подсчет по материалам обследований Переселенческого управления и по книге «Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.». Вып. III (Пг., 1917).

октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом». Но эксплуататорские классы колоний — и буржуазия, и становившиеся на путь капитализма местные феодалы: помещики (Кавказ), баи (Казахстан и Средняя Азия), нойоны, тойоны и зайсаны (Сибирь), при их определенной оппозиции царизму, стояли на почве октябристских форм капитализма. Даже переселенческое кулачество было настолько реакционным, настолько близко связанным с торгово-ростовщическим, октябристским капиталом, что не было в состоянии поднять знамя борьбы за демократический путь развития капитализма против октябристского. Трудовое крестьянство не находило союзников среди эксплуататорских классов своей национальности. Единственным возможным союзником крестьянства оказался рабочий класс.

При всей слабости развития промышленности в колониях процесс образования рабочих кадров в России распространялся и на колонии. За счет прилива рабочих и крестьян-переселенцев из Европейской России и бедноты из колониальной деревни в городах Зауралья и Кавказа складывались многонациональные кадры пролетариата. По Закавказью Г. А. Арутюнов (цит. работа, стр. 60) насчитывает 160—170 тыс. рабочих. В Зауралье число рабочих, по приблизительному подсчету, определяется в 250—300 тыс. Эти отряды рабочих, стоявшие наиболее близко к местному и переселенческому крестьянству колоний, облегчали установление союза рабочего класса всей России с крестьянством колоний.

Экономическое положение крестьянства, особенно бедняцкой его части, было таким, что неизбежно, через борьбу за вытеснение октябристского капитала, подводило его к выходу за рамки капитализма, к поискам социальных отношений без эксплуатации. Переход бывших царских колоний к социализму, минуя стадию капитализма, был подготовлен всем ходом их социального развития за период колониального состояния. Не только сила пролетарского руководства, но и стремление крестьянской бедноты найти свое освобождение за пределами капитализма явились предпосылкой перехода народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа к социализму, минуя стадию капитализма.

Может быть, это звучит парадоксально, но с точки зрения исторической правды можно сказать: не столько капитализм подготовил народы бывших царских колоний к строительству социализма, сколько причудливое сочетание феодализма и капитализма, феодальной и капиталистической эксплуатации. Через особую остроту социальных противоречий, порожденную этим сочетанием, трудовое бедняцкое и середняцкое крестьянство пришло к союзу с пролета-

риатом и поискам путей своего социального освобождения за пределами капитализма.

* * *

В процессе разрешения колониального вопроса в Российской империи классовые противоречия оказались сильнее национальной розни; сравнительно легко национально-освободительная борьба угнетенных народов России соединилась с борьбой крестьянства за землю и рабочего класса — за социализм; усилия демократических сил всех национальностей во главе с рабочим классом были направлены партией большевиков «на свержение капитализма»³².

Главнейшей предпосылкой этого явилось то, что в ликвидации колониальной системы, национального и колониального гнета были последовательно заинтересованы и рабочий класс, и крестьянство, как русское, так и национально-угнетенное. Ликвидация колониальной системы стала экономической необходимостью для всей России. Национальное освобождение колониально-угнетенных народов означало также и социальное освобождение как для трудящихся местных национальностей, так и для пришлого переселенческого крестьянства.

Сочетание военно-феодальной и капиталистической эксплуатации колоний имело своим следствием исключительную остроту классовых противоречий в колониях. Еще не завершился процесс консолидации колониально-угнетенных народов в нации, как внутринациональные противоречия достигли такой остроты, при которой единый общенациональный фронт местных национальностей стал невозможен. Крестьянство, боровшееся за демократический путь развития капитализма, вступало в острый конфликт с национальными эксплуататорскими классами, стоявшими за развитие капитализма по октябристскому пути. Эксплуаторские классы в борьбе за октябристские формы капитализма шли навстречу империализму и вступили с ним в союз.

Господство октябристских форм капитала и в Европейской России, и в азиатских колониях Российской империи сблизило социально-экономическое содержание борьбы крестьянства всех национальностей. Складывался общероссийский крестьянский фронт борьбы за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим.

В силу такого экономического содержания классовой борьбы бедняцкого и середняцкого крестьянства она не могла не перерасти и фактически переросла из борьбы анти-

³² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 11.

царистской в борьбу антиимпериалистическую, а затем и в антифеодальную, против местного феодализма; не могла не сближаться с борьбой рабочего класса за социализм.

При всей культурной и политической отсталости местного крестьянства колоний, под влиянием экономических причин процесс его освобождения от националистической идеологии местных эксплуататорских классов и восприятия интернациональной идеологии рабочего класса протекал ускоренными темпами. Опыт революционной борьбы и правильная ленинская национальная политика стали могучим средством интернационального воспитания трудящихся масс всех национальностей.

Положение рабочего класса империи, страдавшего не только от капитализма и пережитков феодализма в России, но и от наличия колониальной системы империализма, непосредственно давившей на материальное благосостояние пролетариата, способствовало его освобождению от влияния меньшевистского ревизионизма, восприятию им революционного влияния большевиков, превращению его в вождя и руководителя демократических сил всех национальностей в борьбе против царизма и империализма.

В свою очередь, особенно бедственное положение многочисленной крестьянской бедноты колоний не могло не породить и фактически породило как у бедноты, так и у среднего крестьянства поиски путей социального освобождения за пределами капитализма. Это явилось предпосылкой союза пролетариата и крестьянства и перехода бывшей колониальной деревни с помощью и под руководством рабочего класса, через ряд переходных ступеней, от феодализма и торгово-ростовщических форм капитала к социализму.

Всенародными были Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России, всенародным оказался и переход к строительству социализма. Опыт Февральской революции — это опыт буржуазно-демократической революции нового типа, перерастающей в социалистическую. Опыт ликвидации колониальной системы российского империализма — это опыт непосредственного соединения социалистической и колониальных революций, заключающего в себе все возможности для перехода отсталых колониальных стран к социализму, минуя стадию капитализма.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСКОМ АУЛЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(По материалам Северного и Центрального Казахстана)

В В Е Д Е Н И Е

Предпошлем нашему изложению самые необходимые методологические соображения и оценку источников.

1. Задачи исследования. Узловые спорные вопросы

Исследованию подвергаются степные области дореволюционного Казахстана: Семипалатинская, Тургайская, Акмолинская и Уральская (левобережная часть). Южная часть Казахстана — дореволюционные Семиреченская и Сыр-Дарьинская области, как изученные автором в другой работе¹, в предлагаемой статье не рассматриваются. Хронологические рамки исследования — период империализма, последние годы XIX — начало XX в. Основная задача статьи — показать на конкретном историческом материале политические и экономические предпосылки союза пролетариата и казахстанского (местного и переселенческого) крестьянства в Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциях 1917 г., а это означает показать также и предпосылки перехода Казахстана к социализму, минуя стадию капитализма.

В ряде книг, статей и докладов находим попытки анализировать социальные отношения в сельском хозяйстве Казахстана в период империализма. Однако вопрос о союзе пролетариата и крестьянства в Казахстане до сих пор рассматривается без учета ленинской теории о борьбе крестьянства за демократический путь развития капитализма против феодализма и так называемого «октябристского капитализма».

Пишущий эти строки в названной выше работе «Аграрные отношения на юге Казахстана...» сделал попытку конкре-

---

¹ См. П. Г. Г а л у з о. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965.

тизировать эту ленинскую теорию применительно к условиям Казахстана-колонии. По выходе этой книги находим отклик на постановку вопроса у Г. Ф. Дахшлейгера. Назвав мою интерпретацию вопроса о борьбе крестьянства Казахстана за демократический путь развития капитализма, против «октябристского», автор, однако, оговаривает в примечании, что с «отдельными положениями [моей] книги» он не согласен. Такое неопределенное примечание не дает материала для споров². Но знакомство с книгой Г. Ф. Дахшлейгера в целом убеждает, что материал для спора все же есть.

Главное в том, что, принимая на словах основную идею о борьбе крестьянства Казахстана (и местного, и переселенческого) за демократический путь развития капитализма, Г. Ф. Дахшлейгер не делает, однако, эту теорию органической составной частью своего исследования. Как и авторы, совершенно не учитывающие в своем анализе этой теории, так и Г. Ф. Дахшлейгер, посвятивший ей одну страницу, рассматривает переход Казахстана к социализму без учета борьбы крестьянства за демократический путь развития капитализма. В результате вопрос о переходе Казахстана к социализму, минуя стадию капитализма, по-прежнему решается вне связи с марксистско-ленинской теорией о двух возможных путях развития капитализма. Видимо, Г. Ф. Дахшлейгер, как и его предшественники, полагает, что эти две проблемы между собой не связаны. Но это глубокая ошибка.

Исходя из ленинской постановки вопроса о том, что и в Азии, как и в России, шла борьба двух форм капитала в сельском хозяйстве, что и в царских колониях, как и в русской деревне, шла борьба крестьянства за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве, легко понять глубокую не только теоретическую, но и конкретно-историческую связь последующих высказываний Ленина о переходе Казахстана и Средней Азии к социализму, минуя стадию капитализма, с его же оценками этих районов как стран, в которых происходила борьба крестьянства за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Несмотря, казалось бы, на внешнюю разнородность тем, которые трактует В. И. Ленин (в первом случае речь идет о борьбе за наиболее прогрессивные формы капитализма, во втором — о переходе к социализму), в названных определениях В. И. Ленина рассматривается одна и та же проблема: как пролетариат через решение демократических задач революции подводит крестьянство к осуществле-

---

² Г. Ф. Дахшлейгер. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965, стр. 56—57.

нию задачи социалистической перестройки сельского хозяйства.

Для рабочего класса помощь крестьянству в его демократическом движении против феодализма и октябристских форм капитала ни в коей мере не является борьбой за капитализм. Рабочий класс заинтересован только в создании наилучших условий для борьбы против капитализма, за социализм. Крестьянство по своей социальной сущности, как мелкая буржуазия, при всем своем стремлении вырваться из пут феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации, не в состоянии без помощи рабочего класса поднять свою борьбу против феодалов и империалистической буржуазии до уровня борьбы за социализм. Пролетариат, поддерживая борьбу крестьянства за демократический, наиболее прогрессивный путь развития капитализма, поднимает знамя борьбы за уничтожение нищеты и этим самым указывает крестьянству «на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию»³. Через пролетарскую поддержку крестьянской войны против феодализма, царизма и империализма складывается союз рабочего класса и крестьянства, организуются батрачество и крестьянская беднота, крестьянство подводится к борьбе за социализм. От силы рабочего класса, его организованности, правильной пролетарской политики по отношению к крестьянству, прочности политического союза пролетариата с крестьянской беднотой и середняком и эффективности экономической помощи крестьянству зависит переход бедняцко-середняцкого крестьянства от борьбы за демократический путь развития капитализма к борьбе за социализм.

Все названные условия могут сложиться (и фактически в наши дни складываются) на любой ступени социального развития сельского хозяйства, в том числе и тогда, когда в сельском хозяйстве еще господствуют феодальные отношения и капитализм еще не вышел из стадии торгово-ростовщического капитала. К последнему типу относилось и сельское хозяйство дореволюционного Казахстана. Подведение крестьянства к борьбе за социализм в таких условиях и названо Лениным переходом к социализму, минуя стадию капитализма. Но это совершается через ряд переходных мер, выполняемых в порядке осуществления задач демократической перестройки сельского хозяйства. Октябрьской революцией вопрос о борьбе за демократические преобразования в сельском хозяйстве Казахстана *не был снят*, как полагает Г. Ф. Дахшлейгер (стр. 58). Ему был открыт путь для доведе-

---

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 270.

ния этой борьбы до логического конца, для последовательного выполнения стратегического плана Ленина. Ленинская оценка революционной борьбы крестьянства царских колоний как борьбы за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве в теории о некапиталистическом пути развития бывших царских колоний к социализму получает, таким образом, свое дальнейшее развитие и завершение. Это не две отдаленных друг от друга проблемы, как представляется Г. Ф. Дахшлейгеру и его предшественникам. Это — две стороны одной и той же проблемы: о союзе пролетариата и крестьянства в демократической и социалистической революциях, об объединении борьбы рабочего класса за социализм с демократической борьбой крестьянства против царизма, империализма и местного феодализма.

В напечатанной выше статье «Колониальная система российского империализма в канун Октябрьской революции» дано определение октябристского капитализма и его роли в колониях, в том числе в Казахстане. Не повторяя сказанного, остановимся на вопросе, почему до последнего времени эта ленинская теория не нашла своего места в литературе по истории Казахстана.

В наши дни хорошо известна по исторической литературе, в частности по историографическим исследованиям К. Н. Тарновского⁴, история разработки советскими историками ленинской концепции российского империализма. Известно, что с конца 30-х до середины 50-х годов господствовали ошибочные концепции. Но за последние двенадцать лет усилиями историков отвергнута теория, что Россия эпохи империализма была полуколонией западноевропейских стран и вовсе не являлась страной классического империализма. Разработана ленинская теория военно-феодального империализма, причем отвергнута концепция «единого» военно-феодального империализма, восстановлена ленинская концепция о сосуществовании и переплетении военно-феодального и капиталистического империализма.

Однако еще недостаточно раскрыто, что ошибочные концепции о российском империализме наложили свой отпечаток и на изучение колониального вопроса в России, в том числе истории Казахстана-колонии периода капитализма и империализма.

В 50-х годах сложилась концепция, что реакционной силой в Казахстане-колонии был только царизм с его реакционной колонизаторской политикой. Что же касается уста-

---

⁴ К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964, и др.

повления в Казахстане экономического господства капиталистического империализма, то эта сторона вопроса либо замалчивалась, либо идеализировалась. По этой концепции развитие российского капитализма вширь представляется как прогрессивный процесс, при котором «вопреки колониаторской политике царизма», под влиянием «передовой российской экономики» совершался процесс нивелировки экономического строя Казахстана с капиталистической Россией. Эта концепция жива и поныне.

Возьмем для иллюстрации две работы, написанные после того, когда историками СССР уже была восстановлена ленинская концепция империализма. У Б. Сулейменова читаем: «Независимо от реакционной политики царизма, под влиянием передовой российской экономики после реформы 1867 и 1868 гг. социально-экономическое и общественно-политическое развитие аула шло вперед по пути дальнейшего проникновения и развития капиталистических отношений, разложения феодально-родовых порядков». И в другом месте: «Экономические и политические изменения в ауле происходили вопреки воле царизма под прогрессивным влиянием общероссийской экономики»⁵.

Российский капиталистический империализм здесь, конечно, присутствует, ибо автор во введении говорит о «жестокое» колониальном гнете «со стороны царизма и империалистической буржуазии» (стр. 4). Присутствует и социальная база царизма — крепостнический строй сельского хозяйства России: он также принадлежал к «общероссийской экономике». Но и то и другое, как видим, представляется автору «прогрессивной» экономической силой, осуществлявшей экономическую и социальную перестройку в Казахстане. Что же после этого остается от «жестокое» колониального гнета «со стороны царизма и империалистической буржуазии»? Как видим, — только «реакционная политика царизма». Все дело в плохой политике царизма. Никакого экономического угнетения Казахстана-колонии, вытекавшего из экономического строя России, автор не обнаруживает. Почему все же «борьба казахских рабочих и крестьян носила» не только «антифеодальный», но и «антиимпериалистический характер» (стр. 372), после приведенных утверждений читателю непонятно. Неизвестно также, почему автор называет дореволюционный Казахстан колонией, если, по его концепции, он не подвергался экономическому угнетению со стороны военно-феодальной и империалистической России-метрополии.

---

⁵ Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX в. 1867—1907 гг. Алма-Ата, 1963, стр. 94, 368.

Ленинская теория о том, что империализм — это высшая стадия капитализма, не принята во внимание Б. Сулейменовым. Своей концепцией он возвращает нас к разоблаченной Лениным теории о том, что империализм «не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма». А став на эту точку зрения, Б. Сулейменов уже не придерживается ленинской оценки империализма как реакции «по всей линии, при всяких политических порядках»⁶, сводит реакционность империалистического господства царской России в Казахстане только к политике царизма, вследствие чего и впадает в отмеченные безысходные противоречия.

Забывается им также и ленинское понимание характера развития российского капитализма вширь, вовлечения Казахстана-колонии в общероссийские и мировые экономические связи. В. И. Ленин в своих работах вскрывал глубокие противоречия империализма, боролся против тех, кто затушевывал или замалчивал противоречия между империалистическими странами и их колониями. Он писал, что нельзя дело изображать так, «как будто бы все народы *равномерно* вовлечены в мировое хозяйство! Как будто бы не было отношений *кабалы* между «цивилизованными» и нецивилизованными народами именно *на почве* «вовлечения в мировое хозяйство!»⁷

Приведенные слова В. И. Ленина направлены против В. Сокольниковца в связи с разработкой программы нашей партии. Но они целиком относятся и к разбираемой концепции Б. Сулейменова.

По Сулейменову, не было экономических противоречий между Россией-метрополией и Казахстаном-колонией, возникших из развития российского капитализма вширь, процесса экономического подчинения Казахстана капиталистическому империализму. Без наличия же таких противоречий нет оснований именовать Казахстан колонией.

Так преломляются ошибки прежних лет в оценке российского империализма: раз Россия не являлась страной империализма, значит, и ее колонии по существу не являлись колониями капиталистического империализма. Б. Сулейменов начинает свою книгу заявлением, что в прошлом наблюдались серьезные недостатки в деле научной разработки актуальных проблем истории Казахстана. Читатель настраивается на то, что автор направит свои усилия на преодоление старых ошибок. На деле же оказывается, что он даже не потрудился познакомиться с новыми разра-

---

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 391 и 419.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 356.

ботками ленинской теории российского империализма и все свои усилия направил на закрепление старых ошибочных концепций.

Другой работой, вышедшей после восстановления ленинской концепции российского империализма, является книга Ю. Бекмаханова «Очерки истории Казахстана XIX в.». На нее, несомненно, оказала некоторое влияние борьба историков против идеализации царского господства в Казахстане. С первых страниц автор настраивает читателя против трудов, в которых «имела место идеализация царской колониальной политики»⁸. Но, к сожалению, и здесь реакционность господства царской России в Казахстане-колонии усматривается преимущественно в реакционной политике царизма, в меньшей мере — в его эксплуататорской роли. «Царизм подвергал жестокой эксплуатации народные массы, выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»⁹, — читаем в работе. Автор полагает, что такой резкой оценкой царизма задача борьбы с «идеализацией» исчерпывается. И поэтому в характеристике экономического влияния России-метрополии в книге повторяются те же предрассудки, что и в работе Б. Сулейменова. «Несмотря на реакционную колонизаторскую политику царизма... под влиянием передовой экономики России в Казахстане стала зарождаться промышленность, росли города и строились железные дороги... Русский капитализм втягивал присоединенные к России отсталые окраины страны в мировое товарное обращение, нивелировал их местные особенности...»¹⁰. Идеализация, изгнанная автором в окно, немедленно возвращается через дверь. Неполно отражена в книге и царская военно-феодалная эксплуатация Казахстана-колонии. Ничего не говорится о процессе экономического подчинения Казахстана-колонии капиталистическому империализму, не анализируются противоречия, вытекающие из этого подчинения. «Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их...», — так оценивает В. И. Ленин концепции тех авторов, кто «отрывает политику империализма от его экономики»¹¹. К такому же результату приходят и критикуемые нами авторы, видящие все зло в политике царизма и не раскрывающие экономического гнета России-метрополии над ее колониями.

---

⁸ Е. Бекмаханов. Очерки истории Казахстана XIX в. Пособие для учителей. Алма-Ата, 1966, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 28.

¹⁰ Там же, стр. 85.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 390.

Разобранных концепций придерживались историки до восстановления ленинской оценки российского империализма. Эти же предрассудки, как видим, продолжают бытовать в исторических трудах и в наши дни, хотя ныне уже никто не скажет, что Россия не была страной капиталистического империализма.

После сказанного легко понять, почему до сих пор при изучении аграрных отношений в Казахстане не нашла применения ленинская теория о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве и о борьбе крестьянства за демократический путь его развития. Для постановки этого вопроса было необходимо преодолеть ошибочные оценки развития российского капитализма «вширь», принять ленинскую концепцию, по которой царизм насаждал в колониях военно-феодальную эксплуатацию крестьянства, а капиталистический империализм, проникавший в Казахстан-колонию с помощью царизма, эксплуатировал колониальное крестьянство через торгово-ростовщический капитал, т. е. через октябристскую форму капитала.

Данное исследование представляет собой попытку конкретно-исторического анализа борьбы в Казахстане двух форм, двух «сортов» (В. И. Ленин) капитализма — октябристского и демократического, крестьянского. Тем самым автор стремится ставить в конкретно-исторические рамки два решающих вопроса к объяснению предпосылок и характера революционной антиколониальной борьбы в Казахстане в период империализма: 1) о расстановке классовых сил (одни — в поддержку данного пути развития, другие — за его преодоление) и 2) о том, как совершился переход от борьбы крестьянства за демократический путь развития капитализма к его борьбе под руководством рабочего класса за социализм.

2. Источники. Их критическая оценка

Казахское сельское хозяйство изучаемой части Казахстана, с целью обнаружения земель для крестьянской колонизации, обследовалось статистическими партиями Переселенческого управления. Эти обследования были выполнены в два приема: за 1896—1901 гг. обследованы 13 уездов степных областей (из 18 имевшихся), за 1904—1912 гг. — 17 уездов, в том числе 10 уездов повторно. Только один Гурьевский уезд Уральской области, как не имевший большого значения для колонизационных целей, обследован не был. Обследования дали большой материал для анализа социального строя сельского хозяйства казахов.

Тами же статистическими партиями с колонизационной целью обследовались и переселенческие поселки. За 1896—1901 гг. обследованы поселки всех пяти уездов Акмолинской, двух уездов Семипалатинской и одного уезда Тургайской областей. Это было самое обширное обследование переселенческих поселков.

В дальнейшем поселки обследовались в различных частях степных областей в разное время — в 1903, 1904, 1906, 1908, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. Были предприняты и бюджетные описания небольшого количества «средних» хозяйств в 1898—1901, в 1903—1904 и в 1910 гг. При всех недостатках этих обследований они позволяют сделать значительное количество обобщений о характере социального строя переселенческих хозяйств.

Несмотря на обширность названных обследований, их материалов, однако, далеко не достаточно для восстановления полной картины социальных отношений в аулах и переселенческих поселках Степного края. В дополнение к обследованиям Переселенческого управления в нашей работе приходится использовать материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., военно-конской переписи 1908 и 1912 гг. и др.

Каково качество названной статистики? Какова степень ее достоверности?

При проведении социально-экономического анализа важнейшим является вопрос о количестве населения. Но как раз с его учетом дело обстоит неблагоприятно.

Самым достоверным учетом населения явилась перепись 1897 г. Но записей о рождениях и смертях среди казахского населения не велось, и до 1916 г. никаких правильно организованных переписей не было. Поэтому областными статистическими комитетами количество казахского населения определялось данными, которые «доставляются аульными старшинами и волостными управителями»¹². В других случаях это число определялось по сомнительной норме «естественного прироста»¹³. Такие методы определения численности казахского населения признавались настолько неудовлетворительными, что авторы «Статистических ежегодников России» отказывались пользоваться данными областных статистических комитетов Степного края. Вместо них из года в год в ежегодниках повторялись цифры переписи 1897 г.

Только в ежегодниках за 1915 и 1916 гг. были названы цифры населения по степным областям, исчисленные «на

¹² «Обзор Тургайской области за 1915 г.». Оренбург, 1916, стр. 5.

¹³ «Обзор Уральской области за 1913 г.». Уральск, 1914, стр. 2—3.

основании переписи 1897 года и естественного прироста» (норма прироста и метод ее установления не названы). По этому способу определилось, что сельское население четырех степных областей, казахское и пришлое (без городов), в 1916 г. составляло 3787,6 тыс. человек ¹⁴.

В 1916 г. в Степном крае была проведена выборочная (10-процентная) сельскохозяйственная перепись. По этой переписи сельское население края (без мобилизованных на войну и тыловые работы) составило 3727 тыс. человек ¹⁵. Расхождение с данными «Статистического ежегодника России» невелико — всего на 60 тыс. человек. Оно действительно могло быть вызвано главным образом недоучетом мобилизованных на фронт и тыловые работы. Такое совпадение данных, полученных независимо друг от друга разными методами, свидетельствует о достаточно высокой степени их достоверности, чтобы пользоваться ими при экономических подсчетах.

Из этой справки следует, что данные о населении в «Обзорах» областей совершенно неудовлетворительны, и никакие экономические расчеты на их основе невозможны. Но при наличии достаточно достоверных данных за 1897 и 1916 гг. есть возможность для промежуточных между ними лет произвести интерполяцию необходимых цифр. Данные переписей 1897 и 1916 гг. служат удовлетворительной основой для такой интерполяции.

Опираясь на сведения о населении, проверяем, достаточно ли полно охвачено казахское население аула обследованиями статистических партий Переселенческого управления.

Возьмем Атбасарский и Кокчетавский уезды Акмолинской области. Первый из них обследован в 1897 г., второй — за год до переписи.

По переписи 1897 г., в них насчитывалось 152 732 души сельского казахского населения, а за вычетом предполагавшегося прироста населения по Кокчетавскому уезду за один год (1896/97), установленного нами методом экстраполяции ¹⁶, в год обследования население двух уездов должно было составить 151 493 души, статистиками же зарегистрировано 145 389 душ, т. е. недоучтено 4 проц. населения аулов.

Статистики регистрировали только «самостоятельные хозяйства», под которыми они «разумели группу лиц, соеди-

---

¹⁴ «Статистический ежегодник России, 1916 г.». Вып. 1. Пг., 1918, стр. 45—47.

¹⁵ В. А. Тр е с в я т с к и й. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России (Степной край). Пг., 1917, стр. 32—33.

¹⁶ За недостатком места ход наших исчислений не приводим.

иных близким родством, общностью имущества и общим котлом»¹⁷. По этой причине, например, в обследованиях Ф. А. Щербины конца 90-х годов не учтены хозяйства, не имевшие скота. Семьи этой группы, по понятиям обследователем, не являлись самостоятельными хозяйствами, составили с крупными хозяйствами, в которых они работали и питались, «единое целое» и поэтому при обследовании не регистрировались. Отмеченный недоучет сельского населения, несомненно, вытекает из недоучета статистиками беднейших хозяйств.

Тем же методом устанавливаем, что в 1907—1908 гг. в Петропавловском и Кокчетавском уездах сельского казахского населения числилось 195 605 душ обоого пола. Обследованием же зарегистрировано 169 070 душ. Недоучет достиг 13,6 проц. В Иргизском уезде, по свидетельству руководителя обследования П. Хворостанского, в 1911, г. «переписано 20 879 платежных кибиток, из которых 2270 оказались несамостоятельными в хозяйственном отношении и присоединены к своим коренным семьям (17 328 семей)»¹⁸. Таким образом, П. Хворостанским не учтено почти 11 проц. хозяйств, которые значились в податных списках как отдельные семьи, но уже не имели никакого имущества.

По Лбищенскому уезду, обследованному им же, в 1912 г. из общего количества 19 837 наличных хозяйств не подвергнуты учету 1898 «несамостоятельных хозяйств», или 9,7 проц¹⁹. А сколько, кроме того, не было учтено батраков-одинок, которые не числились даже в податных списках, работали по найму или жили при баях «из милости»!

Мы видим, что в первый период обследования недоучет бедняцких хозяйств был меньшим. Во второй период он достиг огромных размеров: в аулах стало больше бедноты, большее количество семей остались незарегистрированными.

Недоучитывались также «отсутствующие», т. е. беднота, бежавшая из аулов в поисках средств существования, а также «посторонние» — тоже в большинстве случаев бедняцкие хозяйства, не значившиеся в податных списках.

По всем линиям недоучитывалась нищета — и семьи бежавших из аулов, и пока оставшиеся в аулах на положе-

---

¹⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Каркаралинский уезд». СПб., 1905, стр. 3.

¹⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района». Оренбург, 1911, стр. 1 (Предисловие).

¹⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Лбищенский уезд». Оренбург, 1914, стр. 6 (вводная статья).

нии париев; совершенно не замечалась «челядь», «кормившаяся» возле феодального байства, а также одиночки-батыраки. Так как на этой фальсификации фактов исследователи строили теорию, что «экономическое положение населения улучшалось»²⁰, что «голословные» указания на «обеднение» киргизов (казахов. — П. Г.)... «являются по меньшей мере раздутыми и преувеличенными»²¹, то в процессе изложения нам предстоит разобрать подробно вопрос о благосостоянии казахского крестьянства.

Другими недостатками материалов обследований являются: а) весьма малое количество бюджетных описаний, а главное — построение бюджетов под углом зрения поисков «среднего», «типичного» хозяйства, в результате чего оставались за пределами учета крайние полюсы аула; б) затушевывание феодальных методов эксплуатации крестьянства, особенно бедноты, постоянно окружавшей баев-феодалов и состоявшей фактически в крепостной зависимости от них; в) неполный учет вольнонаемного труда (не регистрировалась, например, поденщина) и т. д.

Все эти и некоторые другие недостатки основного источника исследования сильно затрудняют анализ классовых отношений в ауле.

Обследователи переселенческого хозяйства также (за редким исключением) охватывали только «приписные» хозяйства — оставляли без учета «посторонних», в большинстве бедняков. Это искажало подлинную картину классового расслоения в поселках. Но главным недостатком материалов по переселенческим поселкам является то, что принятая исследователями основная группировка хозяйств строилась не по социальным группам в деревне, а по времени «водворения» переселенцев в поселках. С помощью такого ненаучного метода исследования статистики стремились «доказать», что благосостояние «водворившихся» переселенцев из года в год повышалось. Но решать вопрос о классовом расслоении переселенческой деревни при такой группировке невозможно.

Для характеристики русских поселков с точки зрения их классовой дифференциации можно использовать очень небольшую часть материалов обследований, производя при этом дополнительные подсчеты. Вообще же вскрыть подлин-

---

²⁰ «Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. III, Петропавловский уезд». Повторное исследование 1908 г. СПб., 1910, стр. 63.

²¹ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд», т. 5. Воронеж, 1903, стр. 5 (Предисловие).

ную картину классового расслоения поселков крайне трудно.

Прочие из перечисленных статистических материалов, в том числе «Обзоры» областей, играют в нашем исследовании значительно меньшую роль. Большая часть их, особенно данные «Статистики Российской империи» и материалы текущей статистики, достаточно достоверны; ими можно пользоваться без дополнительных подсчетов. Только при использовании военно-конских переписей приходится учитывать, что в казахстанских условиях количество лошадей в хозяйстве отражало размеры производства далеко не так полно и последовательно, как в условиях земледельческого хозяйства Европейской России. Даже в переселенческих поселках во многих случаях главной тягловой силой, от количества которой зависели размеры запашек, являлись не лошади, а быки. В казахских же аулах в иных случаях такую роль играли верблюды. Значение количества лошадей, как критерия для определения размеров скотоводческого хозяйства, менялось в зависимости как от изменений структуры стада во времени, так и от разнообразия условий скотоводства в отдельных районах Казахстана. Без учета этих обстоятельств прямые показатели статистики могут привести к неправильным обобщениям.

С особой осторожностью приходится относиться к данным «Обзоров» областей, а также к тем исследованиям, особенно дореволюционным, в которых данные «Обзоров» принимались без должной критики. Данными этого источника о скотоводстве без учета условий их составления пользоваться нельзя.

В 1896 г. Ф. Щербина сопоставил данные о скоте по Кокчетавскому уезду Акмолинской области, приведенные в «Обзоре» и полученные его экспедицией. Оказалось, что статистики экспедиции обнаружили скота в 2,4 раза больше, чем числилось по данным «Обзора» за этот год, вошедшим во «всеподданнейший отчет» губернатора²². Только сельскохозяйственной переписью 1916 г. получена относительно точная цифра поголовья скота Степного края. И она показывает, насколько неточны данные, которыми оперировала печать до нее.

Сказанное относится и к учету торговли. Сами статистики свидетельствуют, что у них о торговле обычно «или вообще нет сведений, или последние имеют лишь приближенную вероятность»²³.

²² «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область. Кокчетавский уезд», т. I. Воронеж, 1898, стр. 26.

²³ «Обзор Семипалатинской области за 1901 г.» Семипалатинск, 1902, стр. 38.

Нет необходимости давать подробную оценку печатных описательных материалов. Исследователю совершенно ясно, что их свидетельства становятся тем более достоверными, чем тщательнее отсеиваются субъективизм их авторов и искажение действительности в интересах господствующих классов. Задача историка — взять из них точные факты и дать им свою оценку.

Таким образом, мы приходим к выводу, что подлинную картину социальных отношений в ауле и переселенческой деревне степных областей Казахстана можно дать только прибегая к постоянной проверке степени достоверности как статистических данных, так и свидетельств современников. Для этого необходимо произвести значительные дополнительные подсчеты как для проверки цифровых материалов, так и для их необходимой перегруппировки, а свидетельства современников использовать с наиболее полным учетом условий их возникновения.

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ. ВНУТРЕННИЙ РЫНОК

Вопрос об экономических связях с Россией и о внутреннем рынке — две стороны одного и того же вопроса о вовлечении сельского хозяйства Казахстана в товарные отношения. Его решение подводит также к вопросу о типе капитализма, развивавшегося в Казахстане в конце XIX — начале XX в.

1. Тип сельского хозяйства степных областей Казахстана

Казахстан периода империализма был сельскохозяйственным районом Российской империи, колонией царской России. По данным переписи 1897 г., сельским хозяйством и сельскохозяйственными промыслами (пчеловодством, лесоводством, рыболовством, охотой) в Европейской России занималось 74,9 проц. населения, в Акмолинской области — 87,7, Семипалатинской — 89,1, Тургайской — 97,2, Уральской — 87,7 проц.¹ К 1916 г. городское население 51 губернии Европейской России достигло 15,1 проц.², в четырех названных областях Казахстана — только 10,4 проц.³ При

---

¹ «Статистический ежегодник России, 1916 г.», вып. 1. Пг., 1918 стр. 67—71.

² Там же, стр. 25—27.

³ По сельскохозяйственной переписи 1916 г.

этом города еще не полностью отделились от деревни: по переписи 1897 г., в городах девяти областей Средней Азии и Казахстана около 20 проц. населения занималось сельским хозяйством и сельскохозяйственными промыслами⁴. Остальное население городов в основном составляли паразитические элементы: войска, полиция, служители культа, администрация, торговая буржуазия, а также работники, обслуживающие потребительские нужды эксплуататорских классов. Не местные города, а города России поставляли Казахстану изделия промышленности в обмен на продукты сельского хозяйства.

Колониальное состояние Казахстана выражалось также в том, что он был районом крестьянской и казачьей сельскохозяйственной колонизации. Итоги колонизации изучаемых областей за период империализма можно видеть из таблицы 1.

Таблица 1

1897—1916 гг. Сельское население Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей⁵

Источники	Душ обоого пола, тыс. человек		То же, %	
	казахов	русских крестьян и казачества	казахов	русских крестьян и казачества
По переписи 1897 г.	1875,9	347,6	84,3	15,7
По сельскохозяйственной переписи 1916 г.	2179	1548*	58,5	41,5
Рост, %	116,2	445,3		

* В это число, по справке автора источника, «в некоторых районах включена часть киргиз, устроенных на одинаковых основаниях с переселенцами».

Таблица показывает, что при росте казахского сельского населения за 20 лет всего на 16,2 проц. русское казачье и крестьянское население⁶ возросло в 4,5 раза. Удельный

⁴ Наш подсчет по «Общему своду по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.», II. СПб., 1905.

⁵ «Перепись 1897 г.», тт. XXX, XXXV, XXXVII, 1904; В. А. Третьяков. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России..., стр. 32—33.

⁶ Из-за невозможности дифференциации переселенцев по национальному составу русское, белорусское и украинское переселенческое крестьянство везде будем именовать русским.

вес русского сельского населения увеличился с 15,7 проц. в 1897 г. до 41,5 проц. в 1916 г.

Так как казачество за изучаемый период не пополнялось пришлым населением, то национальный состав сельского населения изменялся только за счет переселенцев. Их насчитывалось в крае в 1916 г. 1221 тыс., казачества — 327 тыс. человек.

При такой интенсивной колонизации строй сельского хозяйства приходится рассматривать как совокупность местного и переселенческого хозяйства.

Важнейшим явлением в сельском хозяйстве края было развитие земледелия. Рост посевных площадей и состояние животноводства к концу изучаемого периода характеризует таблица 2. Ее данные убеждают, что в сельском хозяйстве

Таблица 2

Посевные площади и животноводство Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей⁷

Категория крестьян	Посевные площади, тыс. десятин				% роста	Поголовье скота (в переводе на лошадь), 1916 г.		Ед. скота на 100 душ населения
	1905—1907 гг.*		1916 г.			тыс. ед.	в % к итогу	
	всего	% к итогу	всего	% к итогу				
Казачья	727,0**	45,2	644	19,3	223,9	1314,11	13,2	197,4
Крестьяне-переселенцы	461,0***	28,6	2040	61,1		1742,21	17,5	
Казахи	419,6	26,2	653	19,6	155,6	6899,95	69,3	316,7
Итого	1607,6	100,0	3337	100,0	207,5	9956,27	100,0	

* Семипалатинская область — 1905 г., Тургайская и Уральская — 1906 г., Акмолинская — 1907 г.

** Совместно с жителями на войсковой территории.

*** Плюс небольшое количество казачьих и частных земель по Семипалатинской области.

происходили большие изменения. За 10 лет посевные площади возросли почти в 3 раза. Край традиционного кочевого животноводства становился также краем оседлого земледелия.

Развивалось земледелие казахов, но крайне медленно,

⁷ «Материалы по земельному вопросу в Азиатской России». Вып. I. Степной край. Пг., 1917. Выборка из таблиц.

постепенно уступая ведущее место земледелию переселенцев. Еще в 1905—1907 гг. казахам принадлежало более четверти посевных площадей, в 1916 г. они не достигали даже пятой части. Однако и в 1916 г. в хозяйстве казахов преобладало животноводство. Почти 70 проц. скота принадлежало казахам. Хозяйство русских поселенцев и казачества было по преимуществу земледельческим, казахов — по преимуществу скотоводческим, кочевым.

У переселенцев и казачества создавались значительные излишки хлеба. По данным текущей статистики, в 1913 г. в Акмолинской области излишки хлеба у крестьян достигли 7836,8 тыс. пудов, у казачества и частных владельцев — 8309,3 тыс. пудов. Казахские же кочевые и полукочевые районы области имели хлебный дефицит в 2502 тыс. пудов. Однако такое положение наблюдалось не везде. Во многих случаях и казахи производили хлеба больше, чем потребляли. Например, в четырех уездах Тургайско-Уральского переселенческого района (Уральский, Темирский, Кустанайский, Актюбинский) в 1913 г. излишки хлеба у казахов достигли 16 млн. пудов⁸.

Таким образом, нельзя утверждать, что в XX в. в полной мере сохранилось разделение труда между русским земледельческим и казахским скотоводческим хозяйством. Многие кочевые и полукочевые районы еще испытывали недостаток в хлебе. Но общее потребление хлеба у казахов было значительно ниже его производства. К концу изучаемого периода Казахстан поставлял на всероссийский рынок не только продукты животноводства, но и хлеб, причем его вывозили не только русские переселенцы, но и казахи.

2. Развитие торговли

Период империализма ознаменовался расширением железнодорожной сети Степного края. На 1 января 1904 г. по территории края пролегало 443 км железнодорожных линий, на 1 января 1913 г. — 1149 км⁹.

Через Акмолинскую область еще в 90-х годах была проложена Сибирская железная дорога. В начале XX в. обогатились железнодорожными путями Уральская и Тургайская области: была введена в эксплуатацию (с 1 января 1906 г.) Оренбургско-Ташкентская железная дорога. Однако Семипа-

---

⁸ П. П. Румянцев. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 г. по данным переселенческой текущей статистики. СПб., 1914, стр. 42.

⁹ См. «Статистические ежегодники России» за 1904 и 1914 гг. (Перевод в метрические меры наш. — П. Г.)

латинская область до конца изучаемого периода не имела железнодорожных путей; она экономически тяготела к Сибирской железной дороге через водный путь по Иртышу.

Сеть железных дорог в Казахстане по сравнению с российской была, конечно, еще крайне редкой. В Европейской России в 1895 г. на 1 тыс. кв. км приходилось 9,7 км железнодорожных путей¹⁰, Акмолинской области в 1913 г. — 0,38, Уральской — 0,66, Тургайской — 1,31 км¹¹. Семипалатинская область имела только водный путь по Иртышу, соединявшийся с железной дорогой в Омске. Однако при всей недостаточности железнодорожной сети ее возникновение значительно усилило связи края с Центральной Россией и стимулировало развитие внутреннего рынка. Это лучше всего проиллюстрировать данными о железнодорожных перевозках продовольственных грузов.

Прежде всего о перевозках хлеба. В конце XIX — первых годах XX в. степные области почти не вывозили хлеб, сами потребляли привозной. Но с ростом сельскохозяйственной колонизации и развитием земледелия местного крестьянства на железную дорогу стал поступать хлеб и из степных областей. По железным дорогам Акмолинской, Уральской и Тургайской областей перевозки хлебных грузов за 1912—1914 гг. выражались в следующих величинах (тыс. пудов)¹²:

Годы	Отправлено	Прибыло	Превышение вывоза над ввозом
1912	19629	10874	8755
1913	29112	2243	26869
1914	22755	2679	20076

Отметим, что сюда входил и хлеб Семипалатинской области. Здесь его скупали зимой. Затем «с открытием навигации скупленный за зиму хлеб на буксирных пароходах отправляется вниз по Иртышу в Омск или Тюмень для дальнейшего следования в Европейскую Россию»¹³ по железной дороге.

Таким образом, хлебный вывоз, показанный в приведенных данных, — это вывоз из всего Степного края. К

¹⁰ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1956, стр. 152.

¹¹ Исчислено по данным «Статистического ежегодника России» за 1914 г.

¹² «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг.». Пг., 1916, стр. 25—102.

¹³ «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.». Семипалатинск, 1912, стр. 60.

1913 г. он принял огромные размеры: больше трети хлебных перевозок по Сибирской железной дороге составлял хлеб Степного края¹⁴. Это результат колонизации края русским крестьянством и развития хлебопашества казахского крестьянства.

Перестраивалось сельское хозяйство края. Земледелие занимало все большее место. В связи с этим возрастало количество хлебных грузов в общем количестве сельскохозяйственных продуктов.

Перевозки скота и продуктов животноводства за те же годы отражены в таблице 3.

Таблица 3

Железнодорожные перевозки скота и продуктов животноводства по Акмолинской, Тургайской и Уральской областям¹⁵

Наименование грузов	1912 г.		1913 г.		1914 г.	
	отправлено	прибыло	отправлено	прибыло	отправлено	прибыло
Бараны, голов	17673	13813	3735	1502	1050	5179
Крупный рогатый скот, голов	80582	3239	98318	2075	76649	817
Свиньи, голов	157	158	223	260	260	71
Итого скота	98412	17210	102276	3837	77959	6067
Мясо домашних животных и птиц, тыс. пудов	1566,0	72,1	1283,4	26,9	855,2	27,9
Сало баранье, говяжье и свиное, тыс. пудов	149,0	2,0	121,0	6,0	87,0	6,0
Масло коровье и овечьё, тыс. пудов	1173,1	37,8	1204,9	43,8	854,1	44,4

Надо полагать, и в данном случае в перевозках участвовала Семипалатинская область: доставляла продукты к железной дороге по Иртышу, перегоняла скот к станциям самопасом.

Как возрастал провоз скота по железным дорогам, можно видеть из следующей справки: «По Сибирской магистра-

¹⁴ Железнодорожные перевозки хлеба по Сибири в 1913 г. составляли 82681 тыс. пудов.

¹⁵ «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов...», стр. 65—109.

ли отгружалось живого скота в 1906 г. 25 тыс. голов»¹⁶. Теперь, когда в эксплуатацию была введена Оренбургско-Ташкентская ж. д., по двум магистралям в 1912 г. отправлено 98,4 тыс. голов, в 1913 г. — 102,3 тыс., в 1914 г. — 78 тыс. голов. Это огромный рост по сравнению с началом века.

Что касается вывоза мяса и сала, то здесь нет роста, наоборот, отмечается снижение. «Средняя годовая погрузка мяса на станциях Сибирской магистрали, прилегающей к казахстанским степям, составляла в 1901—1904 гг. около 1,7 млн. пудов»¹⁷. Теперь отправлено мяса и сала по двум магистралям: в 1912 г. — 1,7 млн., в 1913 г. — 1,4 млн., в 1914 г. — 1 млн. пудов. Вывоз мяса из года в год сокращался. Начинаясь вывоз масла, который под влиянием спроса возрастает, но в 1914 г. также снижается.

В большом количестве вывозилась и шерсть. По данным Г. Благовещенского¹⁸, перевозки шерсти по Закаспийской железной дороге достигли в 1900 г. немногим более 620 тыс. пудов. По Оренбургско-Ташкентской железной дороге овечьей и верблюжьей шерсти перевезено: в 1906 г. — 571 017 пудов, в 1907 г. — 910 671, в 1908 г. — 838 433, в 1909 г. — 984 226, в 1910 г. — 1 079 136 пудов.

Таким образом, только по Оренбургско-Ташкентской железной дороге в 1910 г. вывоз шерсти превысил миллион пудов. Цифры убедительно говорят о быстром росте этого вывоза, по крайней мере до 1910 г. Шерсть шла не только в Европейскую Россию, но и за границу.

Из изложенных данных совершенно ясно, что экономические связи Казахстана с Россией в результате постройки железных дорог в период империализма чрезвычайно расширились. Обнаруживается также, что торговля развивалась неровно. При несомненном росте вывоза хлеба, в торговле скотом и отдельными видами продуктов животноводства к концу изучаемого периода наступила явная депрессия. В ней отражается общий кризис казахстанского животноводства в эти годы, о чем будет сказано в одной из последующих глав.

Особенно ярко кризис торговли (как и животноводства, земледелия) проявился после начала войны, с 1914 г. В этом году резко снизился вывоз не только скота и продуктов животноводства, но и хлеба. Это было началом глубокого

---

¹⁶ В. Федоров. Казахстан — колония царизма в конце XIX и в начале XX в. «Ученые записки Алма-Атинского педагогического института им. Абая», 1941, т. II, стр. 182.

¹⁷ Там же, стр. 182.

¹⁸ Georg Blagowschtschensky. Die wirtschaftliche Entwicklung Turkestane. Berlin, 1913, S. 114—115.

расстройства экономической жизни Казахстана, вызванного войной.

С ростом экономических связей Казахстана с Россией развивалась и внутренняя торговля. Вот некоторые данные о ярмарочной торговле. В 1902 г. торговый оборот трех ярмарок Акмолинской области — Константиновской, Перовской и Тайчикульской — исчислялся в 3423,6 тыс. руб.¹⁹ В 1909 г. оборот семи ярмарок области составил 4551,3 тыс., в 1911 г. 4390,9 тыс. руб.²⁰ В Семипалатинской области обороты ярмарок в 1901 г. составили 3231,5 тыс.²¹, а в 1911 г. они уже достигли 5300 тыс. руб.²² Обороты ярмарок по Тургайской и Уральской областям за 1900 г. достигли 6271,5 тыс., в 1913 г. — 17 369,2 тыс., в 1915 г. — 14 475,4 тыс. руб.²³

Таким образом, ярмарочная торговля до войны росла очень быстро. С началом войны ее обороты снизились, но по сравнению с первыми годами XX в. все еще стояли высоко. Это только один из видов торговли, но в нем концентрировались закупки и на вывоз, и для внутреннего потребления. Ярмарки были узловым пунктом экономической жизни края, показателем вовлечения сельского хозяйства в товарные отношения.

По ярмарочной торговле можно также судить, что являлось главным предметом торговли. Возьмем данные по Уральской и Тургайской областям, как наиболее полные из всех приведенных. В Тургайской области в 1913 г. продажа скота и продуктов животноводства на ярмарках составила 31,2 проц. к обороту, привозные изделия русской промышленности — 17 проц. (Продажа хлеба учтена только по четырем городским ярмаркам; на них она составила 5,8 проц.). По Уральской области в этом же году продажа скота и продуктов животноводства составила 74,9 проц., изделий русской промышленности — 21,9, хлеба — всего 2,3 проц.

Как видим, главным предметом продажи были казахстанские скот, продукты животноводства и российские изделия промышленности.

Закупка хлеба на ярмарках в общем балансе торговых

---

¹⁹ «Обзор Акмолинской области за 1902 г.» Омск, 1904, стр. 22.

²⁰ «Обзор Акмолинской области за 1911 г.» Омск, 1912, стр. 25.

²¹ «Обзор Семипалатинской области за 1901 г.» Семипалатинск, 1902, стр. 40.

²² «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.» Семипалатинск, 1912, стр. 59.

²³ «Обзоры» Тургайской и Уральской областей: за 1900 г. — соответственно стр. 5 и 15; за 1915 г. — стр. 28—30, 75. Данные «Обзоров» о ярмарках, судя по методам их сбора, преуменьшены. Но так как преуменьшение распространяется на все годы, то принимаем их за достаточно достоверные для иллюстрации развития торговых оборотов.

оборотов занимала небольшое место, ограничивалась, видимо, закупками только для внутреннего потребления. Торговля хлебом на вывоз по транспортным условиям непосредственно тяготела к железным дорогам и Иртышу.

Конечно, ярмарочная торговля далеко не охватывала всей торговли края. В 1900 г. в Уральском уезде при обороте ярмарок 4848,5 тыс. руб. общий торговый оборот областным статистическим комитетом был определен в 23 926,4 тыс. руб.²⁴ (подсчет, конечно, приблизительный). В 1914 г. Акмолинский областной статистический комитет подсчитал торговые заведения области. По этому подсчету, в городах и уездах области оказалось 4707 стационарных торговых заведений с общим оборотом 4974,4 тыс. руб.²⁵. Эта торговля носила такой же колониальный характер, что и ярмарочная. Большие обороты ее показывают, что продажа изделий русской промышленности в общем балансе торговых оборотов занимала гораздо большее место, чем об этом свидетельствуют данные ярмарочной торговли. Огромное количество проданного на ярмарках скота и продуктов животноводства говорит о том, что, несмотря на депрессию в этой части торговли, скотоводческое хозяйство в товарообмене с Россией продолжает доминировать.

3. Тип торговли. Октябристский капитализм в Казахстане

Торговля в Казахстане, что типично для колоний периода капитализма и империализма, носила характер неэквивалентного обмена. Ф. А. Щербина в 1899 г. в своем описании этой системы по Актюбинскому уезду Акмолинской области пишет: «Торговля у киргизов (казахов. — П. Г.) считается излюбленным промыслом, особенно в среде богатей и лиц, склонных к кулаческой наживе. Но киргизские (казахские. — П. Г.) торговцы в этом смысле — это лишь посредники между сбытом скота и продуктов скотоводства населением, с одной стороны, и русским потребителем и настоящим скотовладельцем — с другой. Бедняк-киргиз не может отлучиться на базар или ярмарку, чтобы сбыть какую-нибудь тайнчу (теленки-двухлетки. — П. Г.), или пару баранов, или кожу, или полпуда шерсти и прочее, и все это поступает по невероятно низким ценам в руки киргизского посредника, наживающегося на этих сделках громадные барыши...»²⁶.

²⁴ «Обзор Уральской области за 1900 г.» Уральск, 1902, стр. 14—15.

²⁵ «Обзор Акмолинской области за 1914 г.» Омск, 1915, стр. 33.

²⁶ «Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Актюбинский уезд», т. VII. Воронеж, 1903; Ф. Щ е р б и н а. Общий очерк Актюбинского уезда, стр. 43. (Курсив наш. — П. Г.)

Автор явно склонен приписать получение «огромных барышей» только местному скупщику — казаху. На деле такой способ торговли обогащал всю многоступенчатую сеть торговцев и перекупщиков, через которую разрозненный мелкий производитель — крестьянин только и мог довести продукцию своего хозяйства до потребителя.

Эту эксплуататорскую торгово-ростовщическую сеть организовали крупные русские купцы-оптовики, установившие товарные связи сельского хозяйства Казахстана с Россией. Но в низовом ее звене большую роль играли местные торговцы — казахи, татары и пр.

Так обстояло дело в начале изучаемого периода. Ничего в принципе не изменилось и в последующие годы. Только эксплуатация крестьянства стала еще более жестокой и разветвленной.

Вот описание системы торговли по Семипалатинской области, относящееся к 1911 г.: «В настоящее время торговля в Семипалатинской области в общем имеет характер обмена местного сырья на фабрично-заводские произведения Европейской России». Назвав три вида существующей в области торговли — меновую, ярмарочную и постоянную, автор дает следующую характеристику меновой торговле, основу которой составляла скупка скота и скотоводческого сырья.

«Меновая торговля находится в руках торговцев, разъезжающих по степи с небольшим запасом разных товаров, необходимых в киргизском обиходе. В обмен на эти товары торговцы берут как скот, так и продукты киргизского скотоводческого хозяйства: сало, шерсть, кожи и проч. Все это продается затем в городах главным образом перекупщикам, которые, в свою очередь, сбывают купленное на русский и даже заграничный рынок. Меновая торговля очень мелочна, потому что в степи конкуренция совершенно отсутствует и торговцы назначают на свои товары высокую цену, которая еще более увеличивается вследствие низкой оценки идущих в обмен киргизских предметов»²⁷.

Железные дороги технически облегчили перевозку сырья из Казахстана не только в Россию, но и за границу, но экономически путь казахстанскому сырью как за границу и в Россию, так и на местные городские рынки прокладывался купцами и перекупщиками через их разветвленную эксплуататорскую торговую сеть. Из России они везли изделия промышленности, в Россию — продукты казахстанского сельского хозяйства, организовали неэквивалентный обмен и тем самым высасывали соки из сельского хозяйства Казахстана.

---

²⁷ «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.» Семипалатинск, 1912, стр. 62. (Курсив наш. — П. Г.)

Все три вида торговли были связаны между собой. Города, по словам того же автора, как основные очаги стационарной торговли «являются как бы складочными пунктами фабрично-заводских произведений для нужд оседлого и кочевого населения областей»²⁸. Ярмарки являлись основными пунктами сбыта крупными оптовиками товаров, выменянных в аулах по мелочам. «Сбыт скота (мелкими алыпсатарами²⁹. — П. Г.) производится на ярмарках и на месте», — свидетельствуют исследователи Усть-Каменогорского уезда в том же 1911 г.³⁰. Все три вида торговли — это была единая система хищников эпохи первоначального накопления. Прибыли растекались между ними.

Та же система торговли господствовала в переселенческих поселках. Корреспонденты текущей статистики по Семипалатинской области за 1915 г.³¹ на вопрос, кому и где сельские жители продали продукты своего хозяйства, прислали 250 сообщений. Ответы (в процентах сообщений) распределились следующим образом: местным торговцам — 16 проц. продуктов своего хозяйства, заезжим скупщикам — 31, на базаре — 82, на ярмарке — 70, переселенцам-новоселам — 13, казахам — 23 проц. Это означает, что переселенческое крестьянство в какой-то степени еще было самостоятельно связано с базарами и ярмарками, значительное количество продуктов своего хозяйства вывозило в эти пункты торговли своими средствами. Часть продуктов продавало непосредственно потребителям — казахам и новоселам, на месте. Вместе с тем обнаруживается, что и в поселках уже орудовали торговцы и заезжие скупщики. Если же учесть, что на базарах и ярмарках также преобладала продажа скупщикам и торговцам, то картина широкого проникновения торгово-ростовщического капитала в переселенческие поселки становится достаточно ясной.

Еще более ярким показателем того же явления служат данные текущей статистики по Акмолинской области за тот же 1915 г. (табл. 4)³².

Данные таблицы также свидетельствуют, что и в русских поселках в торговле продуктами сельского хозяйства

---

²⁸ Там же, стр. 62.

²⁹ Буквальный перевод — «купил — продал», по смыслу — перекупщик.

³⁰ «Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области, т. II, Усть-Каменогорский уезд». Вып. II. Повторное обследование 1911 г. СПб., 1913, стр. 115.

³¹ «Сельскохозяйственный обзор Семипалатинской области за 1915 г.» Семипалатинск (без года издания), таблицы.

³² «Сельскохозяйственный обзор Акмолинской области за 1915 г.» Омск, 1917, таблицы.

**Кому и где продавали продукты сельского хозяйства
крестьяне-переселенцы Акмолинской области в 1915 г., % сообщений**

Продано	Скупщикам				Новоселам		Местным жителям (казахам и др.)	
	местным		заезжим		в своем селении	на ба-заре	в своем селении	на ба-заре
	в своем селении	на ба-заре	в своем селении	на ба-заре				
Хлеба	13,4	16,7	9,8	10,8	11,2	8,0	17,5	10,2
Скота	12,4	22,5	19,1	16,9	11,2	13,5	4,4	—
Сала	24,1	27,8	3,4	10,3	6,9	13,9	6,8	—
Масла	28,6	17,9	12,5	23,2	7,1	3,6	—	3,5

решительно преобладали скупщики. Продажа непосредственно потребителям занимает незначительное место.

Таким образом, мы приходим к общему выводу: втягивание сельского хозяйства Казахстана в товарные отношения привело к образованию разветвленной системы торгово-ростовщической эксплуатации крестьянства. Хищническая эксплуатация купцов и ростовщиков в равной мере распространялась как на местное казахское, так и на пришлое переселенческое крестьянство.

* * *

С развитием торговли сельскохозяйственным сырьем зародилась и промышленность по первичной его обработке для вывоза. Областные статистические комитеты в 1900—1902 гг. насчитывали по четырем областям 3623 мелких промышленных заведения с общим количеством рабочих 10 616, в среднем менее трех человек на предприятие³³. В 1911 и 1912 гг. по Семипалатинской и Тургайской областям насчитывалось 817 заведений, 2208 рабочих; в 1914 г. по Акмолинской и Уральской областям — 2490 заведений, 9793 рабочих. Таким образом, к концу изучаемого периода в обрабатывающей промышленности насчитывалось 3307 предприятий с общим количеством рабочих 12 тыс., в среднем 3,6 человека на предприятие³⁴. Предприятия несколько

³³ «Обзоры» областей: Акмолинской и Уральской — за 1901 г., Семипалатинской — за 1900 г., Тургайской — за 1902 г.

³⁴ «Обзоры» областей: Тургайской — за 1912 г., Семипалатинской — за 1911 г., Акмолинской и Уральской — за 1914 г.

укрупнялись, но все же это были микроскопические заведения, игравшие только подсобную роль в организации торговли. Обрабатывающая промышленность еще не играла самостоятельной экономической роли. Она обслуживала торговлю, ее нужды, и поэтому целиком и полностью подчинялась торгово-ростовщическому капиталу.

В крае преобладал торговый и ростовщический капитал. Это можно видеть из следующих данных.

Таблица 5

Выдача промысловых свидетельств по Уральской и Тургайской областям ³⁵

Типы свидетельств	1913 г.		1915 г.	
	число свидетельств	на сумму основного налога	число свидетельств	на сумму основного налога
На торговые предприятия	10228	141751,5	11128	210794,5
На промышленные предприятия	889	1162,0	1135	15831,5

И количество выбранных свидетельств, и суммы выплаченного налога отражают решительное преобладание в крае торгового капитала. Но это количественные показатели. В самом же строе хозяйства Казахстана-колонии обнаруживается, что большинство промышленных предприятий, на которые были выбраны учтенные в таблице свидетельства, принадлежало купцам и торговым фирмам. Это говорит о том, что в крае развивался капитал октябристского типа, агентура российского империализма, для которого характерно сочетание торгово-ростовщической эксплуатации мелких производителей (крестьянства) с жестокой промышленной эксплуатацией рабочих на технически отсталых, по преимуществу мелких промышленных предприятиях, в данном случае главным образом на предприятиях первичной обработки сырья на вывоз.

По Уральской области, кроме того, имеются данные о выборке свидетельств за 1900 г. Сравнивая их с данными за 1915 г., обнаруживаем, что здесь за 15 лет число торговых предприятий возросло на 109,5, а промышленных — только на 26,4 проц. Торговый капитал в крае не только играл

³⁵ «Обзоры» областей за соответствующие годы.

ведущую роль, но и разрастался быстрее, чем промышленный.

Это закономерно: все больше втягивая в товарные отношения крестьянство, купцы предпочитали расширять операции по скупке сырья, дающие наибольшие прибыли за счет эксплуатации мелкого производителя (крестьянина). Об организации заводов, не связанных непосредственно со скупочными операциями, и не помышляли, поскольку такие предприятия не давали высоких прибылей. Что же касается заводов по первичной обработке сырья на вывоз, то они расширялись и укреплялись. Тип развивавшегося в Казахстане-колонии капитализма со всех сторон определяется как «октябристский капитализм эпохи первоначального накопления» (В. И. Ленин).

Разоряя крестьянство, лишая его орудий и средств производства, октябристский капитализм выполнял функцию первоначального накопления. В то же время он был посредником между российским монополистическим капиталом и банками, с одной стороны, и казахстанским местным и переселенческим крестьянством — с другой. Система октябристского капитализма, сложившаяся в степных областях уже в конце XIX в., была системой колониальной эксплуатации края. Развитие российского капитализма вширь, на новые территории, означало втягивание в товарные отношения крестьянства. Октябристский капитал расширял эксплуатацию Казахстана-колонии со стороны капиталистического империализма.

4. Степень и характер вовлечения сельского хозяйства в товарные отношения. Внутренний рынок

Для анализа степени вовлечения сельского хозяйства в товарные отношения приходится пользоваться данными немногочисленных и некачественных бюджетных обследований Переселенческого управления. В 1896—1901 гг. экспедиция Ф. А. Щербины по обследованию казахского сельского хозяйства составила бюджеты на 282 хозяйства из 13 обследованных уездов Степного края.

Экспедиция ставила своей целью найти в Казахстане «среднетипичное хозяйство». Обследователи старались избрать для бюджетного описания семьи, в которых не было «как наемных в хозяйстве работников, так и найма из семьи в батраки на сторону», а также отмечено «беспрепятственное удовлетворение личных потребностей и хозяйственных нужд семьи, возможность принимать гостей по киргизскому

обычаю и некоторое превышение доходов над расходами в бюджетном хозяйстве»³⁶.

Усилия обследователей были направлены, таким образом, на то, чтобы изучить бюджеты самостоятельных средних хозяйств, наиболее «натуральных» по своему внутреннему строю. На деле же, как они сообщают, в число обследованных попали, «с одной стороны, более бедные, а с другой — и более богатые». У многих, особенно у более богатых, оказались и наемные рабочие³⁷. Но все же это были средние крестьянские хозяйства.

Итог их бюджетов, с дифференциацией хозяйств по количеству скота, выражен в таблице 6.

Таблица 6

1898—1901 гг. Бюджеты средних казахских крестьянских хозяйств 13 уездов³⁸

Группы хозяйств по количеству ед. скота (в переводе на лошадь)	Число хозяйств	Процентное соотношение натуральной и денежной частей бюджета			
		по доходам		по расходам	
		натурой	деньгами	натурой	деньгами
До 10 ед.	28	56,2	43,8	53,7	46,3
11—20 »	92	61,7	39,3	62,1	37,9
21—30 »	89	59,2	40,8	61,4	38,6
31—40 »	45	65,3	34,7	67,0	33,0
41 и более »	28	62,0	38,0	65,1	34,9
Итого	282	61,5	38,5	63,1	36,9

Данные таблицы убеждают, что даже в средних, наименее товарных казахских хозяйствах в 1898—1901 гг. денежная часть бюджета достигала 36,9—38,5 проц. Казахское крестьянское хозяйство становилось мелкотоварным.

При дифференциации хозяйств по количеству скота обнаруживается тенденция увеличения денежной части бюджета к группам более бедных хозяйств. Это хотя и неполно

³⁶ «Свод материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по обследованию степных областей». Вып. 1, т. XIII. Таблицы бюджетов по типичным хозяйствам киргизского населения Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей. СПб., 1906, предисловие, стр. VI.

³⁷ Всего на 282 обследованных хозяйства приходилось 927,1 человеко-месяца рабочих, в среднем 3,3 человеко-месяца на хозяйство.

³⁸ «Свод материалов...», таблицы.

представленный, но выразительный признак того, что расчленение крестьянства повышало товарность их бюджета, расширяло внутренний рынок.

В 1898—1899 гг. составлены бюджеты по 30 хозяйствам переселенцев Кокчетавского уезда Акмолинской области, в 1899—1901 гг. — по 25 таким хозяйствам Акмолинской и Семипалатинской областей. Исследователи опубликовали бюджеты хозяйств, но не дали никакого итогового и дифференцированного подсчета. Сгруппировав описанные 55 хозяйств по количеству лошадей (с поправкой на площади посева), мы разбили их на три группы: бедняков, средних и зажиточных³⁹. По этой группировке сделан подсчет данных бюджетов. Соотношение денежных и натуральных частей по доходам и расходам выразилось в следующих величинах (табл. 7).

Таблица 7

1898—1901 гг. Бюджеты переселенческих крестьянских хозяйств⁴⁰

Группы хозяйств	Число хозяйств	Процентное соотношение натуральной и денежной частей бюджета			
		по доходам		по расходам	
		натурой	деньгами	натурой	деньгами
Бедняки	5	59,0	41,0	52,9	47,1
Средние	35	58,4	41,6	54,7	45,3
Зажиточные	15	59,5	40,1	53,5	46,5
Среднее	55	59,0	41,0	54,2	45,8

И в данном случае для исследования избирались «средние», «типичные» хозяйства. Наша группировка не отражает общей картины переселенческих поселков. Однако, как и по бюджетам казахского крестьянства, мы убеждаемся, что и переселенческое хозяйство к концу XIX в. становилось

³⁹ 30 хозяйств Кокчетавского уезда распределены по группам по признаку: бедняки — без лошадей, средние — одна-три, зажиточные — четыре-шесть лошадей. При распределении 25 хозяйств Семипалатинской и Акмолинской областей от этого принципа сделаны отступления: пять хозяйств с одной лошадью в каждом и одно хозяйство с тремя лошадьми отнесены к зажиточным, как имевшие в среднем более 14 десятин посева; шесть хозяйств с пятью и шестью лошадьми отнесены к средним, как имевшие на хозяйство менее 8 десятин посева.

⁴⁰ «Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Бюджеты переселенцев Акмолинской и Семипалатинской областей», т. VIII. СПб., 1907. (Дифференцированный подсчет наш. — П. Г.)

мелкотоварным, причем товарность выражена несколько резче, чем в казахских крестьянских хозяйствах. Имеется и тенденция (правда, выраженная очень слабо) повышения товарности в сторону бедняцких хозяйств.

Прав был наблюдатель казахстанской жизни конца XIX в. Н. Коншин, когда писал: «Натуральное киргизское (а мы видим, что и русское переселенческое. — П. Г.) хозяйство» к началу XX в. «затрепало по всем швам»⁴¹. Феодалы натуральные отношения все более и более отступали на задний план.

В 1910 г. при повторном обследовании Павлодарского уезда Семипалатинской области было произведено бюджетное описание и подсчет 61 казахского хозяйства. В отличие от описаний конца 90-х гг. на этот раз обследованные хозяйства отразили более широкий круг социальных групп. Ознакомимся с результатами этого обследования для характеристики степени вовлечения казахского крестьянства в товарные отношения в 1910 г. (табл. 8).

Таблица 8

1910 г. Бюджеты казахских хозяйств Павлодарского уезда Семипалатинской области⁴²

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число обследованных хозяйств	Процентное соотношение натуральной и денежной частей бюджета			
		по доходам		по расходам	
		натурой	деньгами	натурой	деньгами
1 лошадь	4	61,2	38,8	68,8	31,2
2—5 лошадей	18	50,5	49,5	63,3	36,7
6—10 »	13	61,5	38,5	74,3	25,7
11—25 »	19	52,9	47,1	67,7	32,3
26—50 »	7	45,4	54,6	69,6	30,4
Итого	61	62,3	37,7	68,6	31,4

При подборе хозяйств для описания, учтенных в таблице 8, также оказало свое влияние общее стремление обследо-

⁴¹ Н. Коншин. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. Сборник статей по Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899, стр. 34.

⁴² «Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области, т. I. Павлодарский уезд». Вып. II. Повторное обследование 1910 г. СПб., 1913. Раздел «Киргизское хозяйство по данным бюджетных описаний», выборка из таблиц.

дователей найти «среднее», «типичное» хозяйство. Они сообщают, что из 65 описанных хозяйств при составлении «общей сводки» исключено одно, «относящееся к группе хозяйств безлошадных», «два, принадлежащие к группе с 50—100 лошадьми, и одно с количеством лошадей свыше 100», как «отличающиеся по своим основным признакам от хозяйств соответствующих групп сплошной подворной переписи»⁴³.

Таким образом, к подсчету осталось 61 хозяйство. Крайние же полюсы аула — безлошадная беднота и многоскотные феодальные хозяйства — оказались за пределами исследования. Следовательно, приведенная таблица, несмотря на более широкий охват разнотипных хозяйств, чем по бюджетам конца 90-х годов, все же включает в себя главным образом данные о средних хозяйствах.

Какие можно сделать выводы из этих данных? Прежде всего обнаруживается, что изучаемые бюджеты «средних» хозяйств Павлодарского уезда за 1910 г. в общем итоге содержат меньшую долю денежных доходов, чем бюджеты конца 90-х годов (37,7 против 41 проц.⁴⁴). Но в среднеобеспеченных группах наблюдается противоположная тенденция. За последние десять лет, если пользоваться только приведенными данными, явно обнаруживается дальнейшее втягивание казахского крестьянства в товарные отношения. Но по данным таблицы 8 наблюдается также и следующее: наименее товарной в данном случае тоже оказывается средняя группа хозяйств (шесть — десять лошадей). От нее и в сторону зажиточных и в сторону бедноты доля денежных доходов возрастает. Нарушение этой закономерности наблюдаем только в группе однолошадных. В эту группу, несомненно, попали хозяйства, которые в какой-то степени «кормились» возле баев, получая от них натуральную плату за кабальный труд. Их денежные заработки от «промыслов» составили на хозяйство всего 33,67 руб. в год, тогда как в группе, имевшей от двух до пяти лошадей на хозяйство, они достигли 47,2 руб., и даже в группе с наиболее натуральным хозяйством (шесть — десять лошадей) — 39,4 руб. Таким образом, названное отклонение от общей закономерности находит свое объяснение. В тех группах (например, имевших по две — пять лошадей на хозяйство), которые меньше ощущали феодальную эксплуатацию со стороны байства, товарность хозяйства повышалась быстрее. В свою очередь увеличивалась она и в группах зажиточных хозяйств. Та-

⁴³ Там же, стр. 286.

⁴⁴ Избегаем сравнивать расходную часть, так как переходящий остаток денег на следующий бюджетный год может исказить подлинную картину.

ким образом, наблюдается общая закономерность: наиболее интенсивно втягивались в товарооборот беднота и зажиточные. В то же время обнаруживаем, что кабальная феодальная эксплуатация тормозила этот процесс, даже в бедняцких хозяйствах.

По переселенческим хозяйствам имеется 12 бюджетов «средних хозяйств» Акмолинской области за 1903—1904 гг. и 75 бюджетов крестьян Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов за 1910 г. В составе последней группы было 6 хозяйств, имевших до 5 десятин посева, 32 — от 6 до 15 десятин, 16 — от 15 до 25 десятин, 20 хозяйств имели свыше 25 десятин каждое. Но дифференцированного подсчета доходов — расходов, в деньгах и натурой, по этим группам обследователи не дали. Дополнительным подсчетом их данных удалось установить соотношение натуральной и денежной частей бюджета только в общем итоге. Приводим итоги нашего подсчета (табл. 9).

Таблица 9

Бюджеты переселенческих хозяйств

Бюджеты	Год бюджетного описания	Процентное соотношение натуральной и денежной частей бюджетов			
		по доходам		по расходам	
		натурой	деньгами	натурой	деньгами
12 «средних по зажиточности» хозяйств переселенцев Акмолинской области ⁴⁵	1903—1904	66,4	33,6	64,9	35,1
75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов ⁴⁶	1910	64,3	35,7	61,4	38,6

Трудно устанавливать динамику развития товарных отношений в переселенческих хозяйствах по приведенным разновременным бюджетным обследованиям, во-первых, потому, что не совпадают признаки, по которым отбирались хозяйства для описания, во-вторых, потому, что состав пересе-

⁴⁵ «Материалы по обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях». СПб., 1905; В. И. Юферов. Опыт исследования бюджетов переселенцев. Вып. XXIV. СПб., 1906.

⁴⁶ «Данные бюджетно-хозяйственного обследования 75 переселенческих хозяйств Кустанайского, Актюбинского и Уральского уездов». Оренбург, 1911.

ленцев в поселках изменялся за счет постоянно прибывающих новоселов. Таблица 10 дает только возможность сравнить переселенческие хозяйства с казахскими. Мы убеждаемся, что и переселенческие хозяйства интенсивно втягивались в товарные отношения. Но если сравнить данные о переселенческих хозяйствах за 1910 г. с итогом данных о казахских хозяйствах за тот же год (табл. 8), собранных приблизительно по однородным по достатку хозяйствам, то обнаружится, что переселенческое хозяйство было втянуто в товарные отношения даже несколько слабее, чем казахское.

Таблица 10

Продажа скота казахами Кустанайского (1909 г.) и Иргизского (1911 г.) уездов Тургайской области⁴⁷

Группы хозяйств по количеству скота (в переводе на лошадь)	Всего хозяйств	В том числе продававших скот		Ед. скота (в переводе на лошадь)		Продано ед. скота за год	% проданного скота	
		количество хозяйств	% к общему количеству	всего	в т. ч. в хозяйствах, продававших скот		ко всему наличному	к наличному у хозяйств, продававших скот
Без скота	146	24	16,4	—	—	45	—	—
1—10 ед.	13842	11276	81,5	82586	70106	20023	24,2	28,6
10—25 »	12254	11732	95,7	199309	191388	37648	18,9	19,7
25—50 »	5668	5581	98,5	197939	194854	30491	15,4	15,6
50—100 »	2338	2317	99,1	158286	156861	21533	13,6	13,7
Свыше 100 »	1092	1084	99,3	215794	214274	27191	12,6	12,7
Итого	35340	32014	90,6	853914	827483	136931	16,0	16,5

Чтобы расширить представление о вовлечении казахского скотоводческого хозяйства в товарные отношения, нами произведен подсчет продажи скота по материалам обследований переселенческих районов (табл. 10). Хотя данные таблицы тоже не дают полной картины степени развития товарных отношений, но они ценны тем, что распространяются на все социальные группы аула; таблица позволяет

⁴⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Кустанайский уезд». Оренбург, 1912; «Материалы по киргизскому землепользованию... Иргизский уезд». Оренбург, 1913. (Подсчет наш. — П. Г.)

сделать важные наблюдения в дополнение к наблюдениям, сделанным по бюджетам.

Здесь прежде всего обнаруживаем последовательную закономерность: чем беднее хозяйства, тем больший процент стада они продали за год. На бедняцком полюсе наблюдается группа «без скота» (мы уже знаем, что она сильно преуменьшена. См. «Введение» настоящей статьи). Эта группа уже распродала свой скот, в том числе частично в год обследования. За ней следует группа, имевшая «от 1 до 10 единиц скота» на хозяйство. Это бедняки, распродающие последний скот, стоящие на грани полного разорения. Недостаточно устойчива середняцкая группа — «10—25 единиц скота». Любое неблагоприятное явление в жизни скотоводов — и они неизбежно перейдут в группу бедняков. Что касается высшей группы — «более 100 единиц скота», то ясно видно, что она еще не стала предпринимательской. По количеству проданного скота обнаруживаем, что она еще не порвала с феодальным натуральным хозяйством, здесь продажи скота носят больше потребительский, чем предпринимательский характер.

То, что крупные феодальные хозяйства края вообще были слабо втянуты в товарные отношения, можно подтвердить также следующей справкой. В Павлодарском уезде Семипалатинской области в 1910 г. 315 хозяйств, имевших свыше 100 лошадей каждое, в год обследования не продавали скота⁴⁸. Это были в полном смысле натуральные хозяйства феодального типа. Они, впрочем, сохранились в условиях слабого вовлечения в торговлю скотом всего уезда: в нем было продано в год обследования всего 7,4 проц. стада. При всей интенсивности развития товарных отношений в крае сохранились еще районы со слабо развитой торговлей и крупные феодальные хозяйства, слабо связанные с рынком.

В полном соответствии с этим надо рассматривать и обнаруженное выше снижение товарности некоторой части бедняцких хозяйств против более зажиточных групп (табл. 8). Для натуральных хозяйств баев-феодалов отработочная рента за натуральную плату была основным, если не единственным, способом эксплуатации зависимой от них бедноты.

Все сказанное свидетельствует, что процесс вовлечения казахского хозяйства в товарные отношения был очень сложен. Суммарные «средние» данные бюджетов не вскрывают

---

⁴⁸ «Материалы по обследованию хозяйств и землепользования в Семипалатинской области, т. I, Павлодарский уезд», Вып. 1. Семипалатинск, 1912, таблицы.

этот вопрос во всей его полноте. Более детальные данные показывают, что процесс вовлечения казахского сельского хозяйства в рыночные отношения даже в период империализма далеко не завершился: еще сохранилось какое-то количество и крупных скотоводческих феодальных и крестьянских, даже бедняцких, хозяйств, живущих своей внутренней экономической жизнью, не связанных или очень слабо связанных с рынком.

В то же время бóльшая, если не подавляющая, часть крестьянских хозяйств уже настолько глубоко была связана с рынком, что закон капиталистической дифференциации крестьянства стал для них основным законом.

Процесс вовлечения животноводческого сельского хозяйства в товарные отношения приводит все большую часть крестьянства к распродаже стада, к полному обнищанию. Само собой разумеется, что, поскольку одновременно с казахским хозяйством в рыночные отношения втягивалось и русское переселенческое хозяйство, его судьба неизбежно была такой же. Крестьянское хозяйство — и местное, казахское, и переселенческое — становилось мелкотоварным. А это означало, что оно бесповоротно стало на путь капиталистического разложения. На путь развития капитализма встало и феодально-байское хозяйство. Но этот процесс даже к революции 1917 г. далеко еще не завершился.

Путь, по которому шло развитие капитализма в сельском хозяйстве Степного края, был одним из вариантов октябристско-прусского пути, схожим с тем путем, которым шла Россия, но в то же время и во многом от него отличным и тем более отличным от того пути, которым в свое время шла Пруссия.

II. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КРАЯ

Рассмотрим, какие изменения произошли в сельском хозяйстве Степного края за изучаемый период.

1. Крестьянская колонизация края. Ее влияние на развитие сельского хозяйства

В дореволюционной статистике имеются сведения, что в четырех степных областях (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская) с 1896 по 1916 г. должно было осесть 869 900 переселенцев из России ¹.

---

¹ В. А. Тресвятский. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России..., стр. 38, 40.

Не все из них оседали в сельском хозяйстве. Точного же учета переселенцев, осевших на наделах до 1906 г., не велось. Поэтому даже статистики, занимавшиеся учетом водворения переселенцев за Уралом, не могут назвать число водворенных до 1906 г. В отчете степного генерал-губернатора за 1909 г. сообщается, что по Акмолинской и Семипалатинской областям с 1870 по 1905 г. «образовано душевых долей... 169 603»². По Уральской и Тургайской областям таких данных в нашем распоряжении нет. За время же с 1906 по 1915 г. в четырех изучаемых областях осело 192 572 семьи, душ мужского пола — 579 985³. По мнению В. А. Тресвятского, это должно было составить около 1161,2 тыс. душ обоего пола.

В XIX в. водворение переселенцев за Уралом вообще, в степных областях Казахстана в частности было неорганизованным, стихийным. Колонизация Степного края совершалась в обстановке, когда крепостники-помещики сопротивлялись уходу крестьян из Европейской России. Это лишало их дешевой рабочей силы и выгодных арендаторов их земель. Переселенцы самовольно уходили за Урал, арендовали землю у казахов и в казачьих станицах и образовывали поселки; селились скорее по собственной инициативе, чем с помощью администрации.

К 1906 г. обстановка резко изменилась. Помещики стали на путь всяческого поощрения переселенческого движения. Переселяя «излишнее» крестьянское население за Урал, помещики рассчитывали сохранить свое землевладение в России, отвлечь русско-украинско-белорусское крестьянство от его революционных устремлений захватить помещичьи земли. В степных областях было образовано три переселенческих района: Акмолинский, Тургайско-Уральский и Семипалатинский. Водворение переселенцев теперь взяли на себя эти бюрократические переселенческие организации. Они насильно отнимали земли у казахов, образовывали на них русские поселки, водворяли переселенцев. С 1906 по 1915 г. в степных областях было отведено переселенцам 8737 тыс. десятин казахских земель⁴.

Новые черты в переселенческой политике порождали и новые противоречия. Царизм, выражавший интересы крепостников-помещиков, в неприкрытом виде выступал как

² ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, д. 1440, л. 226.

³ «Статистический ежегодник России, 1911 г.», отд. II. СПб., 1912, стр. 12; «Статистический ежегодник России, 1916 г.». Вып. 1. М., 1918, стр. 110—111.

⁴ В. А. Тресвятский. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г.; «Вопросы колонизации», 1917, № 20, стр. 74.

разрушительная сила. Вместо расширения земельных фондов посредством мелиорации в крае расхищались уже освоенные земли, что наносило серьезный ущерб казахскому сельскому хозяйству. А в той части, где переселенцам отводились пастбищные угодья казахов для хлебопашества, земли были неблагоустроенными, чем вызывалось недовольство переселенцев и бегство с мест водворения. Интересы русских крепостников-помещиков, противостоявших российскому крестьянству, теперь вступили в острое противоречие также с интересами казахского крестьянства, земли которого расхищались для спасения помещичьего землевладения. Бюрократические же методы водворения вызывали глубокое недовольство новоселов, и без того переживавших огромные лишения в связи с переселением.

Результат перераспределения казахстанских земель к 1916 г., происшедшего в связи с крестьянской колонизацией, можно видеть из таблицы 11.

Таблица 11

1916 г. Землепользование в степных областях⁵

В чем пользование	Акмолинская		Семипалатинская		Тургайская		Уральская		По областям	
	тыс. десятин	%	тыс. десятин	%	тыс. десятин	%	тыс. десятин	%	тыс. десятин	%
Казахов	38225	79,2	38270	84,3	36787	88,5	21820	74,3	136103	82,1
Русских крестьян	6465	13,4	3126	6,9	3447	8,0	876	3,0	13915	8,4
Казаков	2559	5,3	2203	4,8	—	—	6465	21,8	11227	6,8
Городов	42	0,1	43	0,1	100	0,2	34	0,1	219	0,1
Оброчный и запасной фонды	206	0,4	437	0,9	744	2,5	201	0,7	1598	1,0
Лесные дачи собственности казны	780	1,6	1344	3,0	325	0,8	29	0,1	2478	1,5
Итого	48277	100	45423	100	41403	100	29425	100	165540	100

Если рассматривать данные таблицы 11 формально, то может сложиться впечатление, что у казахов было многоземелье. Это мнение и стремились поддержать царские чиновники, чтобы «доказать» возможность и необходимость изъятия «излишков» в колонизационный фонд. На самом же деле те 29,4 млн. десятин казахских земель, которые, по данным таблицы, были экспропрированы у казахов Степ-

⁵ В. А. Тресвятский. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России..., стр. 45.

ного края за время царского господства, являлись основным фондом земель, удобных для земледелия, сенокосения и лесоводства. Экспроприации производились не только для переселенческих поселков. Больше половины этих земель (52,7 проц.) были изъяты для казачества и других надобностей. Но, независимо от целей экспроприации, ими был нанесен серьезный ущерб развитию казахского земледелия и животноводства.

Царская колонизаторская политика тормозила прогрессивный процесс перехода казахов к оседлому земледелию. Это явление выразительно подтверждают данные следующего подсчета ⁶.

Области	% земель, изъятых у казахов, к общей земельной площади	Рост земледелия казахов к 1916 г. против 1905—1907 гг., %
Уральская	27,8	143
Акмолинская	23,1	175
Семипалатинская	17,0	200
Тургайская	16,1	156

За исключением Тургайской области, в трех остальных наблюдается последовательная закономерность: чем меньше процент изъятых земель, тем быстрее развивалось казахское земледелие. Что касается Тургайской области, то она представляет исключение, которое подтверждает правило. Она известна как наименее затронутая колонизацией до 1906 г. Казачья колонизация ее совершенно не коснулась. По переписи 1897 г. на территории области переселенцы среди сельского населения составляли только 4,7 проц. Они получили землю по вольному соглашению с казахами. Таким образом, казахи этой области до 1906 г. свободно распоряжались своими землями без вмешательства царской администрации. В результате к 1907 г. область оказалась самой передовой по развитию казахского земледелия. Из общей площади казахских запашек Степного края на Тургайскую область к 1906—1907 гг. приходилось 57,7 проц.

Но пришел 1906 г. Изъятие земель для колонизации стало распространяться и на Тургайскую область. Это немедленно и особенно болезненно сказалось на уже достаточно развитом казахском земледелии области. Темпы его роста оказались низкими в сравнении с другими областями края. В то же время рост земледелия крестьян-переселенцев в этой области был самым высоким — в 4,9 раза.

⁶ Подсчет до данным В. А. Тресвятского и сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Таким образом, совершенно очевидно, что царские изъятия земель у казахов тормозили развитие казахского земледелия. Но будет также неправильно утверждать, что передача земель казачеству и переселенцам обеспечивала достаточно быстрый рост земледелия в русских поселках и казахских станицах. При росте русского сельского населения между переписями 1897 и 1916 гг. в 4,5 раза их посевные площади возросли только в 2,24 раза, соответственно у казахов — в 1,16 и в 1,7 раза. Рост посевных площадей только у казахов опережал рост населения, в русских же поселениях явно отставал. Бюрократические методы колонизации ставили русских переселенцев в такие трудные условия, при которых производительные силы сельского хозяйства росли крайне медленно.

Таким образом, земельный вопрос в степной части Казахстана в период империализма стал самым острым вопросом, касающимся и местного казахского и русского переселенческого крестьянства. При всех возможностях, вкладывая средства в мелиорацию земель, основывая переселенческие поселки без ущерба для казахов, царизм разрушал казахское сельское хозяйство и не создавал условий для быстрого развития хозяйства переселенцев. Развитие производительных сил сельского хозяйства тормозилось по всей линии. Антицаристская борьба за землю становилась борьбой общекрестьянской.

2. Взаимосвязь переселенческого и казахского хозяйства. Общий кризис сельского хозяйства

Уже отмечено, что русское переселенческое сельское хозяйство было по преимуществу земледельческим, казахское — по преимуществу животноводческим. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Для характеристики изменений в соотношении количества поголовья скота между переселенцами и казахами воспользуемся данными В. А. Тресвятского, как наиболее полными из существующих. По 1916 г. В. А. Тресвятский пользовался результатами сельскохозяйственной переписи 1916 г. За 1905, 1906 и 1907 гг. им использованы данные обзоров областей. Пересчитав его данные о поголовье скота в единицы и выбрав из них цифры применительно к нашей теме, мы получили следующие результаты (табл. 12).

На основании своих цифровых подсчетов автор сделал вывод, что у казахов «количество скота за 10 лет значительно увеличилось». Зная, что данные областного статистического комитета за 1905—1907 гг. сильно преуменьшали

**Скотоводство казахов и крестьян-переселенцев
в степных областях ¹**

Области	1905, 1906, 1907 гг.*				1916 г.			
	у крестьян** переселенцев		у казахов		у крестьян-переселенцев		у казахов	
	ед. скота, тыс.	%	ед. скота, тыс.	%	ед. скота, тыс.	%	ед. скота, тыс.	%
Акмолинская	303,3	22,1	1068,7	77,9	870,8	30,1	2027,8	69,9
Семипалатинская	142,6	11,3	1132,2	88,7	442,0	21,2	1650,3	78,8
Тургайская	90,8	7,6	1108,6	92,4	479,0	24,5	1476,3	75,5
Уральская	Данных нет				102,5	14,0	1249,0	86,0
Итого	536,4	13,9	3309,5	86,1	1894,3	22,8	6403,4	77,2

* По Семипалатинской области — за 1905 г., по Тургайской — за 1906 г.

** По Семипалатинской области — у крестьян и казахов.

поголовье, с таким решительным выводом автора согласиться нельзя. Что же касается изменений в удельном весе поголовья скота у казахов и переселенцев, то обнаруживаем, что доля его у казахов в общем стаде за десять лет упала, у переселенцев сильно возросла.

Наиболее интенсивно увеличивалась доля скота у переселенцев Тургайской и Семипалатинской областей, где за этот период колонизация развивалась особенно широко и вместе с ростом числа переселенцев возрастало и количество скота. Однако поголовье скота в поселках росло не только в связи с приливом новых переселенческих семей, обзаводившихся скотом, но и в результате общего расширения животноводства в поселках, превращения многих переселенческих хозяйств в земледельческо-скотоводческие.

В 1911 г. переселенческие чиновники писали о селении Георгиевском Усть-Каменогорского уезда (основано в 1893 г.), что его хозяйственный строй «представляет любопытный факт сочетания зернового и скотоводческого хозяйства, как результат приспособления крестьянского хозяйства к своеобразным местным естественноисторическим (и экономическим. — П. Г.) условиям». В этом селении в

¹ В. А. Тресвятский. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России..., стр. 58.

1899 г. приходилось в среднем на хозяйство 25,7 головы скота, в 1911 г. — 36,13 головы. Рост — на 40,6 проц.⁸

Статистика свидетельствует, что селение Георгиевское было далеко не единственным в своем роде. Среди переселенцев наблюдалось общее стремление к сочетанию зернового и скотоводческого хозяйства.

Сопоставим данные за 1916 г. о скотоводстве с данными о населении, включая и казачество (табл. 13).

Таблица 13

1916 г. Распределение скота по категориям скотовладельцев (по четырем областям Степного края)

Скотовладельцы	Население, % к итогу	У них скота		Ед. скота на 100 чел. сельского населения
		в переводе на лошадь, тыс. ед.	% к итогу	
Казахи	58,5	6320,7	66,9	290,1
Крестьяне-переселенцы	32,8	1749,1	18,5	143,3
Казачество	8,7	1381,0	14,6	422,3
Итого	100,0	9450,8	100,0	253,6

Подсчет показывает, что несмотря на снижение удельного веса количества скота у казахов в общем стаде четырех областей и повышение у переселенцев (табл. 12), основными скотоводами в крае все же оставались казахи. На втором месте стояли переселенцы-крестьяне и на третьем — казахи. Однако последние (в их число, очевидно, включены и крупные частновладельческие скотоводческие хозяйства) на своих удобных и для земледелия и для сенокосения землях имели еще большие стада, чем исконные скотоводы-казахи, оттесненные в степь. Это показывает, как тормозилось развитие казахского животноводства из-за изъятия лучших земель. Данные таблицы, в свою очередь, подтверждают ярко выраженную тенденцию не только у казачества, но и у крестьян-переселенцев к превращению их хозяйств в земледельческо-скотоводческие.

Казахское скотоводство развивалось в разные периоды по-разному. По девяти уездам, обследованным Переселенческим управлением в конце 90-х годов и повторно в 1907—

⁸ «Селение Георгиевское Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. По данным описания 1911 г.», Семипалатинск, 1911, стр. 1 (предисловие) и стр. 10.

1911 гг.⁹, казахское животноводство возросло следующим образом: в 1896—1901 гг. — 2384,6 тыс. ед. (в переводе на лошадь), в 1907—1911 гг. — 3729,5 тыс. ед. Рост — на 56,4 проц.

Этот рост преувеличен, так как конец 90-х годов из-за сильного джута (падеж скота от бескормицы) был периодом упадка животноводства. А 1907—1911 гг., когда производился опрос хозяйств повторно, был периодом его относительного подъема¹⁰. Мы сравниваем, таким образом, не совсем сравнимые годы. И все же приведенные цифры свидетельствуют, что в первое десятилетие XX в. казахское животноводство степных областей если и не было на подъеме, то не переживало и упадка.

Иную картину обнаруживаем, когда обращаемся к данным за 1907—1917 гг. Путем пересчета повторных обследований 1907—1911 гг. удалось получить данные по семи уездам Акмолинской и Семипалатинской областей, сравнимые с итогом сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. (табл. 14).

Ориентируясь на соответствующие сведения в материалах по обследованию и на характер данных переписей 1916 и 1917 гг., мы подсчитали только данные по трем основным видам скота — лошадям, рогатому скоту и овцам. Перевод в единицы произведен по нормам Ф. А. Щербины, однако без учета возраста животных. В результате получены вполне сравнимые статистические ряды. Что же обнаруживается при подсчете?

Во-первых, таблица, как видим, показывает, что после 1907—1911 гг., к которым относятся данные статистиков Переселенческого управления, наступил глубокий кризис животноводческого хозяйства. Во-вторых, по нашей таблице мы можем определить и время начала кризиса. Ключ к этому определению — разница в показателях по Акмолинской и Семипалатинской областям. Если в показателях за 1916 г. отразилось изменение количества скота в связи с восста-

---

⁹ В подсчет вошли: по Акмолинской области — Акмолинский (только северная часть), Омский, Кокчетавский, Петропавловский уезды; по Тургайской области — Актюбинский и Кустанайский; по Семипалатинской — Зайсанский, Павлодарский и Усть-Каменогорский уезды. Атбасарский уезд Акмолинской области, также обследованный повторно, в подсчет не вошел, так как в 1909 г. в нем была обследована только северная часть; данные не сравнимы с обследованием 1897 г.

¹⁰ Есть также основание полагать, что в обследованиях конца 90-х годов скот был недоучтен. С 1897 г. началась переписка о пересмотре Положения 1891 г. При этом обсуждался вопрос о замене кибиточной подати податью по количеству скота. Естественно, что в таких условиях многоскотные хозяйства стремились скрыть поголовье. В 1907 г. этот вопрос с обсуждения был снят. Теперь поголовье не скрывалось: показать его означало отстоять более высокую норму землепользования.

Таблица 14

Животноводство семи уездов Акмолинской и Семипалатинской областей за 1907—1917 гг.¹¹

Уезды	Количество лошадей, крупного рогатого скота и овец (в переводе на лошадь)				
	по обследовани- ям Переселен- ческого управле- ния в 1907— 1911 гг.	по сельскохозяй- ственной переписи		в % к обследо- ваниям 1907— 1911 гг.	
		1916 г.	1917 г.	по пере- писи 1916 г.	по пере- писи 1917 г.
<p>I. Акмолинский, Ат- басарский, Кокчетав- ский и Омский уезды Акмолинской области, обследованные в 1907— 1909 гг.</p>	1601639	1724015	1604150	107,6	100,2
<p>II. Зайсанский, Пав- лодарский и Усть-Каме- ногорский уезды Семипалатинской области, обследованные в 1910— 1911 гг.</p>	1534422	890734	1230552	58,1	80,2
Итого по семи уездам	3134723	2614748	2834702	83,4	90,4

нием 1916 г., в том числе за счет откочевки многоскотных хозяйств из Семипалатинской области в Китай, то в показателях за 1917 г. отразилось то обстоятельство, что высшая точка подъема животноводства приходилась не на 1907—1909 гг., а примерно на 1910—1911 гг. Именно этим объясняется, что в уездах Акмолинской области, обследованных в 1907—1909 гг., животноводство в 1917 г. стояло почти на том же уровне, что и в 1907—1909 гг. Мы сравниваем в данном случае 1916 и 1917 гг. с годами, в которых поголовье скота еще не достигло своей высшей точки развития. Иная картина наблюдается в Семипалатинской области. В уездах этой области, обследованных именно в 1910—

¹¹ За 1907—1911 гг. — выборка из соответствующих материалов обследований Переселенческого управления; за 1916 г. — «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.» Вып. III (Степной край, Сибирь, Дальний Восток). Пг., 1917; за 1917 г. — «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923. В эту перепись вошли данные о казахском сельском хозяйстве только по Акмолинской и Семипалатинской областям. Тургайская область не обследовалась, а по Уральской учтено только казачье хозяйство.

1911 г., показатели за 1916 и 1917 гг. значительно ниже, соответственно на 42 и на 20 проц., чем по обследованиям Переселенческого управления. Это означает, что высшая точка подъема животноводства в Степном крае приходилась на 1910—1911 гг. После этого поголовье катастрофически уменьшается. Кризис казахского животноводства — это прежде всего кризис 1911—1917 гг. По времени он совпадает с наиболее интенсивным изъятием земель у казахов и с отмеченной выше депрессией в торговле скотом и продуктами животноводства.

Не джугты были основной причиной упадка животноводства, а феодальный строй в сельском хозяйстве и система колониальной эксплуатации края. При положении, какое сложилось здесь к концу изучаемого периода, и крестьянство, и феодалы были бессильны в борьбе со стихией. Кочевое животноводство для дальнейшего роста производительных сил сельского хозяйства требовало и агротехнической и социальной перестройки. Необходимы были изменения и в системе ведения хозяйства и в отношениях эксплуатации: для крестьянства — ослабление и разрушение колониальной и феодальной эксплуатации, для феодалов — по крайней мере перестройка агротехнической системы ведения хозяйства.

Уже в 900-х годах ясно обозначилась необходимость перестройки агротехнической системы ведения хозяйства. По семи уездам из девяти, о которых говорилось выше в справке о подъеме животноводства за первое десятилетие XX в.¹², можно определить также и развитие казахского земледелия. В 1897—1901 гг. здесь было 55 657 сеющих хозяйств с общей площадью посева 223 301 десятина, в 1907—1911 гг. — 74 701 сеющее хозяйство с площадью посева 365 953 десятины. Рост количества сеющих хозяйств — на 34 проц., площади посева — на 64,7 проц. Таким образом, мы наблюдаем не только увеличение числа хозяйств, занимающихся земледелием, но укрупнение запашек в среднем на одно сеющее хозяйство. В связи с этим развивалось и сенокосение.

Происходила агротехническая перестройка сельского хозяйства казахов. Животноводческое хозяйство выходило из кризиса 90-х годов, сочетая развитие земледелия с разведением скота, иначе говоря, путем превращения чисто животноводческого кочевого хозяйства в животноводческо-земледельческое.

---

¹² В подсчет не вошли Усть-Каменогорский уезд, по которому посева в 1900 г. показаны в пудах, и Петропавловский уезд, по которому площадь посева в 1908 г. не показана.

Напомним также сказанное выше о развитии товарных отношений. В животноводческое казахское хозяйство уже на смену феодальным начали проникать капиталистические методы эксплуатации. Агротехнический прогресс неразрывно связывается с социальным. В этих условиях и наблюдается отмеченный подъем казахского животноводства.

Но период империализма характерен не только развитием капитализма и технического прогресса. Это период ускоренного обострения противоречий, задерживающих общественное развитие. Две внешние силы одновременно пртивостояли развитию казахского сельского хозяйства: российский крепостник-помещик, оттеснявший казахов на неудобные земли, и империалистическая буржуазия, высасывавшая соки из сельского хозяйства через неэквивалентную скупку сельскохозяйственного сырья. Если принять изъятия земель за 1906—1910 гг. за 100, то в последующее пятилетие они составят 189,7. Причем изъятия после 1910 г. были не только более обширными — они коснулись самых жизненно необходимых для казахов земельных площадей. А с 1913 г. к изъятиям земель, пригодных для земледелия, присовокупились изъятия пастбищ под так называемые «скотоводческие участки», сдававшиеся в аренду скотоводам-предпринимателям.

Таким образом, удар по казахскому сельскому хозяйству был нанесен по широкому фронту: по основной тенденции в его развитии — поступательному переходу от чисто животноводческого к животноводческо-земледельческому хозяйству, расхищались также лучшие пастбищные угодья. Замедлилось развитие земледелия и сенокосения. Приходило в упадок животноводство. Крестьянство разорялось. Серьезный урон в животноводстве и земледелии понесло и байство.

Общее состояние казахстанского сельского хозяйства за три пятилетия XX в. приблизительно отразили официальные данные, обобщенные в 1925 г. ЦСУ Киргизской (Казахской) ССР. В них охвачена территория Казахстана в границах 1923 г., т. е. без Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, входивших тогда в состав Туркестанской ССР (табл. 15).

Авторы «Сборника статистических сведений...» не называют источников и методов обобщения данных. По характеру цифрового материала убеждаемся, что это официальные данные того времени, взятые главным образом из обзоров областей, дополненные архивной статистикой и пересчитанные применительно к территории КССР. Трудно установить степень их достоверности. Учитывая, однако,

совпадение общих тенденций, вскрываемых приведенным подсчетом, с анализированными выше достоверными статистическими показателями, принимаем данные таблицы 15 за приблизительный показатель развития сельского хозяйства того времени. В ней суммарно отразились сведения о местном и переселенческом хозяйстве. Что наблюдается по данным таблицы 15?

Таблица 15

Развитие скотоводства и земледелия в степных областях Казахстана за 1900—1914 гг.¹³

Годы (пятилетия)	Среднегодовое количество сельского населения		Среднегодовое количество скота		Среднегодовая площадь посева	
	тыс. душ	% роста	тыс. единиц (в переводе на лошадей)	% роста	тыс. десятин	% роста
1900—1904	3156,6	100,0	6415,6	100,0	1763,8	100,0
1905—1909	3562,7	112,9	6751,4	105,2	2073,7	117,5
1910—1914	4264,9	135,1	6556,2	102,2	2955,0	167,5

Прежде всего, мы видим перестройку сельского хозяйства края: животноводство идет на убыль и относительно земледелия и (с 1910 г.) абсолютно. В то же время интенсивно развивается земледелие. Общий рост посевных площадей опережает рост населения (соответственно в 1,68 и 1,35 раза). Но выше мы установили, что развитие земледелия в казахских станицах и переселенческих поселках отставало от роста населения. Это означает, что отмечаемые таблицей успехи в развитии земледелия происходили за счет быстрого роста казахских запашек, опережавшего рост казахского сельского населения.

При всем том общая картина развития сельского хозяйства края говорит о его кризисе. Ведущая отрасль хозяйства — животноводство — была в упадке. Даже подъем его во втором пятилетии против первого не является показателем развития, ибо сельское население за это время возросло значительно больше, производство же на душу населения уменьшилось. Еще более оно снизилось в третьем пятилетии. Расхищение казахстанских земель царизмом варварски,

¹³ «Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КССР с 1880 по 1922 г. ЦСУ КССР». Оренбург, 1925. Пересчет скота в единицы и общий подсчет — наши. — П. Г.

разрушало производительные силы края. Сокращение вывоза продуктов животноводства и скота, показанное выше, не было случайным. Развитие казахского земледелия в условиях упадка животноводства — это результат героической борьбы казахского крестьянства против царизма, империализма и местного феодализма за выход сельского хозяйства из кризиса.

Царизм и капиталистический империализм не просто эксплуатировали, а «пожирали» свою колонию, разрушая источник собственного обогащения. Борьба местного и переселенческого крестьянства против царизма и империализма, за демократический путь развития капитализма была борьбой за сохранение и развитие производительных сил края.

III. ФОРМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Агротехническая и социальная перестройка сельского хозяйства совершалась одновременно с перестройкой форм землепользования.

1. Закон 25 марта 1891 года

Землепользование в степных областях регулировалось так называемым **Степным положением**, утвержденным царем 25 марта 1891 г. и введенным в действие с 1893 г. Основные статьи этого Положения, определявшие права казахского населения на землю, гласили:

«119. Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, в том числе и леса, признаются государственной собственностью.

120. Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения».

Таким образом, казахские исконные земли по царским законам состояли не во власти казахов, а во власти царизма, передававшего эти земли казахам в «пользование»¹.

По ст. 126 Положения казахам кочевникам разрешалось «сдавать земли в пределах их зимовых стойбищ в наем на срок не свыше тридцати лет лицам русского происхождения, для земледелия и устройства фабрик, заводов, мельниц и других подобных заведений». При этом землю раз-

---

¹ Такое «право» было установлено еще Уставом о сибирских киргизах 1822 г. и закреплено Временным положением 1868 г.

решалось сдавать в наем только «по приговорам волостного съезда, утвержденным областным правлением».

По ст. 136 воспрещалось «приобретение земель в областях лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианского вероисповедания...»².

Но самым тяжелым пунктом закона, приносившим наибольшие бедствия казахскому народу, было «Примечание 1» к цитированной выше ст. 120. В нем говорилось: «Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ»³. Именно это примечание являлось юридической основой для широкого военно-феодального грабежа лучших казахских земель в интересах царизма и русских помещиков.

Трудно найти документ, в котором ярче и определеннее отразилась бы вся суть царской колониальной политики в Казахстане, чем в цитированном Положении. Это документ российского помещичьего военно-феодального империализма, утверждавшего свою власть над казахскими землями. По своему содержанию он глубоко шовинистичен, а по классовой направленности последовательно отражает интересы русских крепостников-помещиков.

По типу восточных деспотий царизм еще в 20-х годах XIX в. объявил казахские земли государственными, российское помещичье самодержавное государство — верховным собственником земли. Таким образом, казахские земли фактически стали собственностью русских крепостников-помещиков, организованных в государство. Казахи были обложены высокой «кибиточной» податью — 3, позже 4 руб. с кибитки, т. е. с каждой семьи казахов кочевников. Не будучи связанной с определенными земельными площадями, эта подать являлась как бы феодальной данью за право существования и производственной деятельности на «казенных землях». Российское помещичье крепостническое государство стало верховным получателем феодальной земельной ренты. В этом отражалась и полуфеодальная зависимость казахского крестьянства от царского правительства, и вассальные отношения местных феодалов к царизму.

Степное положение 1891 г. было насквозь крепостническим, военно-феодальным. Закрепленная им верховная власть царизма над казахской землей была выражением колониального господства российских помещиков в Казах-

---

² ЦГИАЛ, справочная библиотека, печатные записки, папка 270. «Параллельное изложение законоположений», стр. 64—68; также ф. 1291, оп. 84, д. 181, лл. 379—380.

³ Там же.

стане-колонии. Экономические условия развития Казахстана в конце XIX — начале XX в. не дали возможности помещикам организовать на казахстанских землях свое помещичье землевладение⁴. Но, рассматривая казахские земли как приложение своих российских вотчин, помещики использовали их для ослабления аграрных противоречий в Европейской России.

Законодатели при составлении Степного положения исходили из того, что в степных областях у казахов существует только «общественное» землепользование. На этом основании земли предоставлялись «в общественное пользование кочевников». На самом же деле, уже в годы разработки Положения, в степных областях наблюдался процесс обособления общинных земель и зарождения индивидуального землепользования. Вовлечение же казахского сельского хозяйства в товарные отношения ускорило этот процесс. Землепользование все больше и больше обособлялось в руках отдельных общин. Складывалось и индивидуальное землепользование, экономически перераставшее в полную собственность на землю. Противоречия между законом и действительностью, между классовыми интересами русских крепостников-помещиков (авторов закона) и казахским крестьянством нарастали. Соперничали в борьбе за землю русские помещики и местные феодалы.

2. Эволюция форм землепользования в казахском ауле

Формы землепользования в изучаемый период достаточно подробно описаны статистиками Переселенческого управления во время их обследований. Воспользуемся этими описаниями.

В 1897 г. Л. К. Чермак, обследовавший Атбасарский уезд Акмолинской области, установил следующие формы землепользования, существовавшие в уезде:

«1. Совершенно свободное пользование урочищем без всякого ограничения, когда, собственно, нет землевладения, а есть землепользование. Таковую форму мы находим на большей части летовок (джайляу)».

«2. Пользование урочищем принадлежит определенной группе, границ с соседями нет, но места стоянок составляют неотъемлемую принадлежность первых заемщиков».

«3. Площади отдельных землевладений начинают вырисовываться, намечаются пограничные урочища, но фигура

---

⁴ См. об этом указанную выше работу автора «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.», стр. 215—217.

остаётся незамкнутой со стороны, прилегающей к площадям общего пользования».

«4. Обособленные площади имеют замкнутую фигуру с более или менее определенными границами».

Так протекал процесс обособления землепользования между общинами. Формы землепользования варьируются от совершенно свободного пользования урочищами «без всякого ограничения» до полного обособления пользования данной отдельной общины «с более или менее определенными границами».

Степень обособления землепользования тем или другим урочищем зависит от его хозяйственного значения. На летних пастбищах в Атбасарском уезде, как, впрочем, и во всем крае, землепользование совершенно свободное. Обособление начинается с зимних пастбищ, причем с определенной закономерностью. На первой стадии устанавливается «неотъемлемая принадлежность» к «местам стоянок». Но с установлением «принадлежности» стоянок обрисовывается и принадлежность прилегающих к стоянкам пастбищ. Сначала границ не существует, затем они устанавливаются частично, и, наконец, круг замыкается: данное урочище обособляется, исключительное право пользования им утверждает-ся за данной общиной⁵.

Как далеко зашло такого рода обособление землепользования общин, можно видеть из следующих справок. В Усть-Каменогорском уезде в 1900 г. из 188 общин 182, или 96,8 проц., имели определенные границы, в том числе 3 общины — искусственные. Только шесть общин (3,2 проц.) имели неопределенные границы⁶. Очевидно, обособление землепользования общин в Усть-Каменогорском уезде уже к концу XIX — началу XX в. завершалось. В Петропавловском уезде Акмолинской области в 1901 г. из 192 общин имели вполне определенные границы 162 общины, или 84,4 проц.; границы, не со всеми соседями одинаковые, — 25 общин, или 13 проц.; границы определенные, но соблюдаемые только в покосах и условно соблюдаемые только при ссорах — 5 общин, или 2,6 проц.⁷.

Собственно, во всем крае еще не разграниченными между общинами оставались летние пастбища (джайляу). Но

⁵ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, 2, Атбасарский уезд», т. II. Воронеж, 1902, стр. X. Текст Л. К. Чермака.

⁶ «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд». СПб., 1905, стр. 19. Текст Л. К. Чермака.

⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Петропавловский уезд», стр. 97. Текст Е. Добровольского.

уже и на них начало распространяться обособление. Тот же автор в 1901 г. сообщает данные по Омскому уезду, что в нем в год обследования насчитывалось «129 земельно-родовых групп». Каждая из них владела «обособленной территорией, заключающей в себе иногда только зимние пастбища, иногда же и зимние, и летние, так что группы проводят круглый год в пределах своей земли. Последних, впрочем, немного, всего 11 групп»⁸. Обособление летних пастбищ еще не стало массовым, но и они уже в ряде случаев разграничивались между общинами.

Так обстояло дело с междуобщинными разграничениями земель. Одновременно с этим шел процесс размежевания угодий и внутри общин. В качестве исходной формы внутри общин Атбасарского уезда Л. К. Чермак называет следующую: «Пользование всеми видами пастбищ свободно». Но автор отмечает и другие формы. «Пользование ограничено, в этих случаях надо различать: группа-община разбивается на несколько подгрупп, имеющих отдельные стоянки в своем исключительном пользовании, но границы таких отдельных землепользований еще не обособились». И тип второй — «группа общины разбивается на несколько подгрупп, имеющих вполне определенные, обозначенные известными естественными или искусственными признаками территории»⁹. Таким образом, и внутри общины, обособившей свое землепользование от соседних общин, также происходит обособление землепользования более мелких групп. Между ними возникают границы.

В 1898—1899 гг., обследуя Каркаралинский уезд, тот же автор подсчитал, что из 426 учтенных по уезду общин было 273, или 64 проц., в которых территория не была разделена по аулам, и 153, или 36 проц., в которых территория общины разделена по аулам. Таким образом, обособление зимних пастбищ между аулами внутри общин зашло далеко: более трети общин уже разграничили свои земли поаульно.

Но на этом обособление не заканчивалось. Автор далее сообщает: «В целом ряде случаев мы имеем указания, что пастбища разделены по хозяйствам, причем иногда эти доли отдельных хозяев имеют вполне определенные, фиксированные границы, в других же случаях они только еще намечаются, пока же отдельные хозяева пасут свои стада отдельно: один — в одну сторону, другой — в другую сторону». Больше того, назвав случаи сдачи казаками земли в арен-

---

⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию..., II, Омский уезд», т. XI. Омск, 1902, стр. 32—33. Текст Л. К. Чермака.

⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Атбасарский уезд», стр. XI.

ду и продажи ее, автор добавляет: «Все приведенные факты убедительно говорят за то, что кирпичи знают — и уже довольно давно — передачу *земельных участков* как предмета частной собственности отдельным лицам, а не только *права пользования* некоторой долей в известном владении»¹⁰. Здесь пользование и владение перерастают уже в полную собственность, до права отчуждения включительно.

Обособление землепользования пошло особенно далеко там, где развивались земледелие и сенокосение. О Кокчетавском уезде в 1896 г. Ф. А. Щербина сообщает: «Раз занятое место под пашню считается неприкосновенным, сенокосами пользуются или отдельные хозяева каждый особо, или же все сообща, и сено делится копнами и т. п.»¹¹. Элементы индивидуального землепользования и землевладения, как видим, появляются прежде всего там, где значительный труд вкладывается в землю (земледелие) и где приходится охранять растительность от потрав, так или иначе благоустраивать участок, прежде чем его использовать (сенокосение). Но это — только *элементы*.

Таким образом, мы убеждаемся, что к концу XIX в. процесс межобщинного обособления земель в части зимних пастбищ фактически завершился, началось обособление летних. Но только началось. Факты говорят о том, что по этой последней категории пастбищ установление межобщинных границ еще было в начальной стадии.

Что касается внутриобщинного размежевания угодий, то этот процесс еще не завершился. Здесь в отдельных случаях даже возникало индивидуальное пользование пастбищами, сенокосами и пашнями, подходившее под определение полной собственности (с правом отчуждения). Вообще же картина землепользования была крайне разнообразной — от свободного пользования летними и зимними пастбищами до индивидуального пользования зимними пастбищными участками.

Проследим внутриобщинное обособление угодий по данным о порядке пользования пашнями и сенокосами.

Пашни, как правило, находились в индивидуальном пользовании. «Во всех тех случаях, где имеются указания относительно способов пользования пахотной землей, факт распашки нови создает право на распаханый участок... так что брошенная в залежь пашня может быть вновь распахана только тем, кто ее впервые распахал, пока он от нее вов-

¹⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Каркаралинский уезд», т. VI. СПб., 1905, стр. 26—27 и 38.

¹¹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Кокчетавский уезд», т. I. Воронеж, 1898, стр. 63. Автор текста Ф. А. Щербина.

се не откажется или же даст разрешение запахать ее другому». Это — индивидуальное землепользование, но далеко еще не полная собственность. Община отводит место для пашни члену общины, когда он изъявляет желание распахать тот или другой участок, но при этом считается с интересами прочих общинников. «Общество не препятствует занимать землю под пашни, лишь бы только это не было в ущерб другим»¹². Однако земля продолжает считаться общинной и находится в пользовании пахаря только до тех пор, пока он ее пашет. Отсюда и право наследования. В том же уезде в 1911 г. из числа «вновь возникших хозяйств» (отау) получили пашню «от выделяющего хозяйства» на поливных землях — 39,4, на неполивных (богарных) — 44,4 проц. хозяйств. Иначе говоря, община распоряжалась землей. Более половины отау еще получают ее от общины¹³. Но право наследования уже заняло значительное место: в первую очередь выделяющееся хозяйство получает землю, которой пользовался отец. Только при недостатке или отсутствии такой земли хозяйство наделяется землей от общины.

Однако передача земли по наследству — это еще далеко не право собственности. Община — полноправный хозяин общинных земельных площадей. «Аул может располагать этой площадью как угодно, может ее распахать без разрешения других аулов и даже имеет право сдавать ее в аренду. Местами, по понятиям киргиз, каждый аул даже имеет право продать свою землю другим и откочевать»¹⁴.

Но таких прав за отдельным землепользователем не зафиксировано. «Община всегда может наложить вето на новые распахки, а также по тем или иным соображениям запретить посевы на существующих уже участках»¹⁵. Пахарь получает землю от общины, общине же она возвращается, когда пользование пашней прекращается добровольно или по ее требованию.

Индивидуальное пользование покосами также было распространенным. В 1898 г. в Кустанайском уезде на 1578 аулов пользовались сенокосами подворно 797 аулов (50,5 проц.), ежегодно делили сенокос — 175 аулов (11 проц.), косили сообща и делили сено — 294 аула (18,6 проц.); ос-

---

¹² «Материалы по обследованию хозяйства... Семипалатинской области. Усть-Каменогорский уезд». СПб., 1905, стр. 27—28. Текст Л. К. Чермака.

¹³ Там же. СПб., 1913, стр. 48. Текст С. Е. Шпак и А. В. Переплетчикова.

¹⁴ «Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд», т. V. Воронеж, 1903. Текст Н. Дмитриева.

¹⁵ «Материалы по обследованию хозяйства... Семипалатинской области. Павлодарский уезд». Вып. II, стр. 25—26. Текст С. Е. Шпак.

тальные 312 аулов (19,9 проц.) пользовались сенокосом смешанно-различными способами¹⁶. В 1910 г. в Павлодарском уезде Семипалатинской области из 1754 аулов пользовались сенокосом подворно 23 проц., делили сенокосные участки перед уборкой 10 проц., косили сообща, делили сено — 63 проц.; частью переделали сенокос, частью пользовались подворно — 4 проц. аулов¹⁷. В 1911 г. в Усть-Каменогорском уезде сенокосы находились в пользовании всей общины — 37,4 проц., хозяйственных аулов — 15,5, отдельных хозяйств — 47,1 проц.¹⁸

Таким образом, подворное пользование сенокосами достигло в Павлодарском уезде 23 проц. аулов, в Кустанайском — 50 и в Усть-Каменогорском — 47 проц.

Это, однако, не означало, что уже сложилось полное индивидуальное владение сенокосами, граничащее с собственностью. Власть общины над сенокосами была еще велика. «Вообще даже на сенокосы, — пишет Л. К. Чермак, — не создано еще частного права и никто не имел права продавать или завещать свой дедовский участок покоса кому бы то ни было, кроме наследников, признаваемых обычным правом. В некоторых случаях право общества выражается настолько резко, что по его требованию происходит переход от подворного пользования покоса к общему»¹⁹.

Как видим, и факты о порядке пользования сенокосами подтверждают, что в Степном крае в изучаемый период складывалось индивидуальное землепользование. Но власть общины над землей была еще настолько велика, что частной собственности еще не существовало, право свободного отчуждения земельных участков пока удерживали за собой общины, да и то, должно быть, не повсеместно. За отдельным землепользователем это право еще не закрепились. Верховным собственником казахстанских земель был царизм.

Обособление землепользования, в частности установление власти отдельных хозяйств над угодьями, проходило в острой межобщинной и классовой борьбе. Л. К. Чермак продолжает: «Недостаточная определенность поземельных отношений (надо бы сказать: процесс перестройки порядка землепользования. — П. Г.) служит источником целого ряда земельных споров, которые в иных случаях не могут

¹⁶ «Материалы по обследованию хозяйства... Тургайской области, 5, Кустанайский уезд», стр. 70.

¹⁷ «Материалы по обследованию хозяйства... Семипалатинской области. Павлодарский уезд», стр. 16.

¹⁸ «Материалы по обследованию хозяйства... Семипалатинской области. Усть-Каменогорский уезд», стр. 50.

¹⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Омский уезд», т. XI, стр. 46. Текст Л. К. Чермака.

быть улажены домашним способом и выходят на решение администрации»²⁰. Несомненно, борьба за земельные угодья распространялась широко и принимала подчас острые формы. Но в чем состояли экономическое содержание и классовая сущность этой борьбы?

Сам процесс обособления землепользования был в экономическом отношении прогрессивным. Шла борьба за переход от беспорядочного экстенсивного использования пастбищ к более прогрессивному, рациональному. В этом были заинтересованы и крупные скотоводы — феодалы, и крестьянство, но по-разному.

Общинное пастбище при неравенстве стад было прежде всего пастбищем тех, кто обладал обширными стадами. Байство боролось за обособление пастбища с тем, чтобы использовать их прежде всего в своих интересах как обеспеченные пастбища для своих стад. Одновременно улучшалась обеспеченность феодального байского хозяйства рабочей силой из крестьянских малоскотных и бесскотных хозяйств обособленных общинных групп, главенство над которыми принадлежало баям. Интенсификация использования пастбищ для феодалов означала вместе с тем усиление их власти над общиной, интенсификацию феодальной эксплуатации крестьянства. В самом исходном мотиве борьбы за обособление пастбищ заключалась предпосылка к углублению экономического неравенства и социальных противоречий в ауле.

Крестьянство же боролось за равенство, за уравнительность во всех отношениях, за ослабление феодальной эксплуатации. Выражением этой борьбы прежде всего являлась известная, неоднократно описанная в литературе, борьба крестьянства за оседлый и полuosедлый образ жизни, против байства, стоявшего за отдаленные кочевки вместе с крестьянством и крестьянской беднотой, которые обслуживали байские стада на пастбищах и при перекочевках. Для крестьянства оседание означало более интенсивное развитие земледелия, рациональное сочетание скотоводства и земледелия, повышение производительности его труда, а главное — смягчение феодально-байской эксплуатации. Для байства же это был подрыв феодальных устоев. Из непосредственной их эксплуатации выпадали значительные группы крестьянства, основывавшие свое самостоятельное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Противостояли друг другу две противоположные классовые позиции: крестьянская, выражавшаяся в борьбе за равные права на землю, и байская, стоявшая за такой вид землепользования (кочевое хозяйство), при котором неравенство во владении скотом

---

²⁰ Там же, стр. 46.

неизбежно обуславливало и неравенство в использовании пастбищ.

Но если в борьбе за и против оседания описанные классовые позиции еще выступали в более или менее скрытой форме, то в борьбе за сенокосы они выявились особенно выпукло.

Обособлять угодья вообще, в том числе сенокосные, это прежде всего означало захватывать их в свое постоянное пользование. Первоначально преобладали захваты угодий общинами. «Сначала пользование сенокосами носило захватный характер, но с увеличением роли зимних запасов в хозяйственном обороте кочевников», иначе говоря, с усилением агротехнической перестройки сельского хозяйства казахов, «явилась необходимость его регулирования»²¹. И регулирование производилось, как мы уже наблюдали, не только между общинами, но и внутри общин — между аулами и отдельными хозяйствами. В дележе сена и покосов проявились классовые противоречия внутри общин.

В том же Павлодарском уезде одновременно наблюдалось два разнородных способа дележа сена. В одних случаях сенокосные участки и собранное сено делят «принимая за разверсточную единицу определенное количество скота», «делят по скоту». Используя нескошенную траву на пастбищах «по скоту», байство не преминуло этот же принцип дележа перенести и на сенокосные площади, даже на скошенное сено. Но в том же уезде крестьянство, отстаивая свой принцип «равенства» в пользовании угодьями, применяло другой способ дележа: при дележе сенокосов и сена единицей считается двор «независимо от его экономической силы». В этом случае делятся «как участки, так и скошенное сено поровну».

«Из 982 опрошенных в этом отношении аулов, пользующихся покосами, — продолжает автор, — на общинных началах делят по скоту 302, или 30,8 проц., поровну — 680, или 69,19 проц.»²².

Эти цифры ярко характеризуют результаты классовой борьбы. Крестьянство упорно отстаивало свой «уравнительный» принцип дележа покосов и сена и достигло в этом деле больших успехов. Но и байство завоевало значительные позиции; более 30 проц. аулов делили покосы и сено по байскому принципу.

Классовая борьба за покосы принимала разнообразные и острые формы. Когда байству не удавалось преодолеть

---

²¹ «Материалы по обследованию хозяйства... Павлодарский уезд», стр. 20.

²² Там же.

стремления крестьянства к уравнительным дележам покосов и сена только с помощью своего «влияния», оно находило экономические пути для подрыва общинной уравнительности изнутри. По тому же уезду обследователь сообщает: «Когда покосы делят не участками, а скошенным сеном, уборка производится артельным порядком, причем каждый двор выставляет количество работников пропорционально полученной части»²³. Бай, конечно, выставляет больше работников, бесскотная и мелкоскотная беднота работает при уборке на бая, и львиная доля сена, даже при «уравнительном» дележе по работникам, также попадает в руки бая.

Подрывная работа баев против крестьянской уравнительности принимала разнообразные формы. Вот сообщение по Кустанайскому уезду. Там в 1898 г. преобладали разделы покосов «на неравные доли, в зависимости от нужды в сене, и даже выкашивают участки (разумеется, байство. — П. Г.) помочью бедняков». Но и при артельной уборке сена бай умудрялись получать большую часть сбора. «Никакого соизмерения степени участия каждого хозяйства в работах не делается. Богатый дал барана... потому только, что у него много овец, другие дали по 2 рубля... потому только, что у них имеются свободные деньги; бедняк участвовал в артели личным трудом, потому что нет у него ничего другого, что бы он мог дать, не нанося ущерба своему хозяйству. *Каждый дает что может, но в силу этого пользование результатами труда является также неравномерным*» (курсив наш. — П. Г.). Бедняк работал, а бай получал сено в соответствии с количеством имеющегося у него скота²⁴. Несмотря на сопротивление бедноты, бай настойчиво ломали общинную уравнительность землепользования, становились подлинными хозяевами сенокосных площадей.

Имели место и прямые байские захваты сенокосов. «В последнее время при появлении в киргизском хозяйстве сенокосилок наблюдаются случаи захватного сенокосения в таких местах, где прежде не было возможности косить ручным способом»²⁵. Если в предыдущих случаях захваты баями львиной доли обширных сенокосов были связаны с одновременной эксплуатацией общинников, работающих на артельной уборке сена и отдающих баю большую часть результатов своего труда, то в данном случае бай как бы освобождается от общины, выходит на степные просторы, недо-

²³ Там же, стр. 21.

²⁴ «Материалы по обследованию хозяйства... Тургайской области. Кустанайский уезд». Воронеж, 1903, стр. 69. Текст Н. Дмитриева.

²⁵ «Материалы по обследованию хозяйства... Павлодарский уезд», стр. 20.

ступные ручному сенокосению, и, таким образом, утверждая свое захватное право, становится полным хозяином степных сенокосных площадей.

Машина, однако, проникала и на общинные сенокосы. В двух аулах Урюковской волости Павлодарского уезда обследователями «отмечены случаи машинной уборки общинных сенокосов на следующих условиях: $\frac{2}{5}$ сена поступает в пользу владельцев машин, остальное разверстывается по скоту между всеми хозяйствами, включая сюда и производивших уборку»²⁶.

Нетрудно заметить, что даже такое «прогрессивное» явление, как применение сенокосилок, не приносило в общины свободный труд по капиталистическому найму, а лишь усиливало сложившуюся феодальную кабалу. Теперь бай получал в свою пользу не только сено «по количеству скота», но еще и издольную плату за машину. Доля бедноты при получении сена сводилась до ничтожной величины.

Классовая борьба — вот источник движения в деле перестройки форм землепользования. Перестройка и вытекала из новых социальных отношений и их утверждала. Будучи в своей основе прогрессивным в смысле борьбы за более рациональное использование пастбищ, сенокосов и пахотных земель, обособление землепользования было также «прогрессивным» и в отношении дальнейшего обострения социальных противоречий.

Две противоположные классовые линии столкнулись в борьбе за землю в процессе обособления землепользования. Первая: пастбища, сенокосы и пашни — многоскотным байским хозяйствам, вторая: земельные угодья — крестьянству на правах уравнительного землепользования. Линия первая означала укрепление феодализма, вторая — борьбу за свободное крестьянское землепользование, что в условиях товарных отношений означало борьбу за демократический путь развития капитализма.

* * *

После сказанного возникает вопрос: в чем основная причина описанной перестройки форм землепользования?

В материалах Переселенческого управления не только содержится огромное количество фактов о формах землепользования казахов, но и дано им свое объяснение. Вся концепция статистиков в объяснении причин перестройки землепользования, появления земледелия и сенокосения в конечном счете сводится к одному: земельная теснота. Хотя эта концепция за последние 10—15 лет воспринята от-

---

²⁶ Там же, стр. 21.

дельными советскими историками, в том числе таким авторитетным исследователем истории казахской кочевой общины, как В. Ф. Шахматов²⁷, однако необходимо сказать, что она неверна во всех отношениях. Прежде всего со стороны фактической, затем — с методологической и политической.

Сами авторы этой концепции называют факты, когда земельная теснота вызывала не обособление землепользования, а как раз обратный процесс. Вот сообщение Ф. А. Щербины по Омскому уезду в 1901 г.: «...Вследствие отрезки части земель под переселенческие участки киргизы потеряли часть своих покосов и, желая распределить равномернее оставшиеся покосы, делят их не на подворные участки, а сеном»²⁸. Иначе говоря, возросший недостаток покосов вызвал переход от индивидуального их использования к общинному. Другое сообщение такого же рода делает в 1896 г. Л. К. Чермак по Каркаралинскому уезду: «Есть основания думать, что продолжающееся стеснение в пастбищах влечет за собою опять переход к общему пользованию: не делили пастбища потому, что тесно, делить нечего»²⁹. Напомним также статистические данные, приведенные нами выше³⁰. Все эти факты говорят о том, что земельная теснота, в частности изъятие лучших земель казахов в переселенческий фонд, не только не форсировали обособление землепользования, развитие казахского земледелия и переход казахов к оседлому образу жизни, а, наоборот, тормозили эти прогрессивные процессы.

Совершенно ясно, что при учете подлинных фактов нельзя утверждать, что описанный процесс обособления землепользования вызывался единственной причиной — земельной теснотой.

Неправильна эта постановка вопроса и в смысле методологическом: по этой теории глубокие *внутренние* процессы в развитии сельского хозяйства объясняются *внешними* причинами. Земельная теснота рассматривается при этом как абсолютное, абстрактно взятое явление, так, как ее рассматривали Мальтус и мальтузианцы, как ее трактовала царская правительственная и оппозиционная кадетская печать в России. В наши дни даже неудобно советским историкам напоминать, что марксистско-ленинская теория реши-

---

²⁷ В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

²⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию... Омский уезд», т. XI, стр. 35. Текст Ф. А. Щербины.

²⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Каркаралинский уезд», стр. 42. Текст Л. К. Чермака.

³⁰ См. гл. II, раздел 1.

тельно осудила это учение, показала его полную несостоятельность. Экономическим анализом и фактами доказано, что при разном социальном строе, при разном использовании одних и тех же земельных площадей, при разном уровне развития производительных сил данного общества совершенно различны результаты труда человека на данной земле.

Процесс перестройки форм землепользования Казахстана возник в результате развития производительных сил сельского хозяйства. Животноводство в своем развитии достигало такого уровня, что данные формы землепользования стали препятствием для его дальнейшего развития. Появились элементы капитализма. Производительность труда повышалась, возникали новые, более интенсивные способы использования земельных площадей, а это требовало и новых форм землепользования.

Авторы теории «земельной тесноты» полагают, что появление новых производительных сил в казахском сельском хозяйстве конца XIX — начала XX в. было вызвано царской колонизацией.

Концепция до предела проста, как равно и до предела алогична: не будь «примера» русских переселенцев — с одной стороны, не будь изъятий земель из пользования казахов, в результате чего возникла «земельная теснота», — с другой, природные «номады» — казахи никак бы «не догадались» развивать сенокосение и земледелие, переходить к оседлому образу жизни. Такие утверждения предполагают глубоко колонизаторское представление о казахском народе как не способном к самостоятельному развитию. Ими снимается вопрос о равенстве наций, о взаимообогащении культур соприкасающихся национальностей: казахи учились у русских, русские у казахов. Мы видели выше по бесспорным данным, что даже в борьбе за развитие земледелия казахи скотоводы делали не меньшие успехи, чем исконные земледельцы — русские. Так говорят факты. Авторами же разбираемой концепции переселенческими чиновниками культивировалась теория: «некультурные» казахи непременно нуждались в привнесении «культуры» извне, со стороны господствующей нации.

Концепция переселенческих чиновников была глубоко колонизаторской, шовинистической, построенной на теории превосходства господствующей нации над угнетенной. Вместе с тем она служила теоретическим и историческим оправданием хищнической политики царизма в Казахстане. Царские грабежи этой концепцией изображаются как «прогрессивное» явление, царское господство в Казахстане-колонии — как приносящее «некультурным» казахам «культуру».

Никто больше, чем царизм, не разрушал производительные силы края. Усилия местного и переселенческого трудового крестьянства, направленные на развитие производительных сил сельского хозяйства, прежде всего сталкивались с грабительской политикой царизма. Никто больше, чем царизм, не сковывал творческие силы казахского, русского и прочих народов Российской империи. Стоя на почве подлинных фактов, невозможно доказать, что царское господство в Казахстане-колонии было реакционным только политически, в экономическом же отношении будто бы содействовало развитию производительных сил края. Господство царизма в колониях было со всех сторон реакционным.

Используя в нашем анализе обширный фактический материал обследований Переселенческого управления, мы в то же время убедились, что попытки авторов этих материалов «доказать» «прогрессивность» царского господства в крае строятся на фальсификации фактов.

3. Феодалная борьба царизма и байства за землю

Заботясь о расширении вывоза скота и животноводческого сырья из Казахстана, представители империалистической буржуазии — октябристы и кадеты — понимали, что их империалистический интерес заключается в развитии товарного животноводства. Поскольку это развитие тормозилось царскими экспроприациями казахских земель, кадеты возражали против этих экспроприаций. Националисты же, отражавшие интересы капитализирующегося байства и принимавшие программу кадетов, соответствующую часть кадетской программы по земельному вопросу в Казахстане сформулировали следующим образом:

«В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью и о переселении на них русских мужиков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргизов русские не должны отбирать землю ни во временное пользование, ни на вечность»³¹.

Таким образом, между кадетами и примкнувшими к ним местными националистами, с одной стороны, и царским

---

³¹ Т. Седелников. Борьба за землю в киргизской степи. СПб., 1907, стр. 61. Ссылка автора: «Киргизский текст программы, стр. 13, перевод наш».

правительством — с другой, по земельному вопросу в Казахстане возникли разногласия. Кадеты и националисты требовали ни больше ни меньше, как отмены Положения 1891 г., полной ликвидации верховной власти царизма над казахскими землями, предоставления всех казахских земель в пользование казахов «без всяких других совладельцев».

Совершенно ясно, что такое решение земельного вопроса в Казахстане, при тех земельных отношениях, какие сложились в XIX в. в ауле, означало передачу земель в распоряжение местного феодального и полуфеодального байства. В. И. Ленин писал о меньшевистской программе «муниципализации (провинциализации)» земель, что «на деле «муниципализаторская» идея только и послужила националистическим тенденциям разных групп буржуазии»³². По приведенной программе легко судить, в чем заключались националистические тенденции казахского байства в земельном вопросе. Они стремились овладеть землей под видом передачи ее «в пользование киргизского (казахского. — П. Г.) народа». Иначе говоря, обеспечить себе наиболее благоприятные условия для захвата земель в свои руки в процессе происходившего обособления землепользования.

В условиях, когда земельная община разлагалась, складывалось индивидуальное землепользование, этот конфликт в среде господствующих классов сводился к тому, кто распорядится общинными землями — царское правительство или местное байство. При этом тем и другим противостояло местное крестьянство с ярко выраженными «разделистскими» стремлениями к уравнительному землепользованию.

14 июня 1908 г. шестьдесят членов Государственной думы (кадеты, октябристы и националисты) внесли на рассмотрение Думы проект закона «Об учреждении землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской и Закаспийской областях»³³. Проект и объяснительная записка к нему были направлены против примечания к ст. 120 Степного положения, особенно против расширительного его толкования на практике. В объяснительной записке к проекту заявлялся протест против того, что казахские земли изымались царским правительством в колонизационных целях, без учета «земельных интересов туземного киргизского населения... В этих колонизационных целях отбираются правительством у киргизов усадебные, пахотные, пастбищные, сено-

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 393.

³³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 94, д. 163. Цитируемые страницы документа указываются в тексте.

косные и летовочные места, пресекая этим в ближайшем будущем всякую возможность хоть сколько-нибудь сносно существованию киргизов, как в скотоводческом, так и в земледельческом отношении, так как оставляемые киргизам в пользование пески, солонцы и безводные пустыни, несмотря на обширность занимаемого ими пространства, не могут удовлетворить нужды даже кочевого населения» (стр. 2).

Документ ярко показывает, на чем сошлись, совпали интересы кадетско-октябристской империалистической буржуазии и националистов. И те и другие, каждый со своей точки зрения, добивались лучших условий для развития скотоводства и производства животноводческого сырья. Империалисты — для дальнейшего освоения Казахстана-колонии как поставщика сельскохозяйственного сырья российским монополиям, местные националисты — для усиления экономической мощи феодального и полуфеодального байства, расширения и укрепления их власти над землей. В законопроекте нашли свое отражение захватнические интересы байства в земельном вопросе. В соперничестве захватчиков феодального типа — российских крепостников-помещиков и местных феодалов — империалистическая буржуазия, исходя из собственных интересов, вступает в сговор с националистами, местным байством. В свете сказанного выше о кризисе казахстанского животноводства и депрессии в торговле продуктами скотоводческого хозяйства такая позиция становится особенно понятной: и русские империалисты, и местное байство предпочитали развитие животноводства, как источника животноводческого сырья, его упадку, разрушению, наступившему вследствие царских земельных изъятий.

Но путь развития товарного животноводства, за какой стояли кадеты, октябристы и националисты, в данном случае был путь октябристско-пруссский, путь сохранения и развития октябристских форм капитала и могучих остатков феодализма. Это был путь *антикрестьянский*, путь *подавления* крестьянских стремлений к уравнительному разделу общинных земель, к вытеснению октябристского капитала и замене его демократическим капиталом. Проект 60 членов Государственной думы был не столько антицаристским, сколько антикрестьянским.

По проекту требовалось образовать для степных областей уездные землеустроительные комиссии из представителей «ведомств» с включением в каждую комиссию «шести представителей от киргизского населения, которые избираются из своей среды съездом кандидатов, избираемых волостными сходками областей» (стр. 3). Словом, феодальное и по-

луфеодалное байство, господствовавшее в «волостных сходах», добивалось для себя права проникнуть через эти сходы в землеустроительные комиссии и там отстаивать свои интересы.

Но царское правительство на это не пошло. Российские крепостники-помещики, объявившие казахские земли продолжением своих вотчин, никак не могли согласиться на то, чтобы в этой их «вотчине» распоряжались землей «посторонние». Главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин ответил на записку резко отрицательно³⁴. Отвечая членам Государственной думы, Кривошеин обнаруживает понимание того, какие изменения совершались в сельском хозяйстве степных областей. «За последнюю четверть века, — пишет он, — под влиянием целого ряда причин, и главным образом условий экономической жизни, во многих уездах степных областей приобрела ценность земля, выяснилась возможность земледельческой обработки обширнейших и плодородных пространств, служивших прежде только пастбищами кочевникам, и обнаружилась выгода оседлого, культурно-скотоводческого хозяйства с сенокосением, разведением молочного скота и обработкой продуктов скотоводства» (стр. 2).

Все эти явления, по мнению Кривошеина, благоприятствуют переходу казахов «к оседлому земледельческому хозяйству, ниспровергают факты патриархально-родового быта и господства старшин-родовичей» (стр. 2). А условием «оседлого быта», продолжает Кривошеин, является «земельная собственность» (стр. 3). Кривошеину было совершенно ясно, что разложение казахской общины означало постепенное образование индивидуального землепользования, перераставшего в полную земельную собственность.

Кто же должен выиграть от всех этих прогрессивных процессов, происходивших в сельском хозяйстве степных областей? Конечно, в первую очередь русские помещики. Так представлялось дело Кривошеину. «Поднятие ценности земли, возможность сдачи ее в аренду, выгода ее земледельческой обработки поощряли известную часть населения к фактическому захвату номинально состоящих в общинном пользовании земель. Под прикрытием идеи принадлежности отведенных под кочевание киргиз государственных земель *всему киргизскому народу* фактическими распорядителями этих земель явились в каждой общине отдельные наиболее состоятельные лица...». Они «сосредоточили в своих руках все выгоды пользования общинной землей. В иных случаях

---

³⁴ Там же, записка Кривошеина от 19 октября 1908 г., страницы документа указываются в тексте.

они развили весьма обширные скотоводческие хозяйства, в других — большие запашки, во многих случаях присвоили себе и в свою пользу право сдачи в аренду обширных земель русским переселенцам, и, наконец, на почве чисто экономического влияния, подчинили себе прочее население, захватив в свои руки и народный суд, и управление». Общинное крестьянство, продолжает Кривошеин, «находится в полной от них личной зависимости, близкой к крепостному состоянию» (стр. 3—4).

Когда этого требуют классовые интересы, и матерые реакционеры, подобные Кривошеину, могут сказать правду о господстве эксплуататорских классов. Картина господства байства в общинах, с его стремлением прибрать к рукам общинные земли в процессе обособления землепользования, его феодальной властью над общинным казахским крестьянством, близкой к крепостной зависимости, изображена Кривошеиным в основном правильно. Но все это написано для того, чтобы иметь возможность заявить, что такое установление частного феодального землевладения в Казахстане, какое там наблюдалось за последнюю четверть века, не совпадает с интересами царского правительства, иначе говоря, с интересами российских помещиков-крепостников.

«Действительно, фактический захват известного количества государственных земель общинного пользования едва ли создает юридическое право на их закрепление, в особенности когда он не освящен исторической давностью». Кривошеин, предпочитая использовать казахские земли в интересах русских помещиков, не находит «никаких оснований» для создания в среде казахов землевладельцев помещичьего типа из числа лиц, «не всегда достойным путем выделявшихся из рядов массы представителей азиатских кочевников», иначе говоря, из числа нетитулованного феодального байства. И тем более он не мог согласиться на предоставление байству государственных возможностей регулировать земельные отношения в своих интересах. «Передавать в постоянное время и почти всецело в руки киргизского населения установление самих оснований дальнейшего порядка использования государственных земель степных областей под видом «определения земельных нужд киргизского народа...» я считаю совершенно и крайне опасным». (Курсив наш. — П. Г.).

Русский помещик считал «недопустимым», чтобы казахскими землями распоряжались казахи, даже феодальное байство, не говоря уже о крестьянстве. Только царское правительство может распоряжаться этими землями — вот позиция Кривошеина, которую он противопоставил пози-

ции кадетов, попытавшихся привлечь к участию в решении земельного вопроса в Казахстане местное байство.

Позиция Кривошеина отражала не только его личное мнение, это была позиция правительства. Она отразилась во множестве документов того времени, в частности в 1907 и 1909 гг. в документах совещаний под председательством товарища министра внутренних дел Лыкошина (1907 г.) и товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого (1909 г.), обсуждавших вопросы земельных отношений в Казахстане. Совещания рекомендовали организовать оседлое землеустройство казахов «на одинаковых с переселенцами основаниях», т. е. без предоставления пастбищ, а практически на ничтожных (меньших, чем у переселенцев) и малоудобных для земледелия клочках земли, причем «с оставлением в пользовании кочевников, не пожелавших перейти к оседлому быту, лишь земель, не пригодных для земледелия...»³⁵.

Вся линия политики царизма по земельному вопросу в Казахстане шла вразрез с прогрессивными процессами в сельском хозяйстве, его развитием в сторону превращения в скотоводческо-земледельческое.

Царизм тормозил образование оседлого индивидуального байского землепользования в Казахстане по типу помещичьего землевладения в России. А это означало тормоз развитию капитализма в сельском хозяйстве Казахстана даже по прусско-октябристскому пути. В этом объяснение того, почему байство при всей своей реакционности примкнуло к кадетской оппозиции царизму.

Но в то же время эта позиция была и, главным образом, антикрестьянской. На одних ничтожных участках пахотной земли, без пастбищных и сенокосных угодий, развивать скотоводство было невозможно. При всем стремлении к оседанию, развитию земледелия, образованию свободного мелкотоварного скотоводческо-земледельческого хозяйства крестьянство отказывалось от такой оседлости, какую предлагало правительство. А в случаях, когда не имело сил сопротивляться принудительному землеустройству на оседлом положении, крестьянство часто предпочитало откочевать в кочевые скотоводческие районы, чем получать царские «наделы».

По данным В. Тресвятского, «одновременно с устройством киргиз на оседлое положение» за 1909—1915 гг. по степным областям откочевало «в скотоводческие районы»

---

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 94, д. 163, «Выписки из журнала совещания под председательством товарища министра внутренних дел Лыкошина о землеустройстве киргиз», стр. 3—4.

1922 хозяйства ³⁶. Но это только открытая откочевка, что-то вроде демонстративных протестов против царского «землеустройства». Кроме того, «немало имеется и таких киргиз, которые, не мирясь с создавшимся положением, добровольно уходят в районы, где еще нет или мало переселенческих поселков», уходят в «так называемые скотоводческие районы» ³⁷. Понятно, что такого рода уходы никакому статистическому учету не подвергались.

Гнет царизма был не только политическим, но и экономическим. Царизм тормозил развитие производительных сил сельского хозяйства Казахстана по всем направлениям.

4. Капиталистическая мобилизация земельной собственности

Меж тем экономические процессы, несмотря на неблагоприятные политические условия, совершались своим чередом. Индивидуальное землепользование расширялось. С развитием товарных отношений в товарооборот начали втягиваться и земельные площади. Аренда и продажа земель возрастали.

В Петропавловском уезде в 1901 г. «из общего числа 1320 хозяйственных аулов прибегают к аренде пастбищ и сенокосов 641 аул, или 48,5 проц. всех аулов уезда... В частности, пастбища арендуют 415 аулов с 3288 хозяйствами, что составляет 31,4 проц. всех аулов и 28,9 проц. всех хозяйств уезда; сенокосы арендуют 305 аулов с 1341 хозяйством, что составляет 23,1 проц. всех аулов и 11,8 проц. всех хозяйств. Кроме того, из 2843 сеющих вообще хозяйств сеяли на аренде 177, т. е. 6,2 проц.» ³⁸. По преимуществу это были аренды у русских переселенцев и казаков, однако 43 случая аренд (8,2 проц.) составляли аренды у казахов своего и соседних уездов.

В Кокчетавском уезде в 1898 г. 137 хозяйств (из 2845 сеющих) имели посевы на арендованной земле, для чего арендовали 178,3 десятины земли. Помимо того, 678 хозяйств арендовали покосы, 52 хозяйства сдавали землю под покос ³⁹. В Усть-Каменогорском уезде в 1900 г. 8,4 проц. хо-

³⁶ В. Тресвятский. Итоги переселенческого дела за Уралом..., стр. 81.

³⁷ В. Махитов. К вопросу о землеустройстве киргиз в Акмолинской области (ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 6, д. 62, л. 2).

³⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Петропавловский уезд», т. XII. Чернигов, 1908, стр. 220, 228—229. Текст Ф. Гусева.

³⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Кокчетавский уезд», т. I. Воронеж, 1898, таблицы.

зяйств имели посевы и 11 проц. — покосы на арендованной земле. Причем площадь посева на арендованной земле составила 6,9 проц. общей площади, сбор сена — соответственно 13 проц.⁴⁰ В Семипалатинском уезде в том же году было 6139 хозяйств, арендовавших пашни, покосы и пастбища, или 28,9 проц. Они арендовали 2349 десятин пашни и накосили на арендованной земле 245 тыс. копен сена. За пастбища уплачено 2595 руб. аренды, плюс 1791 руб. покосного сбора⁴¹.

Переселенцы 27 поселков Омского уезда, обследованных В. К. Кузнецовым в 1911 г., из общей площади посева 25 512,2 десятины сеяли на арендованной земле 7016,2 десятины, или 27,5 проц. общего землепользования, сдавали в аренду 9462 десятины, или 19,2 проц.⁴²

В переселенческих поселках Актюбинского, Кустанайского, Уральского и Темирского уездов, по сведениям волостных и сельских правлений, в 1914 г. из общей площади посева 655 258 десятин было засеяно на арендованной земле 133 548 десятин, или 20,4 проц., в то же время сдано в аренду 28 378 десятин, что, впрочем, к общей площади наделного землепользования составляло только 1 проц.⁴³

В 1910 г. два министра — Столыпин и Кривошеин — при поездке в Сибирь не только констатировали массовое распространение аренд земель у казахов прибывавшими в степь переселенцами и общую широкую распространенность торговли землей, но также обнаружили стремительный рост цен на землю. «О том, как быстро повышается ценность земель, — писали министры в отчетной записке о поездке, — можно судить по тому, например, что еще 3—4 года тому назад переселенцы арендовали земли у киргиз, в первый год аренды — даром (ввиду трудности поднятия целины), во второй год — по 25—30 коп. с десятины, в третий год — от 75 коп. до 1 руб.

Теперь же в Омском и Петропавловском уездах киргизами берется с переселенцев в первый год аренды от 1¹/₂ до 8 рублей с десятины»⁴⁴. «Офицерские участки в пределах де-

---

⁴⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Усть-Каменогорский уезд», т. IX. СПб., 1905, стр. 83. Текст Л. К. Чермака.

⁴¹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинский уезд», т. X. СПб., 1909, таблицы.

⁴² Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибирь», вып. III. СПб., 1912, таблицы.

⁴³ Сведения об экономическом положении переселенцев по волостям Тургайско-Уральского района, полученные от волостных и сельских правлений». Оренбург, 1915, таблицы.

⁴⁴ «Всеподданнейшая записка председателя Совета Министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.» СПб., 1910, стр. 91.

пятиверстной полосы Сибирского казачьего войска продавались еще три года тому назад для линии железной дороги от 40 до 60 рублей за десятину, а теперь продают уже по 80 и по 100 руб. ...В Семипалатинском и Павлодарском уездах цены на офицерские участки поднялись за три года с 25—80 руб. за десятину до 40—70 руб. Соответственно растут цены и на киргизские земли»⁴⁵. Так расценивали министры распространенность аренд и продажи земель, рост цен на земельные участки.

Приведенные факты убеждают, что с развитием товарных отношений зародилась и развивалась капиталистическая мобилизация земельной собственности. Положение 1891 г., ставившее этому всяческие препятствия, повисало в воздухе.

Обнаружив, что казахская земля «впервые получает рыночную ценность»⁴⁶, что в Казахстане, как и в Сибири, возникла капиталистическая мобилизация земельной собственности, два министра намечают такие мероприятия, чтобы от возрастающей земельной ренты получили выгоду не подлинные хозяева этой земли — казахи и русские крестьяне, а ее верховный собственник — царское правительство, в конечном счете — русские крепостники-помещики. Прежде всего они высказываются за то, чтобы постепенно переходить от бесплатной передачи «наделов» крестьянам в пользование к устройству переселенцев на участках, передаваемых им в собственность «по пониженным земельным нормам и за определенную плату»⁴⁷. И делается общий вывод: «В Семиречье, на Алтае, — в лучших киргизских волостях, землю, имеющую здесь уже теперь значительную ценность, безусловно следует не давать, а продавать переселенцам»⁴⁸.

Уже в повышенных налогах на переселенческое крестьянство царизм получал с переселенцев значительную ренту. Теперь, с ростом цен на землю, министры проектируют получение с переселенцев за землю, бесплатно отнятую у казахов, солидной ренты в виде цены земли. Грабить казахов и продавать награбленное переселенцам за высокую цену — вот суть этой политики.

Вместе с тем министры заявляют: «Рядом с мелкими крестьянскими владениями надлежит обеспечить образование за Уралом также частной земельной собственности»⁴⁹. Это — продажа и сдача в аренду тех же награбленных зе-

---

⁴⁵ Там же, стр. 92.

⁴⁶ Там же, стр. 90.

⁴⁷ Там же, стр. 33.

⁴⁸ Там же, стр. 34.

⁴⁹ Там же, стр. 129.

мель покупателям нового типа — капиталистам-предпринимателям.

На передачу наделов переселенцам за плату царское правительство так и не решилось: слишком сильны были надежды на выселение из России крестьянской бедноты, претендовавшей на экспроприацию помещичьих земель и не имевшей возможности покупать землю за Уралом. В этой части правительство оставалось на своих старых позициях: переселенцы платили только «оброчную» подать за надёлы, в которую фактически входили и государственный налог, и земельная рента.

Что же касается продаж и сдач в аренду награбленных у казахского народа земель капиталистам-предпринимателям, то в этом отношении были сделаны значительные шаги.

Заметив, что в Семипалатинской области в районе Прииртышской «казахьей» полосы образовался ряд крупных частновладельческих хозяйств, министры поручили местной администрации дать их описание. Хозяйства были обследованы и описаны. Результат обследования опубликован в 1912 г. Таких хозяйств оказалось двадцать: два — зерновых, девять — смешанных и девять — скотоводческих. Все возникли за период 1891—1910 гг. Одно из них имело 37 273 десятины земли. Средний размер владения остальных — 2391 десятина. О землепользовании обследователи сообщают: «Из 19 хозяйств, относительно которых по данному вопросу имеются сведения, 7 ведутся только на собственной земле, 6 — и на собственной, и на арендованной и 6 — только на арендованной».

Хозяйства были обеспечены сложными сельскохозяйственными машинами и в основном строились на эксплуатации батраков из числа казахов и русских переселенцев. Отмечены только два случая организации хозяйства на кабальном труде издольщиков. Словом, большинство хозяйств (18 из 20) были последовательно капиталистическими. Обследователи сделали заключение о полной жизненности такого рода хозяйств. О наиболее передовых из них, имевших уже «долголетний опыт», они сообщали, что в них «расширяется площадь запашки, увеличивается численность стада, вводятся новые отрасли улучшенного скотоводства»⁵⁰.

Этого «опыта» оказалось достаточно, чтобы правительство немедленно в законодательном порядке предоставило возможность для создания на отобранных у казахов землях

---

⁵⁰ «Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области». Редакция и предисловие П. Румянцева. СПб., 1912, стр. 9, 10, 21, 33.

крупных скотоводческих хозяйств капиталистического типа. 13 декабря 1912 г. царь утвердил «Положение Совета Министров о сдаче в аренду без торгов участков казенной земли в Сибири, степных областях и Туркестанском крае для коневодства и скотоводческого хозяйства». А «начиная с 1913 г. ведомством земледелия было приступлено к образованию специальных скотоводческих участков»⁵¹. Правительство не интересовало крупные зерновые хозяйства. Создавались именно скотоводческие хозяйства. В договорах об арендах посева арендаторам не разрешались или размеры посевов ограничивались незначительными площадями.

Сами условия аренды раскрывали экономическую сущность этого мероприятия. Арендатор обязан был «кроме арендной за участок платы... вносить все причитающиеся по участку государственные, земельные, общественные и иные установленные законом сборы»⁵². Арендные цены устанавливались «по соображению с местными арендными ценами... и с размерами государственной оброчной подати, уплачиваемой местным оседлым населением»⁵³. Кроме того, в договорах был пункт: «Арендатор обязуется в случае требования управления земледелия и государственных имуществ или заведующего переселенческим делом передавать безвозмездно в их распоряжение для нужд сельского населения производителей по одному в год с каждой сотни племенных маток лошадей и крупного рогатого скота и каждой 500 племенных маток овец, считая неполные 100 и 500 за полные». Это было дополнительной ко всем прочим платежам «натуральной рентой», взимаемой с предпринимателей-скотоводов⁵⁴.

Как видим, царизм совершенно четко выступает как феодал-землевладелец, сгоняющий со своих земель зависимых от него казахов-крестьян, а также местных феодалов — своих вассалов. На этот раз царское правительство вступает в сделку с капиталистами, за пользование отобранными у казахов пастбищами получает с предпринимателей-скотоводов капиталистическую земельную ренту. Экономически это шаг вперед, от феодализма к капитализму. Но это был такой шаг, который приносил огромные бедствия казахскому крестьянству и вносил расхождения между интересами царизма и местных феодалов.

---

⁵¹ Коневодство и скотоводство на казенных землях в Азиатской России». Пг., 1917, стр. 1 и 11.

⁵² Там же, стр. 17.

⁵³ Там же, стр. 14.

⁵⁴ Там же, стр. 20.

На основании правил от 13 декабря 1913 г. по пяти переселенческим районам (Тургайско-Уральский, Акмолинский, Семипалатинский, Семиреченский и Сыр-Дарьинский) с 1913 по начало 1917 г. было заготовлено к сдаче в аренду 190 коневодческо-скотоводческих участков общей площадью 764 434,2 десятины пастбищных угодий⁵⁵. Это был новый удар по сельскому хозяйству, в частности, по скотоводству Казахстана, на этот раз уже не во имя выселения из России излишнего крестьянского населения, а с целью непосредственного получения земельной ренты в пользу царизма со скотоводов-предпринимателей.

Однако участки разбирались не так быстро. Из заготовленных к сдаче в аренду площадей на начало 1917 г. были сданы в аренду только 46 участков с общей площадью 168 955 десятин — иначе говоря, только 25 проц. заготовленных площадей нашли арендаторов⁵⁶. Это означает, что условия аренды были не так выгодны, как это изображалось царскими чиновниками. И это подтверждается цифрами. По смете Сибирского казачьего войска, где арендовали землю описанные в 1912 г. хозяйства в Семипалатинской области, арендная плата назначалась в среднем 6 коп. за десятину в год. По условиям же аренды на основании закона о скотоводческих участках даже в рекламных сообщениях называлась цифра арендной платы от 10 до 25 коп. в год за десятину, что для пастбищных угодий безусловно было высокой платой. По условиям аренды арендатор должен был содержать скот «исходя из нормы в 30 десятин удобной земли на 1 лошадь и 25 десятин на 1 корову»⁵⁷.

Таким образом, одной только арендной платы у скотоводов-арендаторов падало на лошадь от 3 до 7,5 руб. и на корову — от 2,5 до 6,5 руб.⁵⁸. Это рента царизму, вычет из прибылей предпринимателей в пользу российского военно-феодального империализма. Слишком дорого обходилась скотоводам-предпринимателям царская феодальная «монополия» на пастбища Степного края. Даже содействуя развитию капитализма, царизм тормозил его развитие.

Стремясь определить социальное положение арендаторов, мы произвели подсчет по их списку. В списке оказались:

---

⁵⁵ Там же. Наша выборка из списка коневодческих и скотоводческих участков в Азиатской России, стр. 34—245.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 8.

⁵⁸ Фактически арендные цены были выше, но и нормы скота на единицу пастбищ — тоже.

	Число арендаторов	% арендо- ванной зем- ли
Купцов	9	28,3
Чиновников, генералов и офицеров	14	19,8
Дворян потомственных и землевладельцев без указания сосло- вий	6	9,2
Крестьян (арендовали только казачьи земли)	21	41,8
Без указания сословий	3	0,9

Всего арендаторов 53, ими арендовано 330 425 десятин земли. Из их числа только пять человек имели землю в России (купец, генерал, дворянин и два чиновника).

Таким образом, среди арендаторов преобладали купцы, и без того связанные с Казахстаном своими торговыми операциями. За ними следовали генералы, офицеры и чиновники, отставные и состоящие на службе. Все это люди из эксплуататорского аппарата управления краем, расширяющие свою эксплуататорскую деятельность до прибирания к рукам казахстанских земель. Особую группу среди арендаторов составили крестьяне-кулаки из переселенцев. Это наиболее многочисленная и, видимо, инициативная часть арендаторов. Но они выразительно продемонстрировали, что брать землю в аренду у государства — не такое выгодное предприятие, как об этом писали чиновники, и пока казенных скотоводческих участков не арендовали. Землевладельцы из России, особенно помещики, на аренду скотоводческих участков явно не претендовали.

В организации капиталистических скотоводческих хозяйств в Казахстане-колонии усматривается зародыш скотоводческого плантаторства. Оно выросло прежде всего из двух основных колонизаторских групп, уже господствовавших в крае, — купцов и чиновников. Капиталисты-предприниматели из России, еще непосредственно не связанные ни экономически, ни местом жительства с Казахстаном, на животноводческие участки спроса не предъявляли.

Вместе с тем предприниматели-скотоводы выросли из переселенцев-кулаков. Они еще не обнаружили стремления арендовать участки у государства, арендовали казачьи земли. Средняя плата при их арендах за десятину за весь срок аренды составляла 78 коп. при средней по всем арендам — 3 руб. 26 коп. Это свидетельствует не только о большей выгоды аренд у казачества, чем у государства, но также

и о том, что кулаки-крестьяне арендовали по преимуществу самые дешевые участки с наименьшими удобствами. Тем не менее и они уже претендовали на роль крупных арендаторов. При среднем размере всех учтенных аренд 6234 десятины, средний размер их аренд достиг 6583 десятин.

Плантаторство зарождалось. Но оно создавалось царизмом крепостнически. Претензии царизма на высокую ренту за скотоводческие участки тормозили развитие этого плантаторства. Новые претенденты на грабеж казахстанских земель — купцы, чиновники и переселенческое кулачество — еще не получили достаточного простора для своих земельных спекуляций.

* * *

Изложим коротко наши выводы.

Господствовавший в Казахстане российский помещичий военно-феодальный империализм (царизм), объявив себя верховным собственником казахстанских земель, прежде всего противостоял местному и русскому переселенческому крестьянству. И с тех и с других он взыскивал солидную феодальную земельную ренту, которая входила составной частью в налоги. Вместе с тем царизм расхищал казахские земли в интересах помещиков, стремясь переселением крестьянства из России спасти помещичье землевладение от крестьянской экспроприации. При этом претензии местного феодального и полуфеодального байства на землю царизмом были решительно отвергнуты, что внесло серьезное расхождение между интересами царизма и местных феодалов. Это была борьба русских помещиков против формирования класса землевладельцев-помещиков из среды местного байства, феодальная борьба за землю.

В то же время царизм пошел навстречу стремлениям буржуазии организовать в Казахстане на отнятых у казахов землях животноводческие хозяйства плантаторского типа. Но условия аренды скотоводческих участков были мало выгодны для буржуазии. По земельному вопросу в Казахстане создалась единая оппозиция царизму со стороны октябристско-кадетской буржуазии и местных националистов. По разным классовым мотивам они стремились отстоять наиболее благоприятные условия развития капитализма в сельском хозяйстве Казахстана по октябристско-прусскому пути.

Но и царизму, и империалистической буржуазии, и местным феодалам противостояло местное и русское переселенческое крестьянство. Казахское крестьянство практически выдвинуло свою «разделистскую» программу уравнительно-

го землепользования, что объективно означало принципиально другой путь развития капитализма в сельском хозяйстве — демократический. К этой борьбе примыкало и переселенческое крестьянство. Русские крестьяне боролись за «равные» благоустроенные «наделы», за ликвидацию феодальной ренты, противопоставляя свои интересы интересам помещичьего военно-феодального империализма. Их борьба за демократический путь развития капитализма естественно объединялась с такой же борьбой местного казахского крестьянства.

IV. ИМУЩЕСТВЕННОЕ И КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ АУЛА

Развитие товарных отношений, рост производства на рынок, наконец, борьба за землю не могли не сопровождаться имущественным и классовым расслоением аула. Попытаемся определить основные классы и социальные группы аула, проследить, насколько позволяют материалы, эволюцию социальных отношений в казахском сельском хозяйстве за изучаемый период.

1. Определение классовой структуры аула

Как уже отмечалось, основным недостатком материалов обследований Переселенческого управления является недоучет казахской бедноты, степени обнищания казахского крестьянства. Без поправки на неточность учета бедноты невозможно определить количественное соотношение социальных групп в ауле. Оставляя пока этот вопрос без рассмотрения, попытаемся только дать характеристику социальным группам.

Исходной основой для решения этого вопроса могут послужить данные обследования северной части Акмолинского уезда в 1896—1900 гг., обработка которых проведена под руководством Е. Добровольского (табл. 16). Они наиболее полны по показателям о капиталистической и других формах эксплуатации труда и относятся к району, который по всем данным можно считать примерно средним по экономическому развитию.

Из таблицы видно, что среди обследованных хозяйств только 11,7 проц. отпускали рабочую силу для работы по найму. В то же время нанимающие хозяйства имели ничтожное количество наемных рабочих. По преимуществу это были пастухи, заработная плата которых была в большей своей части натуральной. Даже допуская, что вольный

1896—1900 гг. Акмолинский уезд. Дифференциация хозяйств по найму сельскохозяйственных рабочих¹

Группы хозяйств по количеству лошадей	Общее количество хозяйств	В том числе хозяйств, %				Нанято месячных и годовых рабочих в переводе на человеко-год*	
		недостаточно самостоятельных, с неопределенным отношением к найму—отпуску работников	пользующихся наемным трудом**	не пользующихся наемным трудом и не отпускающих рабочих	отпускающих сельскохозяйственных рабочих	всего	на одно нанимающее хозяйство
Без лошадей	1084	65,1	0,8	7,3	26,9	7,2	0,90
1 лошадь	3357	44,4	2,9	31,4	21,4	31,8	0,38
2-5 лошадей	5519	27,8	5,9	51,5	15,3	112,6	0,35
6—10 »	3557	13,2	18,3	61,8	6,6	250,4	0,37
11—25 »	8402	5,3	46,0	46,7	1,9	813,0	0,52
25—50 »	1083	3,6	72,7	23,1	0,6	589,7	0,78
51—100 »	458	1,7	88,2	10,0	—	418,2	1,08
Свыше 100 »	262	1,1	98,1	0,8	—	449,0	1,75
Итого	18622	23,5	21,8	43,2	11,7	2672,0	0,66

* 12 месячных=1 годовой.

** Данные взяты из таблиц по типам хозяйств. В общей сводке у авторов цифра нанимающих и отпускающих рабочих несколько выше, видимо, потому, что в их число входит часть хозяйств с сомнительным отношением к найму и отпуску рабочих.

наем несколько преуменьшен, так как при обследовании учтены только месячные и годовые работники, по этим данным никак нельзя сказать о широком развитии капиталистического найма в аулах к концу 90-х годов.

Обращает на себя внимание также графа о хозяйствах с неопределенным отношением к найму — отпуску рабочих. В эту графу по оценке исследователей вошли хозяйства «без достаточных признаков самостоятельности». Их насчитывается 23,5 проц., причем подавляющая их масса — мало-скотная беднота. Что это за хозяйства?

Коллектив под руководством В. Кузнецова, обследовав ту же северную часть уезда в 1909 г., писал о кочевниках следующее: «Доминирующая роль в основном кочевом типе

¹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Акмолинский уезд», т. III. Вып. 1. СПб., 1907. Начато обследование под руководством Ф. Щербины, закончено Е. Добровольским. Подсчет таблицы наш.

хозяйства принадлежит крупным многоскотным хозяйствам. По численности эта группа невелика, но обладает значительной частью общего в уезде количества скота. Кроме того, при ней находится масса бедняков в качестве слуг и помогающих в хозяйстве, которые самостоятельно кочевать не могут по недостатку своего скота, но и без кочевания не могут просуществовать по своей непригодности к какому-либо другому типу хозяйства. Здесь наблюдается связь двух совершенно различных экономических элементов: хозяйств богатых, но нуждающихся в постоянной рабочей силе, и хозяйств бедных и неимущих, но имеющих «свободные рабочие руки»².

Таким образом, здесь мы наблюдаем типичные феодальные отношения. Статистики не имели возможности выразить в цифрах отношения этих «неопределенных» хозяйств к байству. Но совершенно бесспорно, что это были феодально зависимые от байства семьи. Именно они составляли «единое целое» с крупными байскими хозяйствами в том смысле, что поставляли баю рабочую силу. Но это был не вольный капиталистический наем, а феодальная зависимость, при которой труд отдавался «бесплатно», во многих случаях — за небольшое натуральное вознаграждение.

Такого рода зависимость бедноты учитывалась исследователями лишь в той степени, в какой они находили у них элементы самостоятельного хозяйства. В тех же случаях, когда бедняк потерял уже все и в качестве ничтожного «малая» (бездомного человека, не имеющего скота, но еще не ставшего работником по вольному найму) «питается» около бая, статистики это явление не регистрировали. Это означает, что феодально зависимые отношения в ауле были значительно шире, чем о том говорит анализируемая таблица. Ростки капиталистического найма в конце XIX в. были действительно еще ничтожны на общем фоне феодально-зависимых отношений.

Феодальные отношения, царившие в животноводческом хозяйстве, переносились и на земледелие.

Акмолинские казахи «начали заниматься земледелием еще в начале прошлого XIX столетия», — сообщают исследователи. Но на каких основах оно организовалось?

«Богачи, как более умственные (!) и предприимчивые люди, — пишут исследователи, — были первыми инициаторами земледелия, а бедняки — первыми исполнителями этого дела. У бедняков недостаточно скота для работы, нет средств для покупки инвентаря и семян...». Поэтому на оро-

---

² «Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. X. Акмолинский уезд», отд. I. «Общие сведения об уезде». СПб., 1910, стр. 48.

шенных землях «обычно такое явление: богач приглашает бедняка, дает ему рабочий скот, земледельческие орудия и семена для посева, обеспечивает ему летнее существование, снабжая его (обычно) дойной коровой, хлебом и т. п., а бедняк (джатак) за это исполняет все земледельческие работы (пашет, сеет, следит за арыками, охраняет посевы и тому подобное) и получает ту или иную долю урожая»³.

Это типичная феодальная издольщина. Джатаки (некочующие, «лежачие» бедняки) только меняют род сельскохозяйственных работ. Теперь они ухаживают не за скотом бая, а за его посевами и получают за это ту или иную долю урожая, иначе говоря, свою натуральную «заработную плату». Это чисто феодальные отношения.

Так было в конце 90-х годов в Акмолинском уезде. Подсчитав данные по девяти другим уездам из обследованных в 1898—1900 гг., мы получили следующие цифры: хозяйств, нанимавших рабочих, — 18,9 проц., отпускавших рабочих — 24,8 проц.; остальные 56,3 проц. не нанимали и не отпускали рабочих⁴. Хозяйства, «неопределенные» по отношению к найму и отпуску рабочих, не учтены. Надо полагать, они распределились между отпускающими рабочих и средними, не пользующимися наемным трудом и не отпускавшими рабочих. Из этой справки следует, что выводы, сделанные по Акмолинскому уезду, можно распространить на весь край, помня, однако, что по разным уездам были неизбежные колебания в ту или иную сторону. Совершенно ясно, что в аулах в конце 90-х годов преобладали феодальные отношения. Капиталистические формы эксплуатации были в зародыше.

Обратимся к другим фактам.

В конце 90-х годов исследователи по некоторым уездам подсчитали количество скота, сданного баями в пользование на условиях феодальной отработки. Этот скот в обследованиях определен термином «испольный скот». Вот справка о распространенности этого вида эксплуатации по четырем уездам (табл. 17).

То обстоятельство, что в 90-х годах исследователи не описывали хозяйства, не имевшие скота, делает приведенные данные преуменьшенными. Именно бесскотные хозяйства больше всего брали скот за отработки. Это означает, что в таблице 17 этот вид феодальной эксплуатации крестьянства отражен только в некоторой, меньшей своей части.

---

³ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинский уезд», т. III, ч. II. Чернигов, 1909, стр. 138—139.

⁴ В подсчет вошли уезды: Омский, Кустанайский, Павлодарский, Зайсанский, Петропавловский, Усть-Каменогорский, Семипалатинский, Каркаралинский, Атбасарский.

Таблица 17

1898—1900 гг. Уезды: Усть-Каменогорский,
Семипалатинский, Каркаралинский, Зайсанский.
Пользование скотом за отработки⁵

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств, пользовавшихся байским скотом за отработки	Ими взято голов скота				В среднем на хозяйство, берущее скот
		рогатого	кобыл	овец и коз	всего (в переводе на лошадь)	
1—5 лошадей	3811	166	715	31773	6992,4	1,8
6—25 »	106	25	158	925	833,3	3,1
26—50 »	1	—	—	20	3,3	3,3
Итого	3918	1191	873	32718	7329,0	1,9

Но даже эти показатели позволяют сделать вывод, что сдача скота в пользование крестьян на феодальных началах практиковалась широко. В этих уездах насчитывалось 54 591 хозяйство с одной-пятью лошадьми. Как видим, из их числа отработками за пользование скотом были связаны 3811 хозяйств, или 7,2 проц. Надо полагать, что бесскотные хозяйства брали скота под отработки во много раз больше.

По двум уездам (из четырех, учтенных в табл. 17) — Зайсанскому и Усть-Каменогорскому — в 1911 г. в обследованиях отразилась еще одна форма феодальной эксплуатации — бесплатная или за совершенно неопределенную плату — месячина. Практически это означало, что лишенный последних средств существования бедняк работал в хозяйствах, имевших скот, за одно весьма скудное питание. Приведем данные о найме рабочих в этих уездах (табл. 18).

Если по Акмолинскому уезду в конце 90-х годов на одно нанимающее хозяйство приходилось в среднем 0,66 человеко-года нанятых рабочих и на одно феодальное байское — 1,75 человеко-года, то теперь, в 1911 г., в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах эти показатели достигли соответственно 0,9 и 3,4 человеко-года. Это — значительный рост капиталистического найма.

Вместе с тем далеко не весь наемный труд, учтенный в таблице, можно отнести к капиталистическому найму. Сре-

⁵ По цитированным обследованиям Переселенческого управления.

1911 г. Уезды Усть-Каменогорский и Зайсанский.
Наем рабочей силы⁶

Группы хозяйств	% хозяйств с наемными рабочими	нанято на 1 хозяйство рабочих, в переводе на человека-год	Число работавших бесплатно или за неопределенную плату	
			всего месяцев работы	% к общему числу месячных работ
Без скота и имеющие до 5 лошадей	56,7	0,4	933,5	59,7
Имеющие 6—25 лошадей	28,7	0,8	2859,4	64,1
» 26—50 »	71,6	1,4	884,1	66,9
» 51—100 »	90,0	2,1	767,0	78,3
» 101 и более »	96,4	3,4	659,0	80,3
Итого	14,8	0,9	6103,0	66,7

ди месячных рабочих около 67 проц. работали «из милости», за пропитание, в лучшем случае за мизерную, совершенно неопределенную заработную плату. Это была разновидность феодальной эксплуатации совершенно разорившейся бедноты. Характерно, что таким «бесплатным» трудом пользовались не только байство и зажиточное крестьянство, но и средние крестьяне, а также бедняки. «Малай» жил какое-то время в данной семье (из милости, чаще всего на родственниках началах), где он питался и работал. Беднота и среднее крестьянство часто принимали в свою семью таких «малаев» из нужды, испытывая недостаток в рабочей силе. Зажиточные же и байство жестоко эксплуатировали их почти даровой труд.

Как широко были распространены феодальные отношения на пахоте, можно заключить из следующих данных за 1909 г. по Тургайскому и Кустанайскому уездам. Здесь зарегистрированы следующие способы обработки пашни⁷:

⁶ По материалам обследования Переселенческого управления.

⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района, Тургайский уезд». Оренбург, 1911; «Материалы по киргизскому землепользованию... Кустанайский уезд». Оренбург, 1912, таблицы.

своими силами	2318	хозяйств	17,4 %
наймом	569	»	4,3 »
супрягой	9349	»	78,3 »
исполу и за ра-	723	»	
боту смешанно	347	»	
Итого	13306	»	100,0

За супрягой и смешанными обработками пашни в большинстве случаев скрывалось получение скота и орудий обработки земли у байства за отработки. Наряду с этим была и прямая издольщина. Эти цифры доказывают, что и в земледельческом хозяйстве преобладали феодальные отношения.

Одним из показателей того, насколько широко байство применяло в своем хозяйстве бесплатный труд разорившейся бедноты, работавшей подчас за одно скудное питание, может служить справка о количестве потребляемого в байских хозяйствах хлеба и мяса. По тем же обследованиям конца 90-х годов во всех уездах зафиксировано неимоверно большое потребление мяса и муки на члена семьи в многоскотных хозяйствах и неимоверно малое — в бесскотных и малоскотных.

Возьмем Зайсанский уезд Семипалатинской области. Там к 1899 г. потреблено на одного члена семьи: в хозяйствах, имеющих свыше 100 лошадей, — 43,8 пуда мяса и 18 пудов муки; а в хозяйствах без лошадей — соответственно 0,75 и 5,7 пуда. То же наблюдалось в соседнем Каркаралинском уезде. Там в 1898—1899 гг. потреблено: в хозяйствах, имеющих свыше 100 лошадей, — 54,3 пуда мяса и 12 пудов муки, в безлошадных — соответственно 5,4 и 5,6 пуда на члена семьи.

Н. Дмитриев о данных потребления мяса и муки в 1899 г. по Зайсанскому уезду пишет, что ничтожно малое потребление мяса и хлеба беднотой и непомерно большое баями-феодалами означает, что семьи бедняцких хозяйств «пополняли свое потребление, пользуясь пищей у богачей». Баи потребляли не только названное количество мяса и муки, но, кроме того, и другие продукты — молоко, кумыс, сыр и пр. «Это превосходит всякую норму: физически такое потребление немыслимо, оно чрезмерно». В данном случае, по его свидетельству, «избыток идет на потребление работников, на угощение гостей и на помощь бедным сородичам натурой, как это принято по киргизским обычаям»⁸.

⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Зайсанский уезд», т. VIII. СПб., 1909. Текст Н. Дмитриева, стр. 138.

То же признает и Ф. А. Щербина, говоря о данных 1896 г. по Кокчетавскому уезду: «Если наиболее обеспеченные скотом хозяйства режут в 10, 20 и даже 40 раз больше скота, чем бедняки, то это указывает на то, что эти хозяева не только питаются лучше бедняков, но и продовольствуют вместе с тем, по крайней мере при некоторых случаях своей жизни, бедняков, лишенных возможности резать собственный скот в достаточном количестве»⁹.

Так в цифровых данных отражается еще одно средство феодальной эксплуатации. Предоставляя бедняку скудное питание, бай получал бесплатную рабочую силу для своего хозяйства и домашних услуг.

Приведенный фактический материал, таким образом, свидетельствует, что в скотоводческом хозяйстве между крестьянством и байством преобладали феодальные отношения. Вместе с тем появились значительные элементы капиталистического найма, которые с течением времени возрастали.

О степени распространения капиталистического найма рабочих в Тургайской области можно судить по данным повторных обследований. Вот подсчет по Актюбинскому и Кустанайскому уездам за 1909—1910 гг. В этих уездах хозяйств, пользующихся наемным трудом, было 27,4 проц., отпускающих сельскохозяйственных рабочих — 14,9 проц. Недостаточно самостоятельные хозяйства с неопределенным отношением к найму — отпуску работников составили только 5,5 проц. хозяйств. Этим обнаруживается, что через 10—12 лет после обследования конца 90-х годов в социальных отношениях между феодалами и крестьянством произошли значительные изменения: выше стал процент хозяйств, нанимающих и вместе с тем отпускающих рабочую силу, резко снизилось число «недостаточно самостоятельных» хозяйств, поставляющих бесплатных работников байству.

Возросло количество эксплуатируемого вольнонаемного труда. По данным таблицы 19 устанавливаем, что по Актюбинскому и Кустанайскому уездам в 1909—1910 гг. показатели распространенности капиталистического найма более высокие, чем приведенные выше (табл. 18) по Усть-Каменогорскому и Зайсанскому уездам приблизительно за то же время (1911 г.). Несомненно, здесь влияла относительная близость Оренбургско-Ташкентской дороги, проложенной через Тургайскую область с севера на юг. По Акмолинскому уезду в конце 90-х годов было, как помним, нанято рабо-

---

⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Кокчетавский уезд», т. I. Воронеж, 1898. Текст Ф. А. Щербины, стр. 41.

чих на одно нанимающее хозяйство 0,66 человеко-года; по Усть-Каменогорскому и Зайсанскому, отдаленным от железной дороги, в 1911 г. — 0,9 человеко-года; по двум уездам Тургайской области (табл. 19), близким к железной дороге, в 1909—1910 гг. — 1,49 человеко-года. Знаменательно, что в последних двух случаях обнаруживается резкое повышение количества нанятых рабочих в крупных байских феодальных хозяйствах — от 3,4 до 3,9 человеко-года на нанимающее хозяйство против 1,75 в конце 90-х годов. В условиях, когда интенсивно разорялось крестьянство, росла группа совершенно разорившихся крестьян, с которых уже нечего было взять, как с мелких производителей, иначе быть и не могло. Развитие капиталистического найма было неизбежным.

При всем том данные таблицы 19 говорят, что не все многоскотные хозяйства нанимают рабочих. Около 2 проц., надо полагать, крупнейших скотоводческих хозяйств совершенно не нанимают рабочей силы. Это значит, что они пользуются исключительно трудом неимущей челяди и зависимых от них крестьянских семейств. Таких хозяйств в конце XIX в. по Акмолинскому уезду было примерно тоже около 2 проц. Столько же их было и через десять лет даже в экономически передовых уездах.

Число чисто феодальных хозяйств, конечно, не ограничивалось только этими 2 проц. На деле их было значительно больше. Два отличительных признака были присущи этим хозяйствам: первый — в них господствовали описанные выше феодальные методы эксплуатации; второй — их рыночные связи были незначительны и сводились к продаже продуктов, полученных в результате феодальной эксплуатации крестьянства. Даже «нанимая» рабочих, они не всегда платили деньгами. Ученая в таблице 19 доля натуральной платы рабочим достигала от 10 до 13 проц. Сколько вообще применялось в их хозяйстве бесплатного труда «челяди» и зависимого крестьянства, учету не поддается.

Трудно, почти невозможно выделить эти хозяйства в особую группу по одному какому-либо признаку — по количеству лошадей или единиц скота. Совершенно ясно только одно: они концентрировались среди хозяйств, имевших более 100 лошадей, свыше 100 единиц скота. Условно из этой группы, где позволяют материалы, мы выделяем крупнейших феодалов-скотоводов, имевших 300 и более лошадей. Их, впрочем, насчитывается очень мало. Вообще же всю группу «100 и более лошадей» правильнее назвать группой феодального байства, не дифференцируя из нее хозяйства, которые можно бы назвать полуфеодальными.

Группа, имевшая 51—100 лошадей, несомненно, также

1909—1910 гг. Наем сельскохозяйственных рабочих
в Актюбинском и Кустанайском уездах¹⁰

Группы по количеству скота	Общее количество хозяйств	В том числе пользующихся наемным трудом	% нанимающих хозяйств	Нанято рабочих		Расход по найму, руб.		То же в %	
				всего человеко-лет	на одно нанимающее хозяйство	деньгами	натурой	деньгами	натурой
Не имеют скота	169	—	—	—	—	—	—	—	—
1— 5 ед. »	4767	51	1,0	40,7	0,80	1988	213	90,6	9,4
5— 10 » »	7719	421	5,5	279,5	0,66	17451	2017	86,5	13,5
10— 15 » »	5574	835	15,0	622,2	0,75	37480	5441	87,3	12,7
15— 25 » »	6780	1907	28,1	1658,8	0,87	100388	11305	89,9	10,1
25— 35 » »	3639	1777	48,8	1776,0	1,0	108451	18729	85,3	14,7
35— 50 » »	2854	1870	65,5	2195,7	1,17	136163	20075	87,2	12,8
50—100 » »	3022	2575	85,2	4422,7	1,72	265060	39470	87,0	13,0
Свыше 100 »	1323	1298	98,1	5029,2	3,87	317685	38038	89,3	10,7
Итого	35847	10734	29,9	16024,8	1,49	984666	135288	87,9	12,1

байская. И среди хозяйств этой группы количество труда, эксплуатируемого феодальными методами, также преобладало над капиталистическим наймом. Но эта группа, как отмечалось (табл. 10), теснее связана с рынком. Она уже продает не только результат феодальной эксплуатации, в ее хозяйствах заметны элементы капиталистического предпринимательства. В этом она сближается с хозяйствами кулацкого типа. Назовем ее условно группой *байства-кулачества*, или *полуфеодального байства*. Будем, однако, иметь в виду, что четкой дифференциации этой группы от байства феодального типа не наблюдается.

Группа хозяйств, имевших 25—50 лошадей, — это, несомненно, группа зажиточного крестьянства, стоящего на грани превращения в кулаков-мироедов. Она выделилась из крестьянства. Эти хозяйства уже отрываются от среднекрестьянских, но еще не доросли до кулацких. Точнее их назвать группой *зжиточных крестьян*.

Остальные группы — это группа крестьян-середняков и группа беднейшего крестьянства, пауперизированная и полупауперизированная его часть. Они дифференцируются

¹⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Актюбинский уезд». Оренбург, 1912; «Материалы по киргизскому землепользованию... Кустанайский уезд». Оренбург, 1912, таблицы.

довольно четко: от 6 до 25 лошадей — *среднее крестьянство*; без скота, без лошадей и до 5 лошадей — беднота. Их дифференциация в таблице 16 четко обозначилась данными об отпуске в наем рабочей силы: среди бедняков отпускали ее от 15 до 26,9 проц. хозяйств, среднего крестьянства — от 1,9 до 6,6 проц. Они дифференцируются также и по количеству скота. Исследователи полагали, что средняя скотоводческая семья может удовлетворить свои насущные потребности, не прибегая к сторонним заработкам, имея примерно 20—25 ед. скота. Наш подсчет показывает, что группа среднего крестьянства имела около 25 ед. скота на хозяйство. Бедняки имели скота значительно меньше этой нормы. Это толкало их на поиски сторонних заработков.

Бедняцкая группа охватывает хозяйства, наиболее зависимые от феодального байства. Не имея средств существования, бедняки шли в феодальную кабалу, брали у бая скот за отработки, работали за скудное питание.

Так приблизительно можно охарактеризовать основные социальные группы в казахской деревне. Отмеченные нами особенности этой группировки сводятся к следующим двум положениям.

1. Если характеризовать крестьянство в целом, то оно противостоит феодальному и полуфеодальному байству как класс феодального общества. Вместе с тем в среде крестьянства уже начался процесс капиталистического разложения. И бедняцкое и середняцкое крестьянство противостоит байству как объект эксплуатации. В то же время бедняцкое крестьянство уже является основным поставщиком «свободной» (от средств производства) рабочей силы на рынок, оставаясь, впрочем, еще и основным «потребителем» байского скота за отработки и основным издольщиком на байских пашнях. Зажиточная часть крестьянства уже перерастает в эксплуататоров нового типа. Но и она еще противостоит байству в борьбе за «разделы» пашен, покосов и пастбищ, является наряду с беднотой и средним крестьянством плательщиком высокой феодальной ренты байству и царизму. Основное противоречие в ауле было между крестьянством в целом (включая и зажиточных) и феодальным байством. Коренные интересы крестьянства, независимо от того, сознавало оно это или нет, совпадали с требованием демократической национализации земли, против военно-феодальной царской «национализации», государственной собственности царизма на казахские земли, как равно против расхищения общинных земель феодальным байством.

2. Рост сельского кулачества проходил в условиях господства феодальных отношений. В таких условиях выраставший из крестьянства кулак скорее превращался в мел-

кого феодала, чем в капиталиста-предпринимателя. Кулацкая группа аула очень слабо дифференцировалась от феодального байства. В строе их хозяйства уже имелись некоторые кулацкие черты: относительно больше капиталистического найма против феодальных методов эксплуатации, широко развитое ростовщичество, более высокая товарность их хозяйств, чем хозяйств баев-феодалов. Однако эти черты были выражены настолько слабо, что резко очерченной границы между ними и феодальным байством (как в России между помещиком и кулаком) здесь, в Казахстане, не обнаруживается. Наше выделение этого типа хозяйств в особую группу в значительной мере условно.

2. Кризис казахского феодализма

После изложенной характеристики основных социальных групп аула важнейшим является вопрос о том, как распределялось между ними основное богатство казахов — скот.

При обследованиях экспедициями Переселенческого управления были приняты два типа группировки хозяйств — по количеству лошадей и количеству единиц скота в хозяйстве. Первый тип был принят во всех обследованиях 1896—1901 гг. При обследованиях же 1907—1912 гг. в большинстве случаев применялась группировка по количеству единиц (в переводе на взрослую лошадь) скота в хозяйстве. Только в восьми уездах за основную была принята группировка по количеству лошадей. Первый тип такой группировки — по количеству лошадей — более подробный. Он дает некоторую возможность показать дифференциацию не только среди крестьянства, но и среди байства. Второй тип — по количеству единиц скота — по своей краткости совершенно не позволяет дифференцировать группы в среде байских хозяйств: все типы байских хозяйств по ней включены в одну группу — более 100 единиц скота на хозяйство. Чтобы возможно точнее представить себе процесс социальной дифференциации аула, для таблицы 20 берем все уезды, обследованные в 1896—1901 гг., и семь уездов — из числа обследованных в 1907—1912 гг., в которых основная группировка дана по количеству лошадей (табл. 20). Восьмой уезд из этого типа уездов (Павлодарский) оставляем для особого анализа, как испытавший на себе тяжелое влияние казачьей колонизации и поэтому вступивший в полосу кризиса сельского хозяйства уже с первых лет XX в.

Уже известно, что с увеличением количества бедноты в аулах росло и количество семейств, которые исследователями не регистрировались. Поэтому по таблице 20 нельзя со-

Распределение скота по социальным группам аула ¹¹

Социальные группы	1896—1901 гг. 12 уездов*					1907—1911 гг. 7 уездов**				
	Количество хозяйств		Ед. скота		Ед. скота на 1 хозяйство	Количество хозяйств		Ед. скота		Ед. скота на 1 хозяйство
	Всего	% к итогу	в тысячах	% к итогу		всего	% к итогу	в тысячах	% к итогу	
I. Бедняки: без скота, до 5 лошадей	124207	64,4	1013,8	26,5	8,2	48930	49,8	499,4	20,6	10,2
II. Среднее крестьянство: от 6 до 25 лошадей	56064	29,1	1423,9	37,9	25,4	38394	39,1	962,4	39,6	25,1
III. Зажиточные: 25—50 лошадей	7737	4,0	500,1	13,1	64,6	7188	7,3	404,2	16,6	56,2
IV. Байство-кулачество (полуфеодалное байство): 51—100 лошадей	3034	1,6	357,7	9,4	117,9	2529	2,6	254,7	10,5	100,7
V. Феодалное байство: 101—300 лошадей	1704	0,9	476,2	12,4	279,4	1015	1,0	218,2	9,0	215,0
VI. Крупные байфеодалы: 301 и более лошадей	80	0,04	52,7	1,4	658,2	180	0,2	89,9	3,7	499,7
Итого	192826	100,0	3824,4	100,0	198,3	98236	100,0	2428,8	100,0	247,2

* Актюбинский, Кокчетавский, Кустанайский, Омский, Атбасарский, Петропавловский, Акмолинский, Зайсанский, Павлодарский, Усть-Каменогорский, Семипалатинский, Каркаралинский.

** Кокчетавский, Омский, Атбасарский, Петропавловский, Зайсанский, Усть-Каменогорский.

¹¹ Подсчет по данным обследований Переселенческого управления.

поставлять количественное соотношение хозяйств социальных групп по левой и правой ее частям. Однако данные таблицы дают возможность наблюдать распределение скота по основным социальным группам аула.

Выше показано, что десятилетие, к которому относятся данные таблицы, было периодом роста абсолютного количества скота в казахском ауле. В этой обстановке изменения в распределении стада между феодалами и крестьянством имели свои особенности. Таблица показывает, что крестьянство в целом, включая и зажиточное, сохранило поголовье скота: и в двенадцати уездах конца 90-х годов, и в семи уездах конца первого десятилетия XX в. в его руках оставалось 76,8 проц. стада. Байство (IV, V и VI группы) и в первом, и во втором случае держало в своих руках 23,2 проц. стада. Но внутри крестьянства, с одной стороны, и байства — с другой, происходили весьма знаменательные изменения в скотовладении.

Прежде всего мы наблюдаем, что удельный вес стада увеличился в средних группах (III и IV) и уменьшился в крайних (I и II — крестьянские, V и VI — байские, феодальные). Наиболее жизнеспособными экономически оказались зажиточные крестьянские хозяйства, перераставшие в кулацкие и байско-кулацкие (полуфеодальные). В этих группах в конце 90-х годов было 22,5 проц., в конце 1910 г. — 27,1 проц. стада. Это свидетельствует о том, что именно хозяйства, ставшие наиболее последовательно на капиталистический путь развития, отвоевывали себе в казахском животноводстве все большее и большее место.

Стадо у бедняцкого и середняцкого крестьянства за десять лет уменьшилось, составив соответственно 64,4 и 50,2 проц. общего количества скота.

Когда хозяйство становится на путь развития капитализма, то закономерно, что зажиточные крестьяне и полуфеодальное байство увеличивают свое стадо прежде всего за счет истощения хозяйства трудового крестьянства.

Но одновременно с этим уменьшилось и стадо, принадлежащее баям-феодалам (соответственно 13,8 и 12,7 проц.). Данные о росте удельного веса крупных феодальных хозяйств по их количеству (группа VI) обманчивы. Он произошел в результате изменения структуры стада — увеличения количества лошадей за счет уменьшения численности баранов, в результате чего в группу «101 и более лошадей» включен больший круг хозяйств, несмотря на то, что фактически стада были не столь велики. В общем же в обеих группах баев-феодалов стада пошли на убыль. Феодальные байские хозяйства, в том числе крупнейшие, даже в период общего подъема животноводства явно переживали кризис.

Такие передвижки в распределении скота наблюдались до начала глубокого кризиса животноводства, наступившего, как отмечено выше, после 1910 г. Нет возможности (из-за отсутствия данных) проследить с должной детализацией судьбу казахского животноводства за время его кризиса. Как отражался кризис на основных социальных группах аула, можно проанализировать только на примере Павлодарского уезда, в котором упадок животноводства обнаруживается уже в первом десятилетии XX в. Подсчеты по этому уезду даны в таблице 21.

Таблица 21

Павлодарский уезд Семипалатинской области. Кризис животноводства

Социальные группы	1897 г. ¹²					1910 г. ¹³				
	хозяйств		Ед. скота		Ед. скота на 1 хозяйство	хозяйств		Ед. скота		Ед. скота на 1 хозяйство
	всего	% к итогу	тыс.	% к итогу		всего	% к итогу	тыс.	% к итогу	
I. Бедняки: без скота, до 5 лошадей	12389	56,3	122,5	21,9	9,9	12882	55,0	123,8	22,4	9,6
II. Среднее крестьянство: 6—25 лошадей	7599	34,8	203,1	36,2	26,7	8151	34,8	199,8	36,1	24,5
III. Зажиточные: 26—50 лошадей	1053	4,8	71,4	12,7	68,1	1503	6,4	86,0	15,5	57,2
IV. Бай—кулачество (полуфеодалное байство): 51—100 лошадей	468	2,1	57,2	10,2	122,2	559	2,4	56,6	10,2	101,3
V. Феодалное байство: свыше 100 лошадей	324	1,5	106,4	19,0	328,4	315	1,4	86,9	15,8	275,7
Итого	21833	100,0	560,6	100,0	25,7	23410	100,0	553,1	100,0	23,6

¹² «Материалы по киргизскому землепользованию...», т. IV. Семипалатинская область, Павлодарский уезд». Воронеж, 1903.

¹³ «Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области, т. I. Павлодарский уезд». Вып. 1. Семипалатинск, 1912, таблицы.

Даже при недоучете бедняцких хозяйств, окончательно потерявших скот, по таблице 21 можно наблюдать обедневшие крестьянства (группы I и II). В 1910 г. они еще сохраняют такой же удельный вес своего стада по отношению к общему поголовью, какой имели в 1897 г., но ввиду роста числа бедняцких хозяйств среднее количество скота на хозяйство снижается. Кризис животноводства прежде всего ударил по среднему и беднейшему крестьянству. Он вызвал увеличение числа бесскотных хозяйств (в приведенной таблице они недоучтены), наряду с этим обнищание коснулось и тех хозяйств, которые еще имели скот.

Мы видим, что в условиях общего кризиса животноводства еще более остро, чем в рассмотренных выше семи уездах (табл. 20), обнаруживался упадок байских феодальных хозяйств: уменьшилось их количество, снизился удельный вес их стада к общему поголовью и, главное, упало среднее количество скота на хозяйство. Нельзя сказать, что процветали хозяйства баев-полуфеодалов. Но за счет увеличения числа этих хозяйств они повысили удельный вес своего стада, хотя и снизили среднее количество скота на хозяйство.

Кризисное состояние хозяйства как в Павлодарском уезде, так и во всем крае после 1910 г. приносило в аул еще более интенсивное разорение крестьянства и более глубокий упадок феодального животноводства. Кризис казахского животноводства являлся прежде всего кризисом казахского феодализма.

Только поднимая производительные силы сельского хозяйства, расширяя земледелие и сенокосение, можно было вывести животноводство из кризиса. Но как раз в Павлодарском уезде в результате изъятия лучших угодий в пользу Сибирского казачьего войска с развитием земледелия и сенокосения было крайне неблагоприятно.

Приводим справку о состоянии земледелия и сенокосения по социальным группам аула Павлодарского уезда (табл. 22).

Из данных таблицы 22 обнаруживается исключительно последовательная закономерность: чем выше социальная группа, тем ниже уровень сочетания в их хозяйствах земледелия, сенокосения и пастбищного (кочевого) животноводства. Наибольших успехов в этом отношении достигло трудовое крестьянство (I и II группы).

Несомненно, это результат острой классовой борьбы крестьянства против расхищения байством земельных угодий. Мы уже сообщали, что и в Павлодарском уезде при дележе покосов соблюдалось два принципа: дележ «по скоту» и

1910 г. Павлодарский уезд. Количество посевов и обеспеченность сеном на единицу скота ¹⁴

Социальные группы	Десятин посева		Сена, копен				
	всего	на 100 ед. скота	собрано	куплено и получено бесплатно	всего сена в хозяйстве	% купленного и полученного бесплатно к общему количеству	Всего копен на 100 ед. скота
I. Бедняки: без скота, до 5 лошадей	5157,2	4,2	1533543	125964	1659507	7,6	1340,1
II. Среднее крестьянство: 6—25 лошадей	6482,4	3,2	2150775	206293	2357068	8,8	1179,6
III. Зажиточные: 26—50 лошадей	1740,6	2,0	621940	84670	706610	12,0	821,4
IV. Байство—кулачество (полуфеодалное байство, 51—100 лошадей)	603,0	1,1	304614	53656	358270	15,0	632,8
V. Феодалное байство: более 100 лошадей	481,3	0,5	391726	67297	459023	14,7	528,4
Итого	14464,5	2,6	5002598	537880	5540478	9,7	1001,3

«по дворам» — равномерно каждому двору, «независимо от его экономической силы». Но важно, что этот последний — крестьянский, уравнительный способ дележа сенокосов и сена в этом уезде преобладал в большей степени, чем в других уездах края. Напоминаем, что здесь 69,2 проц. аулов делили сено поровну на хозяйство, по крестьянскому принципу. Даже в борьбе с сенокосилками, с помощью которых байство захватывало степные покосы, крестьянство имело некоторые успехи. «В двух хозяйственных аулах» (Теренгульской волости) сделан шаг к урегулированию захватов. Здесь «степное сено косят машинами по очереди, поденно:

¹⁴ По указанным материалам обследований.

сегодня одно хозяйство, завтра — другое и так далее». Ясно, что это крестьянский способ дележа покосов.

Отвоевав в большинстве общин свой, крестьянский способ пользования покосами и пашнями, крестьянство лучше, чем эксплуататорские группы аула, обеспечивало свои стада кормами. Об этом выразительно свидетельствуют данные таблицы 22.

Байство в этой части терпело серьезное поражение, обеспеченность стада и зерном и сеном в байских хозяйствах была наиболее низкой.

Но при всем значении отмеченной классовой борьбы крестьянства за землю было бы ошибкой утверждать, что только эта причина привела феодальное хозяйство уезда в упадок. Этому противоречит хотя бы тот факт, что при одних и тех же условиях классовой борьбы зажиточное крестьянство и полуфеодальное байство обеспечивали кормами и спасали от бескормиц свои стада лучше, чем бай-феодалы.

Здесь терпел поражение феодальный строй сельского хозяйства в целом. Не только сопротивление крестьянства байским земельным захватам, но и вся феодальная система организации труда бездомной «челяди» и зависимого от баев-феодалов крестьянства не давала байству достаточных возможностей для более интенсивного использования земельных площадей. Потерпев поражение в борьбе за землю с царизмом, одновременно испытывая интенсивное сопротивление крестьянства расширению феодальной эксплуатации, байство явно приходило в упадок. В описанных условиях, чтобы крепить феодализм, было необходимо иметь политическую поддержку. Но ее-то как раз баям и не хватало.

Кризис казахского феодализма особенно заметно отразился на Павлодарском уезде, но по другим данным видно, что это было явление общеказахстанское. Вот справка о сочетании земледелия и животноводства в байских хозяйствах Атбасарского, Петропавловского уездов Акмолинской области, Зайсанского и Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области. В этих уездах на одно байское хозяйство в 1909—1911 гг. было посеяно: в хозяйствах, имевших 51—100 лошадей, — 2,11 десятины, 101 и более лошадей — 2,6 десятины. Крупные же бай-феодалы, имевшие 301 и более лошадей, засеивали только 1,4 десятины на хозяйство¹⁵. Требовалось повышение агротехнического уровня сельского хозяйства, всемерное расширение рационального сочетания земледелия и животноводства. Но именно байские феодаль-

---

¹⁵ По данным соответствующих обследований Переселенческого управления.

ные хозяйства обнаруживали наибольшую непригодность к такой перестройке. Этому препятствовал феодальный строй их хозяйства. Экспроприация же земельных угодий царизмом обостряла кризис, делала его наиболее глубоким, особенно разрушительным. Борьба баев-феодалов за сохранение и восстановление своего феодального животноводства подводила их к политической борьбе с царизмом.

Так, данными по Павлодарскому уезду с особой наглядностью подтверждается, что кризис животноводческого хозяйства Казахстана последних лет перед революцией 1917 г. был кризисом казахского феодализма, но в основном этот кризис проявился в упадке крестьянского хозяйства. Переходим к рассмотрению этого вопроса.

3. Обнищание крестьянства.

Углубление классовых противоречий в ауле

Сопоставим поуездные данные обследований Переселенческого управления за 1911 и 1912 гг. с результатами военно-конской переписи 1912 г. по тем же уездам и дополнительно — с данными по казахской степи Астраханской и Оренбургской губерний, где казахские хозяйства при военно-конской переписи были выделены в особую рубрику. Характер данных позволил сопоставить таблицу, где особо выделены сельские парии, совершенно не имевшие лошадей. Особо показаны и прочие бедняцкие и все остальные хозяйства. Вот эта краткая, но весьма выразительная сводка (табл. 23).

По данным таблицы можно судить, как искажалась картина состояния казахского животноводческого хозяйства статистиками Переселенческого управления. По одним и тем же уездам, обследованным почти одновременно, статистиками обнаружено в ауле только 11,7 проц. безлошадных хозяйств. В то же время офицеры, переписывавшие лошадей, учли 42,2 проц. безлошадных, а по казахской степи Астраханской и Оренбургской губерний — даже 46,2 проц. Причина такого расхождения уже показана выше. Статистиками учитывались только «самостоятельные» хозяйства. По военно-конской же переписи учитывались все хозяйства, числившиеся в податных списках. В результате в конце XIX в. беднота, не учтенная статистиками Переселенческого управления, составляла около 4 проц. Теперь, в 1911—1912 гг., она составляла 30—35 проц. общего количества хозяйств. Если по четырем уездам процент безлошадных ниже, чем по Астраханской и Оренбургской губерниям, то это объясняется только тем, что там к казахским хозяйствам

**Сравнение данных обследований
Переселенческого управления за 1911—1912 гг.
с данными военно-конской переписи за 1912 г.¹⁶**

Хозяйства	Иргизский, Зайсанский, Усть-Каменогорский и Лбищенский уезды				Казахская степь Евро- пейской России (Астрахан- ская и Орен- бургская губ.), пере- пись 1912 г.	
	По обследо- ваниям 1911—1912 гг.		По военно- конской пе- реписи 1912 г.			
	хозяйств	% к итогу	хозяйств	% к итогу	хозяйств	% к итогу
I. Безлошадные	7866	11,7	39822	42,2	21283	46,2
II. С 1—5 лошадьми	43421	64,4	40445	42,9	18398	40,0
III. Прочие: имев- шие 6 и более лошадей	16081	23,9	14000	14,9	6344	13,8
Итого	67368	100,0	94270	100,0	46025	100,0

причислены также и русские переселенческие, где безлошадных было меньше.

По военно-конской переписи 1908 г. в переселенческих поселках насчитывалось: в Акмолинской области — 13,8, в Семипалатинской — 15,7 проц. безлошадных хозяйств¹⁷. В 1910 г. среди переселенцев Кустанайского уезда Тургайской области было 16 проц. хозяйств, не имевших рабочего скота. В 1911 г. в переселенческих поселках Акмолинского уезда хозяйств без скота и без рабочего скота было 19,7 проц.¹⁸.

¹⁶ «Статистика Российской империи», т. XXXIII; «Военно-конская перепись 1912 г.» Пг., 1914. Цитированные материалы обследований Переселенческого управления (Иргизский уезд Тургайской области. Зайсанский и Усть-Каменогорский уезды Семипалатинской области, обследованные в 1911 г., и Лбищенский уезд Уральской области, обследованный в 1912 г.).

¹⁷ «Статистика Российской империи», т. XXII; «Военно-конская перепись 1908 г.» СПб., 1910.

¹⁸ «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Акмолинская область, Акмолинский уезд». Вып. II. СПб., 1912.

Словом, по всем данным, которые имеются в печати, среди русских переселенцев безлошадных и бесскотных хозяйств значительно меньше, чем учтено по военно-конской переписи 1912 г. под рубрикой «у сельских жителей и кочевников». Присутствие в данных военно-конской переписи переселенческих хозяйств действительно несколько уменьшало процент безлошадных. Это означает, что процент бедноты в казахских аулах, определяемый по данным военно-конской переписи 1912 г., во всяком случае не преувеличен.

Ознакомимся с общими данными военно-конской переписи за 1912 г. (табл. 24).

Таблица 24

1912 г. Результаты военно-конской переписи сельских жителей и кочевников степных областей¹⁹

Группы хозяйств по количеству лошадей	Акмолинская		Семипалатинская		Тургайская		Уральская		По четырем областям	
	Число хозяйств	% к итогу	Число хозяйств	% к итогу	Число хозяйств	% к итогу	Число хозяйств	% к итогу	Число хозяйств	% к итогу
Без лошадей	20037	14,5	21433	21,9	19968	28,4	38040	44,9	99478	25,4
1 лошадь	30409	21,9	25161	25,7	23742	33,8	24220	28,6	103532	26,5
2-5 лошадей	52041	37,5	29671	30,3	13702	19,5	15226	18,0	110640	28,3
6—10 »	21502	15,5	9631	9,9	4645	6,6	3679	4,3	39457	10,1
11—20 »	8724	6,3	8385	8,6	4750	6,8	2092	2,5	23951	6,1
21—30 »	3115	2,2	1876	1,9	1528	2,2	656	0,8	7175	1,8
31—50 »	1592	1,1	894	0,9	1088	1,6	498	0,6	4072	1,0
51—75 »	627	0,5	400	0,4	514	0,7	164	0,2	1705	0,4
76 и более »	667	0,5	347	0,4	260	0,4	79	0,1	1358	0,4
Итого	138714	100,0	97798	100,0	70197	100,0	84654	100,0	391363	100,0

Учитывая сказанное, на основании этой таблицы можно заключить, что в 1912 г. в аулах было бедноты: в Акмолинской области — до 74, Семипалатинской — до 78, Тургайской — до 82 и Уральской — до 91 проц. общего количества хозяйств. Не принимаем эти цифры за абсолютно точные. Как сказано, здесь имеется элемент преуменьшения числа безлошадных за счет крестьян-переселенцев. Вместе с тем не каждое безлошадное и малолошадное хозяйство казахов можно считать бедняцким, ибо, не имея лошадей, эти хозяйства могли иметь другие виды скота в достаточном количестве. Мы убеждаемся только в том, что по всем областям Казахстана нищеты было во много раз больше,

¹⁹ «Статистика Российской империи», т. XXXIII.

чем это показано в обследованиях Переселенческого управления. Утверждения переселенческих чиновников об улучшении благосостояния казахского крестьянства были построены на фальсифицированных данных. В действительности в крае наблюдалось интенсивное обнищание казахского крестьянства.

Уже к 1912 г. нищета в аулах достигла колоссальных, невиданных размеров. В последующие же предреволюционные годы этот процесс обнищания аула продолжался с особой силой. По переписи 1917 г., например, в двух областях — Акмолинской и Семипалатинской — по рубрикам «Не имеют лошадей», «Не имеют рогатого скота» и «Не имеют коров», т. е. абсолютных париев, не имевших в аулах никаких собственных средств существования, зарегистрировано 34 030 хозяйств — 16 проц. общего числа наличных хозяйств. При этом нет уверенности, что регистрацией охвачены все хозяйства (семьи) такого типа. «Малаи», т. е. абсолютно бездомные люди, и в данном случае статистиками не регистрировались, так как основная задача заключалась в том, чтобы зарегистрировать сельские хозяйства и семьи.

Таяла, разрушалась сама база казахского феодализма — мелкий производитель — крестьянин. Неуклонно возрастало количество таких крестьянских хозяйств, с которых феодалу уже нечего или почти нечего было взять, как с мелких производителей. Большинство из них имели только свою рабочую силу, которую и продавали на рынке труда. Бесплатно они уже не могли работать убая с тем, чтобы свой необходимый продукт вырабатывать в своем хозяйстве. Простая байская «благотворительность» (так называемая «помощь») уже не устраивала ни бедноту, ни байство. Бесхозным париям нужно было платить заработную плату, и байство начало переходить к найму рабочей силы, как к более выгодному в условиях развития денежных отношений способу эксплуатации. Но для этого нужно было развивать товарное капиталистическое производство, коренным образом перестраивать систему хозяйства. Не все феодально-байские хозяйства успешно приспособлялись к новым условиям. Крупнейшее байство приспособлялось с трудом и вступило, как показано выше, в полосу кризиса.

* * *

После сказанного о распределении стада между социальными группами наши представления об экономическом содержании описанной выше борьбы за землю становятся еще более определенными.

Экономическим содержанием крестьянской борьбы за

землю, против царизма и местных феодалов, независимо от того, признавало это крестьянство или не признавало, являлась борьба за демократический, «крестьянский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Каждый успех крестьянства на этом пути (развитие земледелия и сенокосения, победы крестьянства в части уравнительного землепользования и др.) ускорял развитие капитализма, оттеснял феодальную и торгово-ростовщическую эксплуатацию и казахского, и переселенческого крестьянства.

Борьба феодального байства за землю против крестьянства — с одной стороны, царизма — с другой, также создавала возможности для развития капитализма, но она имела принципиальное отличие от крестьянской. Крестьянство, борясь за землю, стремилось не только к ликвидации царского господства и всей системы колониальной эксплуатации края, но и к расчистке сельского хозяйства от феодальных отношений вообще. Феодальное байство, борясь за землю, фактически выступало за сохранение и укрепление феодализма. Эта борьба также не останавливала развития капитализма в сельском хозяйстве, наоборот, содействовала его развитию, но направляла этот процесс по мучительному (октябристско-прусскому) пути.

В кратком изложении наши выводы сводятся к следующему.

Первое. Со вступлением России в период империализма в Казахстане обострилась борьба байства с русскими крепостниками-помещиками за землю и за октябристско-пруссский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Этим объясняется оппозиция байства царизму и вскрываются социально-экономические предпосылки алаш-ордынского движения, как движения в основе своей байско-буржуазного.

Второе. Борясь за землю, за сохранение и развитие феодального кочевого животноводческого хозяйства, вступавшего на путь капитализма, алаш-ордынцы шли на сближение с кадетской оппозицией царизму по колониальному вопросу. И те и другие боролись за то, чтобы устранить посредничество царизма в организации колониальной эксплуатации края, лишить царизм верховного права на казахские земли, прекратить получение царским правительством феодальной ренты с казахских земель.

Третье. В этой обстановке царизму, империалистической буржуазии и байству противостояло казахское крестьянство. Социально-экономическим содержанием его революционного движения была борьба за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Рабочий класс поддерживал это движение как антицаристское, антиимпериалистическое и антифеодальное. На этой основе в революции

1917 г. совершилось объединение борьбы рабочего класса за социализм с демократической борьбой казахского крестьянства за свое национальное и социальное освобождение.

Четвертое. Установив, что в последние годы перед революцией казахское сельское хозяйство переживало глубокий кризис, в связи с чем крестьянство интенсивно разорялось, количество бедноты в аулах быстро возрастало, мы убедились, как были велики в ауле крестьянские резервы, которые рабочий класс мог использовать и действительно использовал в своей борьбе против царизма и империалистической буржуазии. Это были огромные кадры полупролетаризированной и пауперизированной крестьянской бедноты, через которую рабочий класс оказывал свое влияние и на среднее крестьянство.

V. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Процесс классового расслоения переселенческого крестьянства, в отличие от казахского, имел свои особенности. Проследим, насколько позволяют источники, следующие основные вопросы: какого типа крестьянство переселялось из Европейской России, как протекало в поселках капиталистическое разложение крестьянства после водворения, как влияли на его расслоение непрерывный приток новых переселенцев-новоселов и уход многих обратно на родину и в города.

1. Состав переселенцев из России по их благосостоянию

«Известно, что переселяются главным образом крестьяне из губерний земледельческих... в которых всего более развиты отработки»... и что «из районов выселения идет главным образом крестьянство *среднего достатка*, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства»¹. Так оценивал состав переселенцев за Урал В. И. Ленин.

Уход крестьянства из Европейской России прежде всего вызывался тяжестью эксплуатации со стороны помещиков-крепостников. За Урал шло главным образом среднеобеспеченное крестьянство в надежде избавиться от жестокой крепостнической эксплуатации, восстановить и укрепить свое мелкое крестьянское хозяйство на земельных просторах Сибири. Вот данные об обеспеченности переселенцев Степного края конца XIX в. пахотной землей и рабочим скотом на родине (табл. 25).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 175.

1898—1901 гг. Обеспеченность обследованных переселенцев пахотной землей и рабочим скотом на родине²

Группы хозяйств по количеству пахотной земли на родине	Количество хозяйств	% к итогу	Группы хозяйств по количеству рабочего скота на родине	Количество хозяйств	% к итогу
Безземельные	3040	20,9	Без всякого скота	1750	12,1
До 5 десятин пашни	8461	58,0	Без рабочего скота	1345	9,3
6—10 »	2087	14,3	1 лошадь (1 пара волов)	4165	28,8
11—15 »	524	3,7	2 лошади (2 пары волов)	3455	23,9
16—25 »	332	2,3	3—5 лошадей (3—5 пар волов)	2806	19,4
Свыше 25 »	114	0,8	Более 5 лошадей (более 5 пар волов)	922	6,5
Итого	14576	100,0		14443	100,0

В таблице 27 учтены только те переселенческие хозяйства, о которых имелись сведения о материальном положении их на родине. Все они переселились в степные области за время с начала 80-х годов по год обследования.

Что говорят эти данные о достатке крестьян на родине?

Прежде всего совершенно ясно, что бедноты и зажиточных среди переселенцев было значительно меньше, чем их насчитывалось на родине в общей массе хозяйств. Преобладали крестьяне среднего достатка. Только среди семейств, имевших 25 десятин посева и более 5 лошадей (5 пар волов), имелись отдельные хозяйства, которые шли в Сибирь в надежде на предпринимательство, богатую кулацкую жизнь. Среди остальных только небольшая часть (безземельные и бесскотные семьи), очевидно, больше рассчитывали на заработки, чем на обоснование самостоятельного хозяйства. Подавляющее большинство переселенцев шло в Степной край, чтобы укрепить и расширить свое мелкое самостоятельное хозяйство. Сопоставление данных об обеспеченности скотом и землей убеждает, что они *уже* не имели

² «Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по обследованию степных областей», тт. 2—7. СПб., 1907. Уезды: Кустанайский, Петропавловский, Акмолинский, Омский, Актюбинский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский. В томе I (Кокчетавский уезд) таких данных нет.

достаточно земли, чтобы удовлетворить насущные потребности своей семьи, но *еще* имели такое количество рабочего скота, что могли расширить свои запашки.

Переселяющиеся семьи в значительной своей части принадлежали к числу занимавшихся не только (а некоторые не столько) земледелием, но и разными промыслами. Из 19 793 опрошенных по семи уездам приписных хозяйств переселенцев 10 081 хозяйство (больше половины) имело на родине разные промыслы. В том числе: отпускали годовых и сроковых батраков — 2704 хозяйства, нанимались на сдельные сельскохозяйственные работы — 3235, имели отхожие земледельческие промыслы — 2557, занимались ремеслом — 1614, выделяли рабочих на фабрики и заводы — 489, ходили в извоз — 871, занимались торговлей — 172, имели прочие промыслы — 1152 хозяйства. Некоторые хозяйства имели более чем одно из названных сторонних занятий. Эта

Таблица 26

1904—1905 гг. Уезды:
Кустанайский и Актюбинский.
Расслоение переселенцев
по количеству привезенных
денег⁴

Группы хозяйств, привезших с собой деньги	Число хозяйств	% к итогу
До 100 руб.	4239	50,1
101—200 »	1723	20,4
201—300 »	876	10,4
301—400 »	433	5,1
401—600 »	557	6,6
601—800 »	264	3,1
Свыше 800 »	371	4,3
Итого	8463	100,0

справка показывает, что в Казахстане шел русский крестьянин-средняк, который уже на родине переживал процесс разложения своего земледельческого хозяйства, постепенно включался в занятия, не имевшие непосредственной связи с его собственным сельским хозяйством. В большинстве случаев — это работы по найму. Только 172 хозяйства (1,7 проц.) занимались торговлей³.

Таким образом, землю в Казахстане получало русское крестьянство, уже вступавшее на путь пролетаризации. Очень незначительная часть — торговцы и зажиточные крестьяне — переселялись в надежде обосновать эксплуататорские кулацкие хозяйства.

Так характеризуется обеспеченность переселенцев конца XIX в. Подробных данных о благосостоянии переселенцев XX в. в обследованиях не находим. Но вот данные о привезенных деньгах по группам семейств переселенцев Кустанайского и Актюбинского уездов, обследованных^в

³ Там же (без Кокчетавского уезда). Подсчет наш.

⁴ «Материалы по обследованию переселенческого хозяйства Кустанайского и Актюбинского уездов», ч. II, таблицы.

1904—1905 гг. (табл. 26). Максимум привезенных денег в хозяйстве — 20 000 руб.

Среди переселенцев преобладали семьи, привезшие с собой мизерное количество денег — до 200 руб. Таких семейств более 70 проц. Вместе с тем имелись отдельные хозяйства, начинавшие свою жизнь на новом месте со значительным денежным запасом, что давало возможность с первого же дня эксплуатировать пришедшую вместе с ними в поселок бедноту. В частности, хозяйство, имевшее 20 тыс. руб., было, несомненно, кулацкое, предпринимательское.

Самый процесс переселения углублял имущественное неравенство среди переселенцев. Крестьянские семьи в процессе переселения разорялись. Особенно сильно растрачивали свои деньги, скот и имущество малоземельные хозяйства.

Приводим подсчет по пяти уездам, обследованным в 1898—1901 гг. (табл. 27).

Таблица 27

Переселенческие поселки Кустанайского, Петропавловского, Акмолинского, Омского и Атбасарского уездов.
Обеспеченность деньгами и скотом при водворении⁵

Группы по количеству посева в поселках	Обеспеченность деньгами			Обеспечен. скотом*		
	выручено при ликвидации имущества на родине, руб.	привезено с собой и прислабно в первые годы, руб.	% привезенных и присланных к вырученному	было на родине голов крупного скота	доставлено в поселок при водворении	% доставленного к бывшему на родине
I. Без посева	8965,5	5009,2	55,9	384	64	16,7
II. С посевом до 5 десятин	406837,3	124082,0	30,5	11776	1988	16,9
III. » 6—10	536354,0	207590,0	38,7	14727	2966	20,1
IV. » 11—20	426974,0	216141,6	50,6	12386	3193	25,8
V. » 21—40	304455,0	216858,0	71,2	9551	3753	39,3
Итого	1683585,8	769680,8	45,7	48824	11964	24,5

* Без Атбасарского уезда.

Переселенцы ликвидировали на родине свое хозяйство, у них в результате этой ликвидации создавались известные денежные запасы. Но в процессе переселения они растрачивали около половины запасов. Со скотом обстояло дело не

⁵ «Материалы по обследованию переселенческого хозяйства...». Подсчет наш.

лучше: на места поселения переселенцы приводили меньше четверти скота, имевшегося у них на родине. Совершенно ясно, что самый процесс переселения обессиливал переселенческие хозяйства экономически.

Меж тем именно от запасов денег и имущества, привезенных с собой, зависело, как обосновывались хозяйства в местах водворения. Если исключить хозяйства без посева (это по преимуществу только что водворившиеся крестьяне), то во всех остальных группах наблюдается последовательная закономерность: чем бóльшую долю денег и скота, имевшихся на родине, довели переселенцы до поселков, тем к более высокой группе по посеву теперь принадлежали их хозяйства. Уровень обеспеченности переселенцев с самого начала в новых местах поселения оказывает влияние на дальнейшее развитие их имущественной дифференциации. Хозяйства, более обеспеченные на родине, и в процессе переселения теряли меньшую долю своего скота и денег. Более бедные интенсивно беднели уже в процессе переселения. Дифференциация переселенцев усиливалась. В поселках она являлась исходной базой для роста из числа переселенцев кулачества и увеличения числа бедноты.

Так происходило уже в конце XIX в. Следующая таблица показывает, что те же явления в XX в. были выражены еще ярче (табл. 28).

В 1911 г. в части растраты переселенцами денежных запасов обнаруживается та же закономерность, какая наблюдалась и в конце XIX в.: чем беднее были крестьяне на родине, тем большую долю своих денежных запасов они растрачивали в процессе переселения и тем труднее устраивались на новом месте.

Важно отметить, что из 6721 хозяйства, имевшего денежные запасы при уходе с родины, довели какую-то долю этих запасов до поселков только 4882 хозяйства — 72,6 проц. При этом наибольшее количество безденежных хозяйств оказывается среди беспосевных и имевших до одной десятой посева.

Именно беднота прежде всего теряла надежду на то, что здесь, в степных областях, она найдет условия для обеспеченной жизни. Значительное количество среднеобеспеченных крестьян на новых местах не могли восстановить свое хозяйство даже в тех размерах, каким оно было на родине, постепенно разорялись. Богатели, наживались единицы — это кулаки.

Из Европейской России уходили крестьяне, наиболее недовольные своим положением. С первых лет поселения на новом месте среди большинства переселенцев это недоволь-

1911 г. Акмолинский и Омский уезды. Обеспеченность переселенцев деньгами при переселении из России и при водворении ⁶

Группы хозяйств по количеству посева в поселках	При переселении с родины было		При водворении на участок было		В среднем на хоз-во, имевшее деньги		Привезено на хоз-во, имевшее деньги, в % к имевшимся на родине
	хозяйств с деньгами	у них руб.	хозяйств с деньгами	у них руб.	при переселении с родины	привезено на участок	
А. Хозяйства приписные:							
I. Без посева	318	87694	193	60658	275,8	314,3	114,0
II. Сеющие до 1 десятины	275	50168	139	14320	182,4	103,0	56,5
III. 1—3 десятины	1313	308567	829	95478	235,0	115,2	49,0
IV. 3—9 десятин	1261	702093	1533	275224	324,9	179,5	55,2
V. Свыше 9 »	1540	842249	1164	412069	546,9	354,0	64,7
Б. Хозяйства неприписные:	1114	439679	1024	270084	394,7	263,8	66,8
Итого	6721	2430450	4882	1127833	361,6	231,0	58,0

ство царскими порядками не только не уменьшалось, но возрастало.

Царизм рассчитывал создать из переселенцев себе опору против коренного населения. На деле к недовольному своим положением местному крестьянству прибавлялся уже в процессе переселения отряд недовольной бедноты и среднего крестьянства из числа переселенцев.

Рассмотрим, как шел процесс расслоения переселенческого крестьянства после водворения.

2. Расслоение переселенцев к концу XIX века

Несмотря на большое количество обследований переселенческих поселков, для характеристики расслоения переселенцев и развития капитализма в поселках мы имеем очень скудный материал. Это объясняется неправильной, ненаучной методикой обследований. Главным недостатком их яв-

⁶ «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири». Вып. II и III. СПб., 1912.

ляется неправильная группировка хозяйств по принципу продолжительности проживания в поселках. По этой причине только незначительная часть материалов может быть использована для характеристики имущественного и классового расслоения поселков.

Наиболее полными данными о расслоении переселенцев являются уже частично использованные выше обследования конца XIX в. (табл. 29).

Таблица 29

1896—1901 гг. Расслоение переселенческих поселков по посеву⁷

Группы хозяйств по количеству посева	Приписные		Сторонние	
	число хозяйств	% к итогу	число хозяйств	% к итогу
Без посева	1228	6,7	610	18,7
С посевом до 5 десятин	7485	41,3	1677	51,5
» 6—10 »	5363	29,6	626	19,2
» 11—20 »	3026	16,7	276	8,6
» 21—40 »	859	4,7	57	1,8
Свыше 40 »	176	1,0	8	0,2
Итого по уездам	18137	100,0	3254	100,0

В материалах отдельно показаны так называемые приписные хозяйства, получившие в поселках наделы, и «сторонние», т. е. хозяйства, прибывшие в поселки, но еще не получившие наделов.

Подсчет обнаруживает, что расслоение переселенцев уже к концу XIX в. достигло значительных размеров. Даже среди приписных хозяйств, получивших наделы, насчитывалось около 7 проц. не имевших посевов, а вместе с хозяйствами, имевшими мизерный посев (до 5 десятин), количество явной бедноты достигало 48 проц. общего количества хозяйств. В то же время зажиточных и явных кулаков (21 и более десятин посева) было около 5 проц.

Как видим, не все хозяйства, даже при наличии земли, немедленно обзаводились посевами. Вместе с тем не так большое количество хозяйств можно причислить к крупнопосевным (более 40 десятин) — всего 1 проц.

⁷ Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский уезды.

Что касается «сторонних», то среди них преобладала беднота: 70 проц. из них (против 48 проц. среди приписных) составляли беспосевные и с посевом до 5 десятин. Не легко давалось переселенцам развитие земледелия в новом краю.

Чтобы определить социальную дифференциацию поселков, рассмотрим данные о найме и отпуске рабочей силы. К сожалению, дифференцированно эти данные подсчитаны исследователями только по хозяйствам, водворившимся в поселках четыре и более лет назад, причем только по найму и отпуску годовых и полугодовых батраков. Проследим, однако, как отразилась в них классовая дифференциация (табл. 30).

Таблица 30

1896—1901 гг. Найм и отпуск годовых и полугодовых батраков в хозяйствах, водворившихся в поселках четыре и более лет назад⁸

Группы хозяйств по количеству посева	всего хозяйств	% к итогу	Число хозяйств, имеющих годовых и полугодовых батраков	% к общему количеству	Наято годовых и полугодовых батраков		Число хозяйств, отпускающих годовых и полугодовых батраков	% к общему количеству	Отпущено годовых и полугодовых батраков	
					всего	на найме — ющее хозяйство			всего	на хоз-во, отпускающ. батраков
I. Без посева	152	1,0	8	5,3	8	1,00	30	19,8	37	1,2
II. С посевом до 5 десятин	5084	36,5	49	0,9	51	1,04	525	10,4	626	1,2
III. 6—10 »	4436	31,2	110	2,5	116	1,06	254	5,7	315	1,2
IV. 11—20 »	2901	21,6	313	10,7	333	1,08	70	2,4	89	1,3
V. 21—40 »	1294	9,4	648	49,2	959	1,17	11	0,8	14	1,3
VI. Свыше 40 »	43	0,3								
Итого	13910	100,0	1128	8,1	1469	1,03	890	6,1	1081	1,2

Большое своеобразие отмечается по этим данным. Прежде всего наблюдается не такое широкое развитие капиталистического найма, какое можно было ожидать среди кре-

⁸ «Материалы по переселенческому хозяйству...». Акмолинская область — Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Омский, Петропавловский уезды; Семипалатинская область — Семипалатинский, Усть-Каменогорский уезды; Тургайская область — Кустанайский уезд.

стьянства, ставшего на путь капиталистической дифференциации. Нанимают всего 8,1 проц. хозяйств. В высших социальных группах (V и VI) нанимают батраков менее половины хозяйств, причем ничтожно мало, в среднем 1,2 человека на нанимающее хозяйство, при среднем итоге на нанимающие хозяйства 1,03 человека.

Не забудем, что это не человеко-годы, а количество работников, часть которых нанималась на полгода. Если бы мы имели возможность перевести эти цифры в человеко-годы, то показатель оказался бы еще меньшим.

Данные таблицы прежде всего свидетельствуют, что наем батраков в поселках вытекал не только из объема запасов, но также из средств на домообзаводство у новоселов. Во всех социальных группах, в том числе и у беспосевных, имеются хозяйства, которые нанимают работников в помощь семье в процессе домообзаводства. Характерно, что среди беспосевных, т. е. еще не обзаведшихся пахотой, но уже устраивавшихся на новых местах, процент нанимающих хозяйств выше, чем среди сеющих до 10 десятин.

То же подтверждается и графами об отпуске рабочей силы. Число хозяйств, отпускающих батраков, как и число лиц, отпущенных ими на заработки, значительно меньше, чем нанимающих и нанятых работников. Это означает, что спрос на рабочие руки удовлетворялся не только за счет круга учтенных в таблице хозяйств. С другой стороны, наблюдаем, что небольшое количество даже многопосевных хозяйств также отпускает батраков. Это, несомненно, хозяйства, многопосевность которых объясняется не столько их зажиточностью, сколько многосемейностью. Имея излишнюю рабочую силу и нужду в средствах для домообзаводства, они отпускают членов семьи на заработки.

Вообще же, при всех названных своеобразных чертах и распространенности займа и отпуска рабочей силы, даже ограниченные показатели таблицы 30 позволяют разделить хозяйства переселенческих поселков на три социальные группы. Первая группа (без посева и сеющая до 5 десятин на хозяйство) — беднота. Здесь наиболее высокий процент (10—20) хозяйств, отпускающих батраков, и наименьший процент — нанимающих. Вторая, высшая группа — сеющие 21 и более десятин на хозяйство. Это зажиточные и кулаки. Среди них более половины хозяйств, прибегающих к найму батраков, и только 0,8 проц. — отпускающих работников. Показатели таблицы не позволяют дифференцировать зажиточных от кулаков по найму рабочей силы. Но ориентировочно можно считать, что хозяйства с посевом 21—40 десятин — это зажиточные, сеющие свыше 40 десятин — кулаки.

Третья группа (промежуточная между двумя названными) — среднее крестьянство. Она имеет от 6 до 20 десятин посева на хозяйство, нанимает значительно меньше, чем вторая группа, и больше, чем первая, и отпускает батраков много меньше, чем первая, и больше, чем вторая.

Данных таблицы вполне достаточно, чтобы по названным размерам посева ориентировочно определить социальные группы крестьянских поселков: беднота, среднее крестьянство, зажиточные, кулаки. Но количественные соотношения названных групп таблица не устанавливает, поскольку она не охватывает всех жителей поселков. Недостаточно этих данных и для того, чтобы во всем объеме представить эксплуататорскую деятельность кулаков, как и общую распространенность работ по найму среди бедноты, так как не учтен поденный наем и срочной, меньше полугода. Чтобы несколько заполнить этот пробел, мы подсчитали все хозяйства по шести уездам (из восьми, представленных в табл. 30)⁹.

В результате получены выразительные показатели. В этих уездах оказалось 32,9 проц. новоселов, проживших в поселках менее четырех лет. При этом, если среди проживших в поселке четыре и более лет было 7,8 проц. хозяйств, нанимавших батраков, то среди всех хозяйств этот процент значительно ниже — 5,6. Это означает, что среди старожилов было значительно больше эксплуататорских хозяйств, чем среди новоселов, как и большая часть бедноты, предлагавшая свой труд, принадлежала к числу новоселов. В общем же для всей кулацкой верхушки поселков источником рабочей силы были в первую очередь новоселы и «сторонние» хозяйства, вместе с тем выносила свой труд на рынок и беднота из числа старожилов.

При огромном количестве незанятой рабочей силы беднота шла не только на сельскохозяйственные работы по найму. Подсчет количества лиц, занятых промыслами в поселках шести уездов¹⁰, показал, что здесь из общего количества 8498 человек, занятых разными видами промыслов, в сельском хозяйстве работали 3341 человек, ремеслом и кустарными промыслами занимались 2623 человека — соответственно 39,3 и 30,9 проц. Ремесленники, как видим, по отношению к работающим по сельскохозяйственному найму среди переселенцев составляли 78,3 проц. При этом, как

---

⁹ «Материалы по переселенческому хозяйству...». Акмолинский, Омский, Атбасарский, Кокчетавский, Петропавловский уезды Акмолинской области и Кустанайский — Тургайской области.

¹⁰ Акмолинский, Омский, Атбасарский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский.

самб собой разумеется, ремесленники своими промыслами были, как правило, заняты круглый год, а среди сельскохозяйственных работников по найму были также поденщики и работники на сдельных сельскохозяйственных работах, т. е. занятые спорадически.

Этот факт, помимо всего прочего, обнаруживает еще одно важное явление: русские крестьяне принесли в край свои навыки не только по ведению земледельческого хозяйства, но и по разного вида ремеслам. Как отмечено выше, 8,2 проц. переселенческих хозяйств на родине занимались ремеслом. В Казахстане они не забросили свое ремесленное производство, а даже развили его. Этому способствовали общие условия на новом месте: и переселенцы, и казахи предъявляли такой спрос на обувь, одежду и разные поделки для сельского хозяйства и домашнего быта, который не удовлетворялся ни завозом из России, ни местной промышленностью. Ремесленники, рассеянные по поселкам, с успехом специализировались по производству названных изделий.

Вместе с тем этим объясняется и то, почему, согласно таблице 30, был низок процент бедняцких хозяйств, отпустивших батраков: беднота занималась не только батрачеством, но и ремеслами, а также отпускала работников на другие работы по найму. Например, по тем же шести уездам было учтено 495 человек, работавших на железной дороге и в городах, на заводах и приисках, и 114 занятых извозом.

Что касается сельскохозяйственного найма, то среди названных 3341 работника было: батраков — 1330 (39,8 проц.), поденных рабочих — 164 (4,9 проц.), работников на сдельных сельскохозяйственных работах — 660 (19,8 проц.), пастухов и погонщиков скота — 251 (7,5 проц.).

Обращает на себя внимание категория работников по найму на жатве и молотье машинами, их было 190 человек (5,7 проц.). Это работники из хозяйств, имевших машины и ссужавших их в другие хозяйства вместе с членом своей семьи. Такой наем был широко распространен в степных областях.

Положение бедноты ухудшалось еще тем, что обилие излишних рабочих рук в поселках создавало благоприятные условия для кулацких «прижимок». Процветали именно *кулацкие* (в ущерб капиталистическим — фермерским) формы эксплуатации — ростовщичество и торговля — и неизменные их спутники — отработка и издольщина. Из числа переселенцев, что еще будет показано ниже, вырастали не капиталисты-фермеры, а *кулаки* подчеркнуто «русского» типа, низовая агентура октябристского капитала.

Богатство описываемых кулацких хозяйств заключалось

не только в обширности их запашек, но и в обладании скотом. Вот подсчет распределения скота по анализируемым группам посева (табл. 31).

Таблица 31

1896—1901 гг. Распределение скота в переселенческих поселках по социальным группам ¹¹

Группы хозяйств по количеству посева	Число хозяйств		У них голов скота по видам					
	всего	% к итогу	лошадей и верблюдов	крупного рогатого скота	гулевого и мелкого скота	всего голов	% к итогу	голов на 1 хозяйство
I. Без посева	690	41,9	53	92	110	255	12,5	0,4
II. С посевом до 5 десятин	3391		2317	3751	5342	11413		3,4
» 6—10 »	2878	50,0	3399	7784	10847	22030	55,7	7,7
» 11—20 »	2000	8,1	3785	13238	13232	30255	31,0	15,1
» 21 и более	787		3071	9473	17305	29849		37,9
Итого	9746	100	12625	34341	46836	93802	100	9,6

Таблица подтверждает, что нищета в поселках уже к концу XIX в. достигла огромных размеров. Беднота без посева и с посевом до 5 десятин имела только 12,5 проц. скота от общего стада. Зато 8,1 проц. зажиточных и кулаков, захватив в свои руки обширные пашни, владели также 31,8 проц. стада. Если же учесть бедноту из числа «сторонних», то дифференциация между бедняцкой и кулацкой частями поселков будет еще более глубокой.

Обследователи Переселенческого управления для того и избрали за основную группировку хозяйств по времени водворения их в поселках, чтобы с торжеством истых колонизаторов констатировать, что чем дольше жили крестьяне в поселках, тем зажиточнее они становились. Теперь мы видим, чего стоят эти обобщения.

Действительно, старожилы были зажиточнее новоселов, но колонизаторы старались не замечать, что повышение удельного веса зажиточных среди старожилов происходило главным образом вследствие бегства бедноты из поселков назад, в Россию и города. Несомненно, на новых землях происходил процесс восстановления мелкого крестьянского земледельческого хозяйства, оставленного переселенцами на родине. Для какой-то части удачно устроившихся на но-

¹¹ Пять уездов: Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский.

вых землях крестьянских семей это был процесс расширенного воспроизводства их мелкого хозяйства. Но колонизаторы умалчивали, что это расширенное воспроизводство хозяйства одной части переселенцев порождало нищету другой. И беднота разбегалась, находила заработки за пределами поселков или уходила обратно на родину.

Таковы итоги социального расслоения переселенцев к концу XIX в. Проследим теперь расслоение крестьян-переселенцев в начале XX в.

3. Классовая дифференциация в переселенческих поселках в начале XX века

Только по разрозненным, часто несравнимым, отрывочным данным можно продолжить наш анализ классовой дифференциации переселенческого хозяйства степных областей в дальнейший период истории российского империализма — начало XX в. Проследим эволюцию площадей посева по социальным группам, как она отразилась в источниках.

Таблица 32
1899 и 1911 гг. Расслоение переселенцев по количеству посева в селениях Усть-Каменогорского уезда¹²

Группы хозяйств по количеству посева	Кол-во хозяйств в % к итогу		
	10 поселков в 1899 г.	Селение Георгиевское	
		1899 г.	1911 г.
Без посева	15,7	0,6	4,0
С посевом до 5 десятин	37,5	23,6	21,3
» 6—10 »	28,8	69,0	29,7
» 11—20 »	14,1		31,7
» 21—40 »	3,9	6,8	12,4
Свыше 40 »	—	—	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Из всех обследований только данные по десяти поселкам Усть-Каменогорского уезда за 1899 г.¹³ и повторного обследования одного из них — поселка Георгиевского в

¹² «Селение Георгиевское Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. По данным описания 1911 г.». Семипалатинск, 1911, стр. 13; «Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях... Семипалатинская область. Семипалатинский и Усть-Каменогорский уезды», т. VIII. СПб., 1907.

¹³ В уезде в 1899 г. было всего 10 поселков, насчитывавших 389 хозяйств.

1911 г. — имеют одну и ту же группировку по площади посева. Ознакомимся с результатами этих обследований (табл. 32).

Селение Георгиевское было основано в 1893 г. Первый раз оно обследовано в 1899 г. в числе десяти поселков уезда. Сравнивая общие данные по уезду с данными за тот же год по поселку Георгиевскому, обнаруживаем, что он отличается особой зажиточностью: здесь было меньше бедноты и больше зажиточных, кулацких хозяйств, чем в среднем по уезду. Кроме того, в 1911 г. он был избран для обследования, как поселок, в котором наблюдался «любопытный факт сочетания зернового и скотоводческого хозяйства»¹⁴. А это, как увидим, также имело большое значение в экономической жизни переселенческих поселков, как условие, смягчающее обнищание переселенцев.

И все же цифры показывают, что в поселке совершался процесс разорения значительной части хозяйств. Удельный вес бедноты за 12 лет возрос с 24,2 до 25,3 проц., причем за счет увеличения количества беспосевных. Группа зажиточных дифференцировалась. Из ее числа выделилось два многопосевных хозяйства, какие мы условились оценивать как кулацкие. Удельный вес средних хозяйств снизился с 69 до 61,4 проц. Словом, в поселке наблюдаем типичный процесс дифференциации крестьянства периода развития капитализма, несмотря на то, что благоприятные условия для развития животноводства смягчали процесс обнищания крестьянства.

Другим показателем дифференциации переселенцев по посевам может служить сравнение результатов обследования поселков Акмолинской области за 1896—1901 и 1910 гг. (табл. 33).

Недостатком данных таблицы 33 является совершенно неудовлетворительная группировка: высшая группа — свыше 11 десятин посева на хозяйство — не дифференцирована. Поэтому нет возможности четко выделить зажиточных и кулаков от среднего крестьянства. Тем не менее таблица дает материал для иллюстрации обнищания деревни.

Обследование девяти «типичных» поселков в 1910 г. было предпринято с намерением проиллюстрировать «благоденствие» переселенцев в новом краю. С этой целью статистики избрали для описания наиболее крупные и благоустроенные поселки: среднее количество дворов на обследованный поселок — 184. Но, несмотря на стремление статистиков приукрасить положение переселенцев, все же к 1910 г. наблюдается большой рост количества бедноты по

¹⁴ «Селение Георгиевское...», стр. 1 (предисловие).

Таблица 33

**Дифференциация переселенцев Акмолинской области
по количеству посева ¹⁵**

Группы хозяйств по количеству посева	1896—1901 гг. 3 уезда*		1910 г. 9 типичных поселков Кокчетавского и Петропавловского уездов	
	число хозяйств	% к итогу	число хозяйств	% к итогу
Без посева	579	6,8	50	3,0
С посевом до 3 десятин	3024	35,5	526	31,7
» 3—5 »	2542	29,8	415	25,0
» 5—11 »	2377	27,9	319	19,3
Свыше 11 »				
Итого	8522	100,0	1659	100,0

* Акмолинский, Атбасарский и Кокчетавский.

сравнению с 1896—1901 гг., почти 56 проц. против 42,3. Это происходит как в результате разорения старожилов, так и за счет прилива все новых и новых переселенцев из Европейской России. Приток бедноты влияет на падение удельного веса группы с посевом свыше 11 десятин, включающей в себя зажиточных и кулаков. В абсолютных величинах эта группа, очевидно, возростала. Но количество бедноты росло быстрее, удельный вес высшей группы по количеству хозяйств падал.

И все же по данным таблицы 33 процесс обеднения поселков вскрывается не в полной мере, поскольку сведения за 1910 г. относятся к ограниченному количеству специально отобранных поселков с целью затушевать действитель-

¹⁵ За 1896—1901 гг. использованы «Материалы по переселенческому хозяйству...» (Атбасарский, Кокчетавский и Акмолинский уезды); за 1910 г. — «Статистические материалы по подворному обследованию переселенческих хозяйств 9 типичных поселков (4 — Кокчетавского и 5 — Петропавловского уездов Акмолинской области за 1910 г.)». Омск, 1911.

ное положение переселенцев. Имеется возможность дополнить и уточнить наши выводы с помощью следующего подсчета по архивным материалам (табл. 34).

Таблица 34

Омский уезд Акмолинской области.
 Расслоение переселенцев и их задолженность государству¹⁶

Группы хозяйств по количеству рабочего скота	1900—1901 гг. 29 поселков		1912 г. 24 поселка. Хозяйства, пострадавшие при разливе Иртыша						
	Всего хозяйств	% к итогу	Всего хозяйств	% к итогу	Стоимость имущества, руб.		Задолженность государству деньгами и зерном*, руб.		
					всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	% к стоимости имущества
Без скота	34	1,7	39	6,3	3913	100,3	5977	153,3	152,7
Без рабочего скота	75	3,7	55	8,9	7036	127,9	7739	140,7	110,0
1 лошадь (1 пара быков)	498	24,6	131	21,2	37357	285,2	21579	164,7	57,8
2 лошади (2 пары быков)	674	33,4	155	25,1	47888	309,0	25575	165,0	53,4
3—5 лошадей (3—5 пар быков)	661	32,7	188	30,5	125294	666,5	27795	147,8	22,2
Больше 5 лошадей (больше 5 пар быков)	78	3,9	49	8,0	80204	1636,8	10284	209,9	12,8
Итого	2020	100	617	100	301692	489,0	98949	160,4	32,8

* Норма перевода зерна на деньги: 1 пуд равен 0,7 руб.

Мы воспользовались тем, что в 1912 г. администрация составила списки переселенческих хозяйств Омского уезда, пострадавших от разлива Иртыша, с тем, чтобы выдать им пособие. В списках против каждого хозяйства перечислено имущество, имевшееся до наводнения (постройки, скот, инвентарь) с указанием их стоимости по оценке понятых.

¹⁶ За 1900—1901 гг. — «Материалы по переселенческому хозяйству. Акмолинская область, Омский уезд», т. V. СПб., 1907; за 1912 г. — наш подсчет по спискам переселенцев, пострадавших от наводнения весной 1912 г. ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 9230.

Кроме того, показана задолженность по государственным ссудам деньгами и зерном. Удалось подсчитать 617 хозяйств из 24 поселков, что составило более 30 проц. хозяйств уезда, обследованных в 1900—1901 гг. Что же обнаруживается по данным таблицы?

Прежде всего мы получили возможность по достаточно точным материалам наблюдать процесс расслоения поселков. За 12 лет количество хозяйств, не имевших скота или только рабочего скота, в процентном отношении возросло в 2,8 раза. Возрос и удельный вес кулацких хозяйств (5 лошадей или 5 пар быков) — в 2 раза. Расслоение и обнищание переселенцев шло значительно быстрее, чем об этом можно было судить по данным таблиц 32 и 33. Совершенно ясно, что на этот раз мы получили картину обнищания крестьянства и роста кулачества, наиболее точно отражающую действительность. Капиталистическая дифференциация деревни происходила с большой интенсивностью.

Но таблица 34 вскрывает также весьма важную особенность положения переселенцев — их кабальную задолженность государству, вытекавшую из недостатка средств на домообзаводство. Задолженность государству в первых двух бедняцких группах выше, чем стоимость всего их имущества (от 110 до 152 проц.). Такая беднота — уже не крестьяне. Это сельские пауперы, запродавшие крепостническому государству не только все свое имущество, но сверх того и часть рабочей силы. Чтобы отработать государству весь свой долг, бедняку из этих групп нужно было работать полностью два года без получения заработной платы.

Не в такой тяжелой мере, но было закабалено и среднее крестьянство. Больше половины их имущества также принадлежало не им, а государству. Только зажиточные и кулаки (3 и более лошадей или 3 и более пар быков) имели такой долг, который укреплял их хозяйство, облегчал эксплуатацию наемного труда и мог превращаться в их руках в капитал. Еще будет показано, что к обнаруживаемой, согласно данных таблицы, кабале государственной прибавлялась кабала кулацкая. Кулаки также ссужали беднякам и середнякам хлеб и деньги на ростовщических условиях.

Таким образом, ко всем другим причинам, вызывавшим расслоение переселенческой деревни, прибавлялась еще одна — царская и кулацкая кабала. Крестьянская колонизация Казахстана была крепостнической во всех отношениях. Российский военно-феодалный империализм, иначе говоря, крепостник-помещик, организованный в государство, противостоял переселенческому крестьянству, как феодал, выжимавший отработочную ренту в разных формах.

Не имея средств к существованию, беднота поселков, нуждавшаяся в заработках как для собственного пропитания, так и для отработки ренты и задолженности государству и кулачеству, дополнительно к казахской бедноте переполняла рынок труда Казахстана. В таких условиях естественно ожидать, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих должна стоять на крайне низком уровне. Меж тем в Казахстане, по данным текущей статистики, она была не ниже, чем в 50 губерниях Европейской России. Здесь в 1910 г. годовой рабочий в среднем получал на своих харчах 143 руб., на хозяйских — 86 руб. в год; в четырех областях Степного края — соответственно 145 и 89 руб. Только к 1915 г. она стала несколько ниже, чем в России¹⁷. Это объясняется отмеченной выше кабалой над беднотой поселков. Из зарплаты переселенцев вычитались значительные суммы и в возврат государственных ссуд и ростовщикам. Реальная заработная плата была ниже названной номинальной. Бедняку-переселенцу оставался крайний минимум его заработка.

В литературе много раз отмечалось бедственное положение бедняцкой части переселенцев. Наш подсчет наглядно показал, что закабаленная государством и кулачеством беднота переселенческих поселков жила значительно хуже, чем крестьянская беднота того же типа в Европейской России. Несомненно, среди беспосевных и малопосевных еще было какое-то количество крестьян, которые пока имели привезенные с родины деньги и имущество (таких, как помним, было не так много) и потому еще не потеряли возможности организовать в ближайшие годы середняцкое или даже кулацкое сельское хозяйство. Но это не меняет общего положения. Основная масса бедноты находилась в безвыходном положении. На путях полного разорения стояло и среднее крестьянство.

В борьбе за улучшение своего положения крестьянство перестраивало свое хозяйство из чисто земледельческого в земледельческо-скотоводческое. Какое значение имел этот процесс, можно показать на следующем факте.

В Кустанайском уезде Тургайской области среди хозяйств 12 поселков уезда, живших в них четыре и более лет, в 1898 г. насчитывалось беспосевных 1,2 проц., с посевом до 5 десятин — 21,4 проц. Всего бедноты — 22,6 проц. В 1910 г. в 20 поселках того же уезда насчитывалось беспосевных 6,5, сеявших до 5 десятин — 46,9 проц. хозяйств. Всего бедно-

---

¹⁷ «Статистика Российской империи», LXXX. СПб., 1913; То же, XCIV, 1917.

ты — 53,4 проц.¹⁸ Количество бедноты в поселках за 12 лет возросло более чем вдвое. И в данном случае обнаруживается катастрофическое обеднение поселков. Но в то же время в уезде в 1898 г. в хозяйствах учтенной бедноты было 5,2 проц. всего стада, в 1910 г. — 17,1 проц. (в переводе на лошадь). Потери бедноты в посевных площадях частично компенсировались приобретением скота. Но общая картина от этого изменилась очень мало, ибо удельный вес бедняцкого стада возрастал не столько по количеству голов на хозяйство, сколько в результате роста числа бедняцких хозяйств. И по этим данным устанавливаем, что обеднение переселенцев происходило катастрофически.

Приведенные факты, однако, свидетельствуют, что для крестьянской бедноты развитие животноводства было средством преодолеть свою нищету. Насколько велики были достижения крестьянства на этом пути, можно видеть по следующему подсчету состояния животноводства переселенцев того же Кустанайского уезда (табл. 35).

Таблица 35

1910 г. Сочетание земледелия и животноводства в приписных хозяйствах 20 переселенческих поселков Кустанайского уезда Тургайской области¹⁹

Группа хозяйств по количеству посева	Количество хозяйств, % к итогу	У них ед. скота (в переводе на лошадь)	% к итогу	Ед. скота на 1 хозяйство	Всего десятин посева	Ед. скота на десятину посева
Без посева	6,5	213	1,6	1,5	—	—
С посевом до 5 десятин	36,9	2021	15,5	2,5	2316	0,87
« 5—10 »	22,2	2188	16,8	4,5	3670	0,60
« 10—25 »	22,7	4119	31,6	8,3	7857	0,52
Более 25 »	11,7	4496	34,5	17,6	11656	0,39
Итого	100,0	13037	100,0	6,0	25499	0,51

¹⁸ За 1898 г. — «Материалы по переселенческому хозяйству... Кустанайский уезд», т. VI. СПб., 1907; за 1910 г. — «Очерк экономического положения поселков Кустанайского уезда, обследованных статистическим отделом в 1910 г.» Омск, 1911. Текст П. Хворостанского. Материалы собрал Мижаев.

¹⁹ См.: «Очерк экономического положения поселков Кустанайского уезда».

Из таблицы видно: чем ниже группа переселенцев по размерам посевов, тем больше в ней скота на единицу посева. Это означает, что беднота успешнее, чем зажиточные и кулачество, перестраивала свое хозяйство в земледельческо-животноводческое.

Сложные выводы вытекают из этого факта. Во-первых, в нем сказывается подспудная борьба переселенцев с русскими крепостниками-помещиками на хлебном рынке. Царизм чинил всяческие препятствия вывозу хлеба из края, чтобы дешевый крестьянский хлеб не снижал цены на помещичий хлеб в России. В этом направлении действовала тарифная политика царизма на Сибирской железной дороге (Челябинский перелом). Весьма затруднителен был также подвоз хлеба к редкой сети железных дорог. Царизм не торопился с прокладкой железнодорожных путей в хлебные районы.

Крестьянство было вынуждено постепенно переходить к преимущественному разведению скота, в ущерб земледелию. Но для этого требовались пастбища. И переселенцы присоединились к местному крестьянству, к его борьбе против царизма и байства, за такое оседание, чтобы наряду с пахотными землями получить также сенокосные и пастбищные угодья. Зарождался и нарастал серьезный конфликт в борьбе за пастбища между баями, с одной стороны, и переселенческим крестьянством и кулачеством — с другой.

Развитие крестьянского животноводства означало также все большее и большее вовлечение переселенцев в товарные отношения. Теперь продавали не только хлеб, но и скот, а также продукты скотоводства. Обострялся классовый конфликт между трудовым переселенческим крестьянством и торгово-ростовщическим капиталом.

Переходим к рассмотрению отношений эксплуатации в переселенческой деревне.

4. Формы эксплуатации переселенческого крестьянства. **Тип кулака-переселенца**

Дополнительно к сказанному выше о типе кулака-переселенца попытаемся определить, как широко был развит в поселках капитализм и как он переплетался с докапиталистическими формами эксплуатации. Наиболее полные данные о найме рабочей силы по группам переселенцев находим в обследовании переселенческих поселков Акмолинского и Омского уездов Акмолинской области, проведенном в 1911 г. (табл. 36).

1911 г. Наем рабочей силы в переселенческих хозяйствах
Акмолинского и Омского уездов²⁰

Группы хозяйств по количеству посева	Число хозяйств		Кол-во хозяйств, нанимающих работников		Нанято работников (чел.-года)		Уплачено за машинные и сдельные работы, руб.	
	всего	% к итогу	всего	% к общему кол-ву	всего	на 1 нанимающее хозяйство	всего руб.	на 1 хоз-во
Без посева	525	6,0	54	10,3	22,8	0,42	2991,0	5,54
С посевом до 1 десятины	411	4,6	174	42,3	14,6	0,08	1802,5	10,80
1—3 »	1828	20,6	727	39,8	16,6	0,02	9677,0	13,81
3—9 »	2926	32,9	1237	42,2	143,9	0,12	19859,5	16,00
Свыше 9 »	1881	21,1	1026	54,3	519,9	0,51	45736,0	44,58
Итого	7571	85,2	3218	42,5	704,4	0,22	80066,0	24,80
В хозяйствах неприписного населения	1315	14,8	385	29,3	38,6	0,10	6848,0	17,70
Всего	8886	100,0	3603	40,5	743,0	0,21	86914	24,12

Совершенно неудовлетворительная группировка хозяйств по площади посева, примененная статистиками, так затемняет картину распространенности найма рабочей силы по социальным группам, что очень трудно делать выводы. Согласно этой группировке, хозяйства переселенцев можно только условно разделить на три группы: беднота без посева и с посевом до 3 десятин, среднее крестьянство с посевом 3—9 десятин, зажиточные и кулачество — свыше 9 десятин. При такой группировке в группу середняков попадало значительное количество бедноты и в группу зажиточных — много среднеобеспеченных хозяйств. Эксплуататорскую же, кулацкую группу дифференцировать от зажиточных совершенно невозможно.

Какие выводы можно сделать из этих показателей?

Сравнивая их с данными таблицы 30 о найме рабочей силы в конце XIX в., прежде всего устанавливаем, что наем

²⁰ «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь». Вып. II. СПб., 1912, таблицы.

батраков за прошедшие 10—15 лет в переселенческих хозяйствах расширился по количеству нанимающих хозяйств (8,1 и 42,5 проц.). Но можно ли расценивать это явление как показатель торжества капиталистических отношений, превращения кулацких переселенческих хозяйств в фермерские?

На наш взгляд, нельзя. Дело в том, что среди нанимавших был большой процент самых бедных хозяйств поселков (сеющих до 3 десятин и даже беспосевных). Правда, эти хозяйства нанимали ничтожно мало работников (в пересчете на человеко-год), тем не менее наем был широко распространен. Это означает, что к найму прибегали новоселы, которым в процессе домообзаводства была необходима помощь со стороны. Такой наем вытекал не из расширения капитализма, а из возрастающего прилива в край новых переселенцев.

Собственно, капиталистический наем работников присутствует только в группе с посевом 9 и более десятин, да, пожалуй, еще среди беспосевных, в числе которых было некоторое количество владельцев торговых и промышленных заведений. Но и в этих группах нельзя весь наем работников целиком признать капиталистическим.

Обращают также на себя внимание следующие два обстоятельства: во-первых, что в высшей группе в среднем на нанимающее хозяйство приходилось работников в несколько раз больше, чем в малопосевных хозяйствах; во-вторых, что здесь на одно нанимающее хозяйство приходилось сдельного найма, в том числе работников с машинами, в среднем на 44,6 руб. в год, что примерно равняется полугодовому заработку батрака. Эти обстоятельства свидетельствуют, что капиталистический наем в поселках к 1911 г. расширился. В конце XIX в. зажиточные и кулаки в среднем нанимали 1,2 человека годовых и полугодовых батраков, а в начале XX в. — значительно больше.

Но это еще не означает, что из среды переселенцев в лице кулаков вырастали капиталисты-фермеры. Как и в конце XIX в., так в первом десятилетии XX в. кулак-переселенец оставался кулаком-мироедом, применявшим не столько капиталистические, сколько докапиталистические методы эксплуатации, эксплуатировал главным образом мелкого производителя — беднейшее и даже среднее крестьянство. Вот некоторые факты.

По четырем уездам ²¹ (из восьми, материалами обследования которых мы пользуемся в этой главе) учтены частные

---

²¹ Кустанайский, Акмолинский, Омский, Атбасарский. Обследованы в 1900—1901 гг.

долги переселенцев. Оказалось, что из общего количества (9275) приписных переселенческих хозяйств в год обследования имели место частные долги: деньгами — 4657 хозяйств (50,2 проц.) и натурой — 751 хозяйство (8,1 проц.). Их задолженность: деньгами — 116 589 руб., натурой — на 9563 руб. (не считая задолженности правительству по переселенческим ссудам, о которой сказано выше; см. табл. 34).

В поселке Георгиевском в 1911 г. было обследовано 202 хозяйства. На них приходилось долгов в деньгах — более 55 тыс. руб., натурой — на 241,4 руб. Это были долги главным образом беднейшей части крестьян-переселенцев²². В девяти поселках Кокчетавского и Петропавловского уездов в 1910 г. 558 беднейших хозяйств имели долгов около 30 тыс. руб. В среднем это около 54 руб. на задолжавшее хозяйство, почти годовой заработок батрака на харчах хозяина. Задолженность между хозяйствами дифференцировалась от 25 до 200 и более рублей на хозяйство; хозяйств, задолжавших от 100 до 200 руб., было 74, свыше 200 руб. — 15. Иначе говоря, около 80 хозяйств были в безысходной кабале у ростовщиков²³. Несомненно, они имели также задолженность и государству.

Ростовщические операции никогда не поддавались точному статистическому учету. Это означает, что приведенные цифры далеко не охватывают всех ростовщических ссуд, какие совершались в поселках. Но и они красноречиво свидетельствуют, что кулак-переселенец не являлся капиталистом фермерского типа, базировавшим свои накопления только на эксплуатации батрачества. Главная масса его доходов — ростовщический процент на ссуды деньгами и натурой, главный объект его эксплуатации — мелкий производитель — крестьянин.

Развивал кулак также торговлю и мелкие промышленные предприятия в помощь торговле. В 1914 г. по Тургайско-Уральскому переселенческому району (Актюбинский, Кустанайский, Уральский и Темирский уезды) зарегистрировано в переселенческих поселках: товарных, винных и пивных лавок — 1168, харчевен — 9, постоянных дворов — 162, мельниц — 545, маслобоен — 125²⁴. Это был расцвет кулацкой эксплуататорской деятельности в поселках, распространявшейся и на казахские аулы.

Переселенец, особенно новосел, по прибытии в край брал

²² «Селение Георгиевское...», стр. 16.

²³ «Статистический материал по подворному обследованию...».

²⁴ «Сельскохозяйственные данные за 1914 г. Сведения об экономическом положении переселенцев по волостям Тургайско-Уральского района, полученные от волостных и сельских правлений». Оренбург, 1915.

не только ссуду у государства, но попадал также и в цепкие лапы торгово-ростовщического капитала. Из его хозяйства интенсивно высасывались соки. Выраставший в поселках кулак и дополнял получателя феодальной ренты, государство, и, главное, — превращался в низовое звено октябристского капитала, орудовавшего в Казахстане-колонии.

В свою очередь на переселенцев давила и царская эксплуататорская государственная машина, требовавшая возврата ссуд и уплаты налогов. В 1910 г. на 1671 хозяйство девяти поселков Кокчетавского и Петропавловского уездов приходилось платежей по ссудам, государственным, земским и страховым налогам, волостным и сельским сборам более 24 тыс. руб., в среднем 14,61 руб. на хозяйство²⁵. В 1911 г. на 8859 переселенческих хозяйств Акмолинского и Омского уездов пало платежей вместе с недоимками около 118 тыс. руб., в среднем на хозяйство — 13,3 руб.²⁶. В 1910 г. в селении Георгиевском, по подсчету самих обследователей, «на наличный двор приходилось (платежей. — П. Г.) 31,28 руб., на одного взрослого работника — 19,56 руб.»²⁷.

Как видим, российский военно-феодальный империализм взимал огромную ренту с наделов, «бесплатно» предоставленных русским крестьянам-переселенцам в Казахстане. Наряду с этим взыскивал ссуды на домообзаводство, которые, как показано выше, превышали стоимость всего имущества бедняцких хозяйств и достигали половины стоимости имущества среднего крестьянства.

Тяжелы были налоги на казахское крестьянство, но не меньшей тяжестью ложились они и на хозяйство переселенцев. Известно, что казахи в это время в среднем платили 13—14 руб. с кибитки²⁸. Платежи переселенцев тоже колебались в пределах этой суммы, а иногда достигали 30 и более рублей на хозяйство.

К этим официальным государственным сборам неизменно прибавлялись произвольные поборы местной администрации, судей и русских чиновников.

Российский военно-феодальный империализм в одинаковой мере распространял свою военно-феодальную эксплуатацию как на казахские аулы, так и на крестьян-переселенцев. К эксплуатации со стороны военно-феодального империализма присоединилась интенсивно возрастающая эксплуатация капиталистического империализма через октябристские формы капитала, процветавшие в крае.

²⁵ «Статистический материал по подворному обследованию...».

²⁶ «Сборник статистических сведений...».

²⁷ «Селение Георгиевское...», стр. 15.

²⁸ «Краткий статистический обзор Тургайско-Уральского переселенческого района».

Платежи по ссудам, налоги, поборы, торгово-ростовщические прибыли купцов и кулачества, феодально-байская эксплуатация — вот те основные каналы, по которым растекались результаты труда местного казахского и пришлого переселенческого крестьянства. Из казахского и русского переселенческого сельского хозяйства изымали не только прибавочный, но и часть необходимого труда бедняцкого и середняцкого крестьянства. Это и являлось той экономической причиной, по которой в XIX в. казахское и переселенческое сельское хозяйство было ввергнуто в пучину глубокого кризиса. В аулах и поселках интенсивно накапливалась беднота, для которой не было другого выхода, как свергнуть царизм, изгнать из Казахстана российский капиталистический империализм, очистить сельское хозяйство от докапиталистических форм эксплуатации.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Наши выводы сводятся к следующему.

1. Российский капиталистический империализм в процессе своего возникновения (вторая половина XIX в.) и в период, когда он принял завершенные формы монополистического капитализма — империализма (XX в.), проникал в Казахстан в условиях, когда там уже господствовал российский военно-феодальный империализм со своей системой военно-феодальной эксплуатации Казахстана-колонии.

2. Сочетание военно-феодальной эксплуатации (со стороны царизма) и капиталистической (со стороны капиталистического империализма) делало колониальный гнет в Казахстане особенно тяжелым. Производительные силы края разрушались. Сельское хозяйство Казахстана в начале XX в. вступило в полосу глубокого кризиса.

3. При верховной собственности царизма на казахские земли совершался процесс формирования индивидуальной земельной собственности. Местные феодалы и полуфеодалы устремлялись ко всемерному расширению своей власти над пастбищами, покосами и пашнями. В то же время царское правительство изымало огромные площади земель в свое полное распоряжение, чем урезалось не только крестьянское, но и феодальное землепользование. Это породило оппозицию царизму со стороны феодалов, полуфеодального байства и местной буржуазии.

4. При всем том главным противоречием по земельному вопросу стало противоречие между царизмом и местными феодалами, с одной стороны, и местным крестьянством, включая переселенческое, — с другой. Царские земельные

захваты в совокупности с захватами местных феодалов обезземеливали местное крестьянство, лишали его пашен и пастбищ, подрывали и скотоводческое и земледельческое крестьянское хозяйство. Царская налоговая политика и произвол чиновников давили в одинаковой мере как на местное, так и на переселенческое крестьянство. Все многонациональное крестьянство края противостояло царизму, а местное крестьянство — также и местным феодалам, как класс феодального общества, имевший общие интересы в борьбе с царизмом и местным феодализмом.

5. В то же время крестьянство всех национальностей противостояло капиталистическому империализму, как объект капиталистической колониальной эксплуатации. Борьба местного крестьянства против царизма и империализма была антиколониальной национально-освободительной. Борьба переселенческого крестьянства, не будучи формально национально-освободительной, была также антиколониальной, смыкавшейся с борьбой местного крестьянства, как направленная на решение той же общей задачи — разрушение всей системы колониальной эксплуатации края.

6. По своему экономическому содержанию байско-буржуазная оппозиция царизму была борьбой за более благоприятные условия развития капитализма в Казахстане по октябристскому пути. В то же время классовая антицаристская, антиимпериалистическая и антифеодальная борьба местного и переселенческого крестьянства уже с конца XIX в. стала борьбой за демократический путь развития капитализма. Два пути, два типа антиколониальной и национально-освободительной борьбы — реформистский, байско-буржуазный и революционный, крестьянский — вступили в острое противоречие. Антицаристское, байско-буржуазное движение было также движением антикрестьянским. Революционное, антиколониальное движение крестьянства было также антибайским, антифеодальным, направленным против октябристских форм капитала.

Фронт антицаристских национальных сил раскололся. В процессе национально-освободительной борьбы байско-буржуазное антицаристское движение сближалось с либерально-кадетской оппозицией царизму, переходило на сторону капиталистического империализма. Крестьянское демократическое антицаристское движение перерастало в антиимпериалистическое и антифеодальное, сближалось с борьбой рабочего класса за социализм.

7. Союз всероссийского пролетариата (включавшего в свой состав и немногочисленные кадры рабочих Казахстана) и многонационального казахстанского крестьянства

предопределился всем ходом социального развития казахского аула и переселенческой деревни.

В Казахстане совершилась не буржуазно-байская национально-освободительная революция под руководством местных эксплуататорских классов и в их интересах, а крестьянская буржуазно-демократическая революция под руководством рабочего класса, в интересах трудящихся, как революция, перерастающая в социалистическую.

8. Как Казахстан не был самостоятельной экономической единицей, входил в колониальную систему российского империализма и народнохозяйственную систему Российской империи на положении колонии, так и революция в Казахстане не была самостоятельным явлением. Это составная часть общероссийских демократической и социалистической революций. Это колониальная революция, совершившаяся одновременно и в полном единстве с социалистической революцией в метрополии.
